

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2014

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- И.С. Рыбачёнок** — Внешняя политика России на рубеже XIX—XX вв. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Е.А. Шляпникова** — Аркадий Иванович Морков 17

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.А. Нефёдов** — Происхождение регулярного государства Петра Великого 31

СООБЩЕНИЯ

- Э.Г. Задорожнюк** — Ф.И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства 41

- О.И. Куликова** — Отношения Древней Руси со странами Кавказа в письменных источниках IX—X вв. 55

- Г.А. Кондратова** — Династия Рюриковичей: философско-исторический анализ 63

- М.Е. Ерин** — Х.А. Винклер и его взгляды на воссоединение Германии 74

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- О.В. Серова** — Конклав 1903 г. и российская дипломатия 88
- К.Н. Станков** — Уильям Пенн, Яков II Стюарт и движение якобитов 109

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Д.Б. Хазанов** — Операция «Уран» и взаимодействие союзников осенью 1942 г. 122
- К.С. Чернов** — Абсолютизм в России 128
- Н.В. Солнцев** — Три встречи с Иммануилом Кантом 137

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Н.В. Башнин** — Монастыри и окружающий мир в конце XVI—XIX в. 141
- А.В. Кобзев** — Мусульманское духовенство в СССР в 1940—1980-х гг. 149

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С.Б. Крих, О.В. Метель** — Две парадигмы в современной отечественной историографии 159
- А.С. Чижикова** — А.Ю. Петров. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки 166
- М.П. Беляев** — Л.И. Ивонина. Спутники Марса: принц Конде и маршал Тюренн 169
- А.Г. Еманов** — Т.В. Куш. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии 172

Внешняя политика России на рубеже XIX—XX вв.

И.С. Рыбачёнок

На рубеже XIX—XX вв. сложилась всемирная система международных отношений, в которой тесно переплетались разнонаправленные и отчасти совпадающие интересы держав на всех континентах. В результате завязалось несколько узлов противоречий — в Европе, на Балканах и Ближнем Востоке, в Африке, на Среднем и Дальнем Востоке. В борьбе великих держав за гегемонию в Европе и в мире наряду с аннексией, угрозой применения силы и экспортом товаров все более действенными становились такие приемы экспансии, как экспорт капитала в форме инвестиций, кредитов, займов; получение концессий на строительство железных дорог, телеграфных линий, добычу полезных ископаемых. Все державы в той или иной мере пользовались арсеналом этих средств, но их масштаб, приоритетность и результативность различались в зависимости от экономической, финансовой, военной и политической мощи тех, кто их применял.

В отношениях между державами отчетливо выявились две тенденции — заключать временные соглашения для урегулирования спорных региональных вопросов и укреплять военное и военно-морское могущество в перспективе применения силы для отстаивания своих позиций в мире. Договариваясь о взаимном признании сфер интересов, конкуренты далеко не всегда соблюдали условия сделки, и наряду с попытками смягчить противоречия наращивали военный потенциал. Особое значение на рубеже веков приобрело военно-морское могущество. Флот рассматривался как атрибут великой державы, позволявший добиваться внешнеполитических целей, а наиболее часто применявшимся средством угрозы стала демонстрация военно-морской мощи.

Равновесие держав базировалось на системе военно-политических союзов: Тройственного — Германии, Австро-Венгрии и Италии и Двойственного — России и Франции. К началу XX в. тесное переплетение старых противоречий на европейском континенте, определивших в свое время конфигурацию этих союзов, в совокупности с разногласиями, возникшими в ходе соперничества за территориально-экономический раздел мира, создавало почву для различных, иногда временных, политических комбинаций. Хорошо осведомленная русская

газета «Новое время» констатировала: «Сложное сплетение интересов западно-европейских держав, допускающее возможность самых неожиданных соглашений по отдельным вопросам, соглашений, часто как бы противоречащих политическим союзам, на которых зиждется международное равновесие, является началом новой эпохи во взаимных отношениях государств Западной Европы»¹.

То, о чем интуитивно догадывались современники, позже осмыслили историки. Так, Ф.А. Ротштейн обоснованно утверждал, что в условиях новой эпохи «основой союзов служат не столько вопросы прямой безопасности, сколько вопросы сотрудничества в деле колониальной агрессии, которая может поставить вопрос о безопасности»². По мнению академика В.М. Хвостова, теоретически возможными стали: англо-германский союз, континентальная лига Германии, России и Франции и англо-франко-русское согласие. Время должно было определить, какие противоречия окажутся сильнее, и какая из группировок осуществится³.

Российская империя имела значительные геополитические интересы практически во всех регионах мира, отстаивать которые ей приходилось в жесткой конкурентной борьбе. На выработку и осуществление внешнеполитических решений влияли внутривнутриполитические проблемы, хронические финансовые трудности, противоречия между ведомствами, личные амбиции государственных деятелей. Россия, принадлежавшая к числу первоклассных великих держав, имела самую многочисленную армию и сравнительно большой флот, а военно-силовой фактор рассматривался ее правящими кругами как определяющий. Но военный потенциал империи по многим параметрам не соответствовал как великодержавным интересам, которые страна отстаивала на международной арене, так и уровню развития вооруженных сил основных соперников. Россия, чем дальше, тем больше отставала от лидеров по своей индустриальной мощи.

Сохранить великодержавные позиции Россия могла, только участвуя в политико-экономическом разделе мира и используя для укрепления влияния меры, адекватные требованиям времени: предоставлять займы другим государствам, создавать в них кредитные учреждения, получать концессии на строительство стратегических железных и шоссейных дорог и т.д. Но средств только собственного казначейства было недостаточно, и Россия была вынуждена обращаться к иностранным займам. Основным ее кредитором являлась Франция, однако по мере роста задолженности получать новые займы становилось труднее, а их условия зачастую приобретали политический характер, что неизбежно отражалось на внешнеполитическом курсе империи⁴. Модернизация экономики страны, проводившаяся с 90-х гг. XIX в. при сохранении самодержавной социально-политической системы, подрывала эту систему изнутри. Чтобы ее сохранить на достаточно длительный период, требовалось создать благоприятные внешние условия.

Между тем, к началу XX в. международные отношения приобрели характер неустойчивого равновесия. Ряд региональных кризисов высветил палитру противоречий и в то же время — известные возможности для их урегулирования. Корректировка европейскими державами условий Симонсекского мира после японо-китайской войны 1894—1895 гг. свидетельствовала о тесной связи региональных конфликтов с общей расстановкой сил на международной арене. Ближневосточный кризис 1894—1898 гг. показал возможность «подморозить» Восточный вопрос с помощью «европейского концерта». На короткий период сложилась общая заинтересованность держав в сохранении мира, поскольку пока удавалось находить более или менее приемлемые для всех решения локальных конфликтов.

Разработка на рубеже XIX—XX вв. геополитических идей стала, по мнению специалистов, следствием завершенности территориально-политического раздела мира и необходимости обосновать правомерность внешнеполитической экспансии. Анализируя эти процессы в категориях геополитики, К.В. Плешаков охарактеризовал их как борьбу за контроль над пространством. Определение, данное им этому феномену, звучит убедительно: «Геополитика... может быть определена не просто как объективная зависимость внешней политики той или иной нации от ее географического местоположения, а как объективная зависимость субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов, позволяющих этому субъекту осуществлять контроль над пространством»⁵.

Своеобразие геополитического положения России во многом определяло ее внешнеполитические интересы и влияло на выстраивание отношений с державами. Борясь за выход к морям и океанам на северо-западе, юго-западе и востоке, за сухопутные торговые пути, осваивая Сибирь и Дальний Восток, правящие верхи России отстаивали государственную независимость, престиж империи и отчасти общенациональные интересы. Место России в мире, ее роль в системе международных отношений, создание оборонной мощи государства, необходимой и достаточной для обеспечения национальных интересов, — проблемы, которые должны были являться приоритетными для тех, кто оказывался причастным к выработке внешнеполитического курса. В круг тех, кто не только задумывался о великодержавном престиже России, ее месте в мире, но и мог влиять на формирование внешнеполитического курса входили главы дипломатического, военного, морского и финансового ведомств, ответственные чиновники МИД, крупнейшие военные и морские специалисты. Всех их объединяло представление о Российской империи как о великой мировой державе, выполняющей свою историческую миссию — стать своего рода связующим звеном между Европой и Азией. При этом приоритеты политики России определялись ее геополитическим положением, историческими традициями, православной верой. Однако взгляды и мнения этих деятелей являли довольно пеструю, мозаичную картину и не носили системного характера.

Хотя победа в борьбе держав за лидерство определялась их промышленной, финансовой и военной мощью, дипломатия как система методов и приемов достижения внешнеполитических целей всегда играла важную роль наряду с силовыми и экономическими факторами. Успех зачастую зависел от умения находить оригинальное решение проблемы, верного или ложного выбора политических союзников, способности к компромиссу. При этом весьма важной оказывалась роль личности в сфере принятия решений, ведения переговоров, заключения соглашений.

Традиционно сложилось несколько векторов внешнеполитической активности России: на Балканах, Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Большинство государственных деятелей считали основным направлением балканско-ближневосточное. Однако все большее значение с середины XIX в. стали приобретать также задачи укрепиться на Дальнем Востоке, господствовать на Тихоокеанском побережье и выйти к Индийскому океану. На Африканском континенте Россия на рубеже XIX—XX вв. не имела ни территориальных, ни экономических интересов. Этим определялась пассивная позиция в регионе и, как следствие, расплывчатость задач, которые ставились перед ее дипломатическими представителями: получать достоверные и подробные сведения и наблюдать за политикой других держав. Однако поскольку цельной и долгосрочной программы действий выработано не было, приоритетным в тот или иной период становилось то направление, которое объективно выдвигалось на первый план ходом международных событий.

Балканская политика России на рубеже XIX—XX вв. была внутренне противоречива. С одной стороны, укрепление балканских стран было для нее желательным, а с другой — ослабление Османской империи оказывалось приемлемым лишь до известных пределов. Расчеты на признательность в политике оказались необоснованными, и в результате влияние России постепенно ослабвало: лидеры молодых национальных государств постепенно выходили из-под ее опеки и искали поддержки западных держав. Важной составляющей балканской политики России являлось соперничество с Австро-Венгрией за влияние в регионе. Пытаясь сохранить равновесие сил между балканскими государствами и не дать противоречиям между ними спровоцировать масштабный конфликт, Россия заключила в 1897 г. соглашение с Австро-Венгрией о поддержании статус-кво на Балканах.

После завершения Ближневосточного кризиса правительственная линия в Восточном вопросе определялась так: «Ограждение принципа закрытия Проливов, как одного из способов поддержания независимости султана, должно составлять коренное правило нашей внешней политики до тех пор, пока Российская держава, в полном сознании своей мощи, не признает нужным изменить направление этой политики в видах приобретения непосредственного господства над Проливами, составляющего ее историческую задачу на турецком востоке»⁶.

Таким образом, основной целью было получить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, а не просто занять укрепленные пункты на Босфоре, как в 80-е гг. XIX в. предлагал начальник Главного штаба генерал Н.Н. Обручев. Заявленная стратегическая цель отразилась в директивных документах МИД — инструкциях послу в Константинополе А.И. Зиновьеву (от 12 декабря 1897 г.) и послу в Париже Л.П. Урусову (от 28 января 1898 г.)⁷. Вместе с тем ее осуществление откладывалось на отдаленную перспективу; задачами текущей политики оставались: поддерживать статус-кво в Османской империи и препятствовать преобладанию в Константинополе какой-либо одной державы в ущерб российскому влиянию.

Новую угрозу для России создало усиление позиций Германии на Ближнем Востоке. Влияние Берлина возросло в султанском дворце, административной, финансовой и экономической жизни страны: германские инструкторы переустроивали турецкую армию, на германских заводах строились корабли для турецкого военного флота, из Германии поставлялось оружие для нужд армии, германские капиталы вкладывались в сооружение турецких железных дорог и телеграфа. Неудачей закончилась летом 1899 г. попытка договориться с Берлином о разделе сфер интересов в Турции. Но Петербургу удалось в марте 1900 г. заключить русско-турецкое соглашение, в соответствии с которым Россия получала преимущественное право на строительство железных дорог в оговоренном районе анатолийского побережья Черного моря, а Турция обязывалась не выдавать иностранцам концессий на строительство там железных дорог.

Активизация с начала 90-х гг. XIX в. политики России на Дальнем Востоке диктовалась актуальными экономическими, внутривосточными и внешнеполитическими задачами. Военно-стратегическую составляющую Транссибирской магистрали отлично поняли как в Европе, так и в Азии. По определению Б.А. Романова, дорога включала Россию «в сферу международного экономического и политического соперничества на Тихом океане» и «должна была обеспечить русскому военному флоту все необходимое», дав ему «твердую точку опоры в наших восточных портах»⁸. Такая постановка задачи потребовала новых ассигнований на усиление Тихоокеанского флота, которые и были выделены, но оказались явно недостаточными.

Вопрос о целях, задачах и характере политики на Дальнем Востоке после японо-китайской войны 1894—1895 гг., о выборе союзников, выявил разномыслие в правящих верхах России. Решение проложить Великую сибирскую железную дорогу через Северную Маньчжурию, занятие Порт-Артура в 1897 г. и строительство КВЖД к нему стали фундаментальными ошибками, во многом определившими дальнейший ход событий. Обострились отношения с Китаем, а в глазах Англии, Японии, Германии и США русский прорыв к Тихому океану нарушал баланс сил в регионе и вызвал их жесткое противодействие. В стремлении добиться своих стратегических целей Россия оказалась в политической изоляции. Попытка англо-русского соглашения о разделе сфер влияния на Среднем и Дальнем Востоке в 1898—1899 гг. не удалась, и дело ограничилось соглашением о сферах железнодорожного строительства в Китае.

Не менее острым, чем на Дальнем Востоке, было соперничество России и Англии в Персии. Цели Петербурга — получить там доминирующее положение и возможность построить Трансперсидскую железную дорогу от Каспийского моря до Персидского залива — встретили решительное сопротивление Лондона. Но в январе 1900 г. России удалось добиться от шаха продления срока моратория на железнодорожное строительство еще на десять лет. На рубеже XIX—XX вв. в борьбу двух держав в регионе вмешалась Германия⁹. Грандиозный замысел Берлина — построить Багдадскую железную дорогу от Константинополя с конечным пунктом на побережье Персидского залива — подрывал, с одной стороны, устои британского могущества, а, с другой, — ослаблял русско-германские отношения.

Стало ясно, что противостоять соперникам трудно, но можно попытаться использовать их противоречия в собственных интересах. Перед правящими верхами России объективно обозначилась задача — выиграть время, поддерживая хрупкое равновесие и, по возможности, укрепляя его. Такое средство увидели в замысле созвать международную конференцию мира. Обращаясь к державам в декабре 1898 г. с предложением общими усилиями приостановить гонку вооружений и разработать мирные средства урегулирования международных столкновений, Петербург рассчитывал стабилизировать положение в Европе и мире в целом — «подморозить» всю систему международных отношений. Но Первая конференция мира в Гааге 1899 г. не оправдала возлагавшихся на нее надежд, поскольку узко прагматическая политика, главная задача которой — сохранить существующее положение, не имеет долгосрочной перспективы. России не удалось организовать коллективного воздействия на Англию, использовавшую в войне с бурами в 1900—1902 гг. варварские методы и средства, запрещенные гаагской конференцией. Робкие шаги России показали тщетность упований на поддержку державами миротворческих инициатив.

Сдвиг в мировом балансе сил заставил Петербург задуматься об адекватных мерах. На рубеже XIX—XX вв. почти одновременно товарищ министра иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф¹⁰, военный министр генерал А.Н. Куропаткин и министр финансов С.Ю. Витте изложили свои взгляды на положение России в мире в программных документах. Ламздорф в январе 1900 г. составил «Записку МИД об ограждении первостепенных интересов России на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, в связи с англо-бурской войной»¹¹, которую одобрил Николай II. Литографированные экземпляры записки от имени министра иностранных дел гр. М.Н. Муравьева были представлены Куропаткину, П.П. Тыртову и Витте с тем, чтобы в результате обсуждения было принято решение.

Определяя приоритеты и формулируя задачи России в разных регионах, Ламздорф в самом общем виде ставил их так. На Ближнем Востоке — добиться от Турции прекратить работы по укреплению Босфора и потребовать не выдавать железнодорожных концессий иностранцам вдоль Черноморского побере-

жья Малой Азии. На Среднем Востоке — заявить о намерении восстановить непосредственные отношения с Афганистаном и учредить там дипломатическое представительство, а для давления на Англию привести в состояние боеготовности войска Туркестанского округа и Закаспийской области; ускорить изыскания по проведению железнодорожных линий в Закавказье в сторону персидской границы и постройку линии Оренбург — Ташкент. В Персии — оказывать содействие развитию русских торговых и промышленных предприятий, сооружению колесных дорог и установлению почтово-телеграфных сношений.

Возможные варианты мер по противодействию Англии, как-то — занять порт в Персидском заливе, заявить о недопустимости нарушения территориальной неприкосновенности Персии, договориться о ее разделе на сферы влияния — отклонялись. Первый — из-за нецелесообразности создания баз, удаленных от русских границ; второй — потому, что лишал бы Россию свободы действий на севере Персии; третий — как невыгодный. Признавая за Англией право единолично распоряжаться на юге, — утверждал Ламздорф, — Россия тем самым заранее добровольно ставит преграду к дальнейшему, вполне возможному для нее движению за пределы северных провинций Персии. Оптимальный вариант он видел в широком поощрении постепенного экономического завоевания всей Персии. Наконец, на Дальнем Востоке предполагалось: продолжать работы по усилению боеготовности войск Приамурского военного округа и Квантунского полуострова; ускорить оборудование Порт-Артура и сооружение железнодорожных путей, связывающих его с Сибирской магистралью; содержать на Тихом океане мощную эскадру для поддержания могущества России в регионе.

Намечая задачи, Ламздорф определял их приоритетность так: 1) пытаться ли овладеть портом в Средиземном или Черном море, или в Персидском заливе? 2) занять ли пункт в Малой Азии, оккупировать северную Персию, Герат, Афганистан? 3) занять ли новый стратегический пункт на Дальнем Востоке? Обозначал он и тактику действий: 1) решать задачи с наименьшей затратой сил; 2) решать лишь одну из стоящих на очереди; 3) определить: действовать с кем-либо в союзе или вполне независимо от какой бы то ни было державы. Вопросительная форма оставляла возможность обсуждения задач, хотя, по мнению Ламздорфа, общее политическое положение вещей не требовало чрезвычайных мер: приобретения какой бы то ни было территории, стоянки для флота или стратегической позиции ни на основе соглашений, ни путем военного занятия. Более четко формулировалась лишь задача опередить соперников России на берегах Босфора. Для этого следовало принять все меры к тому, чтобы в тот момент, когда обстоятельства сложатся благоприятно, либо вероятность занятия Проливов какой-либо европейской державой станет очевидной, Россия могла бы внезапной, но хорошо подготовленной акцией, с верным залогом на успех, утвердиться на берегах Босфора.

Таким образом, каких-либо активных, наступательных акций не планировались, напротив, предлагалось в сложившихся условиях занять осторожную и сдержанную позицию и выжидать. В ответах Куропаткина, Тыртова и Витте, в целом согласившихся с исходным положением записки, выявилось расхождение во взглядах по вопросам об основном векторе политики, ее приоритетах, возможных союзниках¹².

Реализацию задач, сформулированных в записке МИД, Витте предлагал поставить, прежде всего, в зависимость от состояния средств Государственного казначейства. Связывая будущие успехи России с ее модернизацией, он высказался против авантюристических увлечений и непосильного для империи соревнования в гонке вооружений с более могущественными державами, склоняясь к компромиссам с ними¹³. Он предлагал не увеличивать вооруженные

силы России в Туркестане и Закаспийской области, чтобы не обострять отношений с Англией. Призывая не усиливать войска Приамурского военного округа и Квантунского полуострова, а также флот на Тихом океане, Витте полагал, что укрепление боеготовности России на Дальнем Востоке только подстегнет Японию, Англию и другие державы к противодействию. Тезис явно сомнительный, поскольку продвижение России в этот важный регион уже заставило ее соперников принять меры со своей стороны. Относительно плана захватить Босфор Витте подтвердил высказанное еще в 1896 г. мнение о том, что эта цель может быть достигнута или ценой европейской войны, или ценой серьезных уступок со стороны России в других местах, не говоря уже об огромных денежных затратах.

Управляющий Морским министерством Тыртов, напротив, полагал нужным ассигновать достаточные средства для осуществления успешной операции по утверждению России на Босфоре. И хотя этот вопрос неоднократно обсуждался в специальных комиссиях, недостаток финансирования не позволял проверить на деле результаты подготовки к десантной экспедиции. С утверждением Ламздорфа о бесполезности устраивать угольные станции или опорные пункты вне границ империи Тыртов был согласен. Однако на Дальнем Востоке, где, по его мнению, нет нужды в территориальных приобретениях, такая база необходима. До тех пор, пока русский флот не получит опорного пункта в южной Корее, положение России на Тихом океане Тыртов считал шатким. Такой порт мог бы связать Владивосток с Порт-Артуром, и главное — позволил бы сдерживать Японию — основного соперника в регионе — от агрессивных действий угрозой применения силы.

Куропаткин подробно изложил взгляды на внешнеполитические задачи империи во всеподданнейшем докладе за 1900 год. Эти задачи, полагал он, должны состоять в «охранении уже достигнутых Россией пределов, без дальнейшего расширения таковых»¹⁴. Вместе с тем, в его воображении рисовались широкомасштабные великодержавные прожекты: обеспечить России свободный выход через Дарданеллы, закрепиться на Тихом океане и выйти к Индийскому.

Ответы на записку Ламздорфа были более взвешенными. Куропаткин назвал самой важной задачей России в XX в. прочное военное занятие Босфора. Правда, методы для этого он предлагал малореальные: во-первых, убедить турецкое правительство уступить пролив России и, во-вторых, договориться с Германией о признании исключительно за Россией права защищать, а в случае необходимости занять пролив. Относительно задач в Персии, Афганистане и на Дальнем Востоке военный министр разделял позицию МИД, но сомневался в достаточности предложенных средств удержать Англию от захвата стратегических пунктов на южном побережье Персии. Предотвратить такую возможность, по его мнению, могло бы англо-русское соглашение, заключенное после того как Россия завершит строительство сплошного рельсового пути из европейской части страны в Среднюю Азию¹⁵.

Суммировав ответы коллег, Ламздорф в итоговой записке справедливо констатировал их нежелание брать ответственность на себя, предоставив разрешение поставленных вопросов дипломатическому искусству. В этой связи он вполне обоснованно отметил, что Англия, совершившая за последние 30 лет несколько удачных захватов далеко не мирным путем, никогда не жалела для этих целей денежных средств и всегда держала наготове самый могущественный в мире флот. Поэтому дипломатическое искусство, по его мнению, имеет определенный предел, за которым должна стоять наготове вооруженная сила. То обстоятельство, что выработки конкретных мер после докладной записки не последовало, свидетельствовало, что попытка утвердить долгосрочную программу

действий не удалась, а в правящих верхах России опасались рисковать, воспользовавшись ситуацией для укрепления позиций империи в разных регионах.

Вопрос о приоритетах дальневосточной политики не был однозначно решен и в начале 1900-х годов. Дилемма — вместе с Китаем против Японии или вместе с Японией за счет Китая — переплеталась с другой — укреплять политические и военно-стратегические позиции России посредством железнодорожного строительства для быстрой мобилизации сухопутных сил или сооружать мощный броненосный флот. Тесно связанная с этим проблема выбора места для строительства незамерзающего порта для постоянного базирования Тихоокеанского флота не была окончательно решена и после занятия Порт-Артура. Морское министерство хотело получить порт в Корее. Положение осложнялось явным недостатком финансовых ресурсов для обеспечения всех замыслов¹⁶.

Боксерское восстание 1900 г. в Китае и вмешательство европейских держав вынудили Россию принять участие в международной акции по его подавлению. Считая целесообразным сохранить государственный строй Китая, устранив все, что могло бы привести к его разделу, Петербург оставлял за собой право действий для ограждения строительства КВЖД, обеспеченного двусторонним соглашением с Пекином. При этом Россия рассчитывала добиться исключительного преобладания в Маньчжурии, но оккупация ее войсками этой китайской провинции вызвала протесты и противодействие держав. Англия, Германия, Франция, Япония и США имели в Китае собственные интересы и были готовы их отстаивать.

Заключение в январе 1902 г. англо-японского союза, направленного против России, и провозглашение США доктрины «открытых дверей» еще больше накалили обстановку в регионе. По условиям соглашения 1902 г. с Пекином Россия обязалась вывести из Маньчжурии войска в оговоренный срок, но по этому вопросу вновь обострилось противоборство в ее правящих кругах. Победа сторонников курса экспансии привела в марте 1903 г. к приостановке эвакуации войск и ускорила вызревание русско-японского конфликта, хотя и не была его причиной. Очевидная тесная связь политики в разных регионах вновь выявила разногласия по вопросу о главном векторе внешнеполитических усилий.

По мнению Куропаткина, потенциальная угроза со стороны Тройственного союза (прежде всего Германии) побуждала российскую империю, в первую очередь, озаботиться положением на западных границах. Приоритетность военно-политических интересов России он представил в виде пирамиды, основанием которой служило обеспечение внутреннего спокойствия и безопасности страны, а вершиной — интересы в Маньчжурии и Корее. Он полагал, что, если интересы на Дальнем Востоке поставить на первое место, то рухнет все здание¹⁷. Вместе с тем, взгляды его были противоречивы и непоследовательны¹⁸.

На Балканах с конца XIX в. Петербург и Вена сотрудничали в определенных рамках. Соглашение 1897 г. стало для России одним из основных способов, с одной стороны, связать конкурентке руки, а, с другой — не будировать стремлений балканских стран играть на австро-русских противоречиях для достижения собственных целей и не дать спровоцировать общий кризис в регионе. В целях мирного осуществления реформ в трех турецких вилайетах (составлявших так называемую Македонию) две державы в 1903 г. заключили Мюрцштегское соглашение, которое стабилизировало обстановку на Балканском полуострове.

Для решения вопроса о Босфорских проливах в соответствующих ведомствах России разрабатывались меры, необходимые в военно-морском и дипломатическом отношениях, но они были половинчатыми и непоследовательными. Учебные маневры осенью 1903 г. выявили недоработки в подготовке Босфорской экспедиции. Так и не был положительно решен вопрос о налаживании

надежной, подконтрольной России телеграфной связи с Константинополем. Начальник военно-морской походной канцелярии контр-адмирал граф А.Ф. Гейден с сожалением констатировал: «Главным руководящим элементом вооруженных сил страны считается политика, и ей твердо и уверенно следует сказать нам, какие задачи ею возлагаются на флот. Только тогда, в соответствии с этими задачами, Морское ведомство безошибочно подготовит нужные морские силы. Не будем обольщаться и скрывать от себя, что ясно и точно мы этих задач не знаем»¹⁹.

Огромное значение приобрел международно-правовой аспект проблемы. Неудобство для России постановлений о Проливах отчетливо проявилась во время войны с Японией²⁰. Дважды — в феврале и сентябре 1904 г. — вопрос об отправке кораблей Черноморского флота на Дальний Восток обсуждался в правящих верхах, выявив известную перемену в подходах к его решению. Зондаж в Константинополе показал, что султан не даст согласия на проход русских броненосцев через Проливы, а Англия воспрепятствует этому силой. Позиция МИД в этот период была сформулирована в «Записке по поводу отправления на Дальний Восток судов русского Черноморского флота» (1904 г.).

Категорически возражая против нарушения международных трактатов о Проливах, в МИД полагали: Россия имеет основания добиваться международного признания права выводить из Черного моря свои военные корабли с согласия одного султана, не нарушая при этом выгодного ей принципа закрытия Проливов²¹. Но планы МИД поставить на международное обсуждение вопрос о пересмотре режима Проливов не нашли поддержки военного и морского ведомств. Дипломатические зондажи показали, что любые попытки России решить вопрос мирным путем вызовут активное противодействие со стороны Англии и Германии и вряд ли будут поддержаны Францией. Силовое же решение вопроса оказывалось в тех условиях попросту невозможным.

Вынужденная с конца XIX в. считаться с господством Англии в Персидском заливе, Россия все же сумела усилить свои позиции в Персии в начале XX века. Возросло ее влияние на шаха, была заключена русско-персидская торговая конвенция, проведены успешные финансовые операции²², продемонстрирована военно-морская мощь. Российская дипломатия приложила максимум усилий, чтобы затормозить реализацию Багдадского проекта. Но при этом она не могла опереться на поддержку союзной Франции, готовой в собственных интересах сотрудничать в этом регионе с Германией.

В результате обострения противоречий между Россией и Англией, Россией и Германией, Англией и Германией на Среднем Востоке сложился своеобразный политический треугольник, в котором каждая из трех держав, стремясь упрочить собственное положение, в то же время пыталась играть на противоречиях между двумя другими соперниками. Намерение Берлина пересмотреть сферы влияния в самом старом районе англо-русского соперничества поставило в иную плоскость и проблему союзов держав в Европе.

Союз с Францией оставался краеугольным камнем политики России. Он был укреплен в ходе совещаний начальников генеральных штабов двух стран в 1901—1903 гг. и финансовыми операциями на Парижском денежном рынке²³. Но эволюция союза явно складывалась в пользу Франции и отражала изменения в соотношении сил партнеров вследствие постепенного общего ослабления позиций России на мировой арене. В том, чтобы ослабить Тройственный союз, возобновленный на новый срок в 1902 г., интересы России и Франции совпадали. Две державы пытались отколоть от него Италию, и в этом отношении инициатива принадлежала Парижу, который действовал осторожно, но настойчиво, а Петербург занимал более пассивную позицию.

Для России наиболее важным аспектом в отношении Тройственного союза были связи с Германией — ее основным торговым партнером²⁴. К тому же симпатии Петербурга и Берлина опирались на традиционные династические узы и родственные отношения Николая II с Вильгельмом II. Их частые встречи имели не только семейный и личный характер, но всегда приобретали политическое звучание. Берлин еще с середины 90-х гг. XIX в. неоднократно пытался расколоть франко-русский союз, а с 1900-х стал строить более сложный план — создать континентальную лигу против Англии. Эта идея импонировала Николаю II, видимо, усвоившему ее от Витте, и замысел франко-русско-германского соглашения казался царю вполне осуществимым.

Обстановка в мире и положение России существенно изменились после заключения в апреле 1904 г. англо-французского соглашения о Египте и Марокко. Пользуясь ситуацией, Лондон в начале апреля 1904 г. зондировал возможность договориться с Петербургом по проблемам Дальнего и Среднего Востока по той же схеме, которая легла в основу англо-французского размежевания в Африке. Ламздорф, сочтя переговоры с Англией несвоевременными, не отрицал их возможности в будущем при условии конкретных предложений с ее стороны. Мотивы действий Лондона расценивались в Петербурге как «желание подготовить почву для борьбы с Германией, ненависть к которой, рядом с боязнью ее возрастающего политического и торгового могущества, составляет теперь главную двигательную пружину великобританской политики». А Париж, укрепляя франко-русский союз, рассчитывал стать связующим звеном между Петербургом и Лондоном.

Тем временем, воспользовавшись обострением русско-английских отношений в разгар русско-японской войны, Вильгельм II осенью 1904 г. попытался вбить клин между Петербургом и Парижем. Он побуждал Николая II подписать двусторонний русско-германский договор, а затем, поставив французов перед свершившимся фактом, убедить их присоединиться к нему²⁵. Царь одобрил замысел, но Ламздорф, хотя и отнесся к предложениям Берлина весьма внимательно, действовал с большой осторожностью. В конце 1904 г. он считал международный расклад сил благоприятным для России, несмотря на войну с Японией и существование англо-японского союза. «Россия для некоторых больших шишек является «богатой невестой», — утверждал он, — которую ни в коем случае не хотели бы видеть бросающейся в объятия другого»²⁶. Это, казалось, позволяло России до известной степени вести игру в собственных интересах.

Тактику своих действий в тот период Ламздорф сформулировал в письмах послу в Париже А.И. Нелидову, послу в Берлине Н.Д. Остен-Сакену и в беседах с советником МИД М.А. Таубе. Она базировалась на двух принципах: «стараться ничем не портить наших отношений с Берлином, — писал он Остен-Сакену, — но притом не упускать и Парижа. Только сохраняя равновесие, удастся извлекать выгоды, в пределах возможности, из обеих сторон», держась на равном удалении от Берлина и Лондона. Поэтому старания Т. Делькассе — автора англо-французского «Entente cordiale», Ламздорф расценил, как желание сделать из этой политической комбинации «une Triple Entente», в противоположность бисмарковской «Triple alliance», то есть Англия — Франция — Россия против Германии — Австрии — Италии. «Но я лично, — утверждал министр, — и, конечно, пока и наш государь — против всяких «против». Может быть, это недостаточно эффективная внешняя политика — за что, я знаю, иногда меня и ругают — балансировать между Францией (нашей союзницей) и Германией, с которой мы связаны тысячами исторических, династических, культурных и экономических уз».

Ламздорф не намеревался развивать зачатки тройственного согласия, чтобы не делать «по направлению к Потсдаму ни одним шагом больше, чем в

сторону Букингемского дворца». Эту тактику в прессе и отчасти в МИД квалифицировали как «отсутствие всякой политики». Но, по мнению министра, «в жизни великого народа бывают периоды, когда такое отсутствие явно выраженной ориентации по отношению к государству или икс или игрек есть лучшая политика». Он называл ее политикой независимости, отказываясь пересест с двух стульев на один и вступать в новые комбинации, чреватые войной. Предвидя, что она станет еще более неудачной, чем русско-японская, Ламздорф был уверен: война грозит революцией, а это приведет к краху императорской России²⁷. Эти положения министр сформулировал тогда, когда расстановка сил обрисовалась достаточно отчетливо: доминирование англо-германского антагонизма при наличии англо-французского сотрудничества. В этих условиях Россия оказывалась перед выбором, делать который Ламздорф как раз и не хотел.

Такая позиция определила реакцию министра на новую попытку Берлина перетянуть Петербург на свою сторону летом 1905 года. Встречу царя и кайзера около о. Бьёрке Ламздорф счел целесообразной, как демонстрацию дружественных отношений Петербурга и Берлина перед лицом Лондона, Вашингтона и Парижа накануне подписания Портсмутского мира. Но поскольку свидание монархов встревожило Париж, Ламздорф заверил Кэ д'Орсе в нерушимости союза. Однако личная дипломатия царя оказалась несостоятельной: русско-германский договор, подписанный им без ведома министра иностранных дел, противоречил русско-французским союзным обязательствам.

Ламздорф писал А.И. Нелидову: «Не скрываю, что стою за возможно лучшие отношения с Германией, но при условии сохранения нашего союза с Францией; жертвовать последним ради сомнительной и трудно осуществимой комбинации трех держав кажется мне политикой неправильной». В другом письме Нелидову он четко сформулировал свое кредо: «Из долголетнего опыта я вынес убеждение, что для того, чтобы быть действительно в хороших отношениях с Германией, нужен союз с Францией. Иначе мы утратим независимость; а тяжелее немецкого ига я ничего не знаю»²⁸.

Узнав о договоре, министр убедил царя так изменить его текст, что это позволило, не отказываясь от него по форме, свести на нет по существу. Тем не менее, Бьёркский эпизод охладил отношения с Берлином и вызвал подозрения в Париже, что существенно ограничило возможности маневра для Петербурга. Не случайно Остен-Сакен писал Ламздорфу в ноябре 1905 г.: «Нам следует с удвоенным вниманием следить за возрастающим антагонизмом между Германией и Англией, — единственной причиной конфликта, который может в настоящее время нарушить мир в Европе»²⁹.

Готовясь к решительной схватке за колониальное и морское первенство, Англия и Германия стремились урегулировать менее значимые разногласия с соперниками, чтобы оказаться во всеоружии против основного врага. Перед обеими объективно стояла задача перетянуть на свою сторону Россию: ни Лондон, ни Берлин не устраивало стремление Петербурга остаться вне блоков, заняв позицию «третьего радующегося». Чтобы сохранить эту позицию, Ламздорфу приходилось зачастую преодолевать противодействие со стороны монарха и корректировать его промахи и ошибки. Провал Бьёркского договора снимал с повестки дня потенциальную дипломатическую комбинацию — континентальный союз против Англии. Казалось, англо-франко-русское единение становилось для России безальтернативным.

Основную линию политики России на рубеже веков, общую для всех регионов, можно определить как «политику подмораживания», которая в официальной лексике именовалась «поддержание статус-кво» и мотивировалась замыслом выиграть время, чтобы в будущем отстаивать державные интересы.

На Балканах, не завоевав прочных экономических позиций, Россия проигрывала Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции и Италии, имевшим рычаги воздействия на правительства балканских стран в торгово-экономической и финансовой сферах. Осложняли ситуацию непримиримые противоречия между балканскими государствами, грозившие военными конфликтами. При этом Россия не могла ни встать на сторону одного из соперников, ни устранить от решения балканской проблемы. Попытки Петербурга сконструировать в каком-то виде союз балканских государств и опереться на него при проведении своей линии были бесплодными, а идея всеславянского единства — иллюзорной. Но во время македонского и критского кризисов в начале XX в. российской дипломатии удалось «подморозить» ситуацию в регионе.

Те же методы Петербург использовал в причерноморских районах Турции и в Персии, где, опираясь на тактику «монополии бездорожья», стремился помешать усилению позиций конкурентов. Рассчитывая со временем распространить свое влияние на всю страну, Петербург неоднократно отклонял предложения Лондона разделить ее на сферы влияния³⁰. Но после начала войны с Японией и особенно после поражения в ней в Петербурге отчетливо поняли, что сферу своего влияния придется ограничить северными районами Персии.

Попытка прорыва на Дальнем Востоке и завоевания прочных позиций на Тихом океане оказалась плохо подготовленной в экономическом, финансовом и военном отношениях и слабо обеспеченной — в политико-дипломатическом. Поражение России в войне с Японией привело к полной утрате Тихоокеанского флота, огромным материальным затратам и росту государственного долга, значительным территориальным и экономическим уступкам, утрате геополитических позиций в регионе, подорвало ее международный престиж и вынудило сделать шаг в сторону англо-французской антанты, то есть сделать тот выбор, которого до войны всеми силами старались избежать.

В «горячих точках» международного соперничества в Африке Россия в основном ограничивалась наблюдением. Отдельные морские мероприятия не могли рассматриваться как демонстрация морского могущества или действенная угроза силой. Единственной международно-политической акцией в регионе, результат которой объективно отвечал интересам России, стала нейтрализация североафриканского побережья Средиземного моря. Однако участие Петербурга в урегулировании Марокканского кризиса стоило ему дорого. Поражение в войне с Японией и внутривосточный кризис вынудили подойти к более взвешенным решениям. Чтобы получить заем, жизненно необходимый для борьбы с революцией, царизму пришлось пойти на такой шаг, от которого стремились уклониться, — открыто поддержать Францию против Германии на международной конференции в Альхесирасе в 1906 году³¹.

Во многом неудачи политики России объяснялись тем, что в правящих кругах не было ясного понимания целей, согласованного видения задач, стоявших перед империей в каждом регионе, не существовало адекватных методов, позволявших их реализовать в быстро менявшихся международных условиях. Отсутствие цельной внешнеполитической концепции негативно отражалось на реализации конкретных (даже адекватных условиям) задач в отдельных регионах. Разномыслие среди лиц, причастных к выработке ответственных внешнеполитических решений, междуведомственные разногласия и личные антипатии, нежелание брать ответственность на себя порождали постоянные колебания, разброс мнений в постановке задач и выборе средств. Вместо единой концепции царя, по образному выражению посла в Токио барона Р.Р. Розена, «зыбкая почва туманных вожделений и широковещательных планов».

Одной из причин такого положения дел, безусловно, был способ выработки, принятия и реализации решений. Личность царя, являвшегося ключевой

фигурой в самодержавной России, стала особенно важной в существенно усложнившихся международных реалиях и внутривластных условиях³². Между тем, Николай II не имел четкого внешнеполитического курса, ясных представлений о том, где, когда и как надлежало действовать. Царь ежедневно внимательно прочитывал груды деловых бумаг, но его резолюции на документах свидетельствуют, что принимаемые решения, как правило, были ситуативными, зачастую диктовались эмоциональным состоянием, а не стратегическими расчетами. Постоянно возрастающий объем информации, разноречивых мнений и различные влияния создавали такой информационный шум, при котором принимать ответственные решения становилось все сложнее, а цена ошибки оказывалась слишком высокой.

Николай II был убежден, что все зависит от его воли и желания, которые направляются лишь промыслом Божиим. Витте констатировал, что лозунг «хочу, а потому так должно быть» проявлялся во всех действиях последнего царя. Между тем система, при которой множество советников, каждый со своим «рецептом», боролось за доступ к уху императора, все чаще давала сбой. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин очень метко охарактеризовали ее как феодальную систему семейного управления.

Уже русско-японская война показала, что причины поражения России заключались в несогласованности мнений, нерешительности в выборе средств, непоследовательности действий. На рубеже XIX—XX вв. выявилось отсутствие в правящих верхах России высшей стратегии, адекватной внутренним и внешним условиям. Российская политика носила бессистемный характер, определялась тактическими задачами, а не стратегическими целями. Как субъект международных отношений страна все больше проигрывала своим соперникам, поскольку совокупность материальных факторов, позволяющих осуществлять контроль над пространством (потенциально очень высокая), использовалась не целенаправленно, и это не позволяло добиваться успешного осуществления геополитических целей.

Примечания

1. Новое время. 21.IV(4.V).1903.
2. РОТШТЕЙН Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М. 1960, с. 347.
3. История дипломатии: Дипломатия в новое время, 1871—1914. Т. 2. М. 1963, с. 488.
4. GIRAULT R. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887—1914. P. 1973.
5. ПЛЕШАКОВ К.В. Геополитика в свете глобальных перемен. — *Международная жизнь*. 1993, № 3, с. 30—32.
6. Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. М. 2004, с. 203—208, № 18.
7. Там же, с. 152—162, № 12; с. 163—181, № 13.
8. Цит. по: РОМАНОВ Б.А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л. 1928, с. 4.
9. БОНДАРЕВСКИЙ Г.Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент. 1955; ЕГО ЖЕ. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М. 1968.
10. Назначен министром в декабре 1900 г. после смерти М.Н. Муравьева.
11. Впервые записка опубликована в журнале *Красный архив*. Т. 5 (18). М. 1926. См. также: Коренные интересы ..., с. 250—267, № 22. Разбор основных положений этого документа см.: РОТШТЕЙН Ф.А. Ук. соч., с. 636—648; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до октябрьской революции). М. 1997, с. 56—58.
12. Коренные интересы ..., с. 268—278, № 22.1; 22.2; 22.3.
13. Общий подход к внешнеполитическим задачам империи Витте изложил в докладе «О задачах нашей промышленности», представленном в феврале 1900 г. См.: Историк-марксист. М. 1935, № 2—3 (42—43), с. 131—139.

14. Коренные интересы ..., с. 284—320, № 23.
15. Там же, № 22.1.
16. ДОКШЮ Ч. Россия в Корее, 1893—1905 гг. Политика Министерства финансов и Морского министерства. СПб. 1996.
17. Дневник А. Куропаткина. Красный архив. Т. 6 (19). М. 1927, с. 81—82.
18. СУББОТИН Ю.Ф. А.Н. Куропаткин и дальневосточный конфликт. Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX — начале XX века. М. 2003.
19. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 417, оп. 1, д. 2681, л. 12.
20. ГРИШИНА М.И. Черноморские проливы во внешней политике России в 1904—1907 гг. Исторические записки. Т. 99. М. 1977, с. 140—182.
21. Коренные интересы..., с. 423—436, № 29.
22. АНАНЬИЧ Б.В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л. 1970.
23. СОЛОВЬЁВ Ю.Б. Франко-русский союз в его финансовом аспекте. (1895—1900 гг.) — Французский ежегодник. М. 1961, 1962.
24. СУББОТИН Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. — 1914 г.). М. 1996.
25. ФЕЙГИНА Л.Б. Бьеркское соглашение. Из истории русско-германских отношений. М. 1928.
26. ТАУБЕ М. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'Empire des tsars. P. 1928, p. 18—19.
27. ТАУБЕ М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М. 2007, с. 83—84. Эти воспоминания, изданные впервые на русском языке в 2007 г., диктовались в 1954 г. почти ослепшим автором, а затем перепечатывались на машинке. Таким образом, Таубе не мог прочесть и выправить окончательный текст, и поэтому в нем неизбежны неточности. Ср.: ТАУБЕ М. Op. cit., p. 43.
28. Красный архив. Т. 5. М. 1924, с. 29—30, 35—37.
29. Там же, с. 48.
30. ОСТАЛЬЦЕВА А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние Русско-японской войны и революции 1905—1907 годов на внешнюю политику царизма и перегруппировку европейских держав. Саратов. 1977.
31. АСТАФЬЕВ И.И. Русско-германские отношения 1905—1911 гг.: От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения. М. 1972.
32. В оценке личности последнего царя и его роли в принятии государственных решений оценки историков существенно разнятся. См.: УОРТМАН Р. Николай II и образ самодержавия. — История СССР. 1991, № 8; ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Царствование императора Николая II. Т. 1. М. 1992; АНАНЬИЧ Б.В., ГАНЕЛИН Р.Ш. Николай II. — Вопросы истории. 1993, № 2; БОХАНОВ А.Н. Император Николай II. М. 1998; РАДЦИГ Е.С. Николай II в воспоминаниях приближенных. — Новая и новейшая история. 1999, № 2; ИГНАТЬЕВ А.В. Последний царь и внешняя политика. — Вопросы истории. 2001, № 6.

Аркадий Иванович Морков

Е.А. Шляпникова

«..... словоохотливый Долгоруков, обращаясь то к Борису, то к князю Андрею, рассказал, как Бонапарт, желая испытать Маркова, нашего посланника, нарочно уронил перед ним платок и остановился, глядя на него, ожидая, вероятно, услуги от Маркова, и как Марков тотчас же уронил рядом свой платок и поднял свой, не поднимая платка Бонапарта»¹. Эта история, рассказанная Л.Н. Толстым на страницах «Войны и мира», знакомит читателя с ярким представителем тех русских вельмож, о которых С.М. Соловьёв говорил, что они «катеринствуют», то есть с екатерининских времен считают Россию первым государством в мире².

Аркадий Иванович Морков был одним из заметных русских дипломатов второй половины XVIII — начала XIX в., не менее яркой фигурой, чем его друг — многолетний посол в Лондоне С.Р. Воронцов. К последнему как нельзя более подходило замечание историка дипломатии Г. Никольсона о том, что некоторые дипломаты «способны настолько сентиментально полюбить страну своего пребывания, что перестают замечать ее недостатки... и рассматривают “хорошие отношения” не как часть своих функций, а как единственную цель своей деятельности»³. Ничего подобного о Моркове сказать было нельзя. На двух своих основных посольских постах он снискал себе такую неприязнь со стороны властей стран пребывания, что они потребовали его отзыва. Иностранные политики отпускали в его адрес нелестные характеристики, да и в отечестве Моркова чаще порицали. Некрасивый, язвительный и скуповатый Аркадий Иванович не был любимцем публики. За него вступился лишь Соловьёв, написавший, что «этот утонченнейший маркиз превращался во льва, когда надобно было охранять интересы и честь России»⁴.

Род Морковых, происходивший из Новгорода, был известен с конца XV века. Фамилия имела два написания Марков и Морков. Представители рода предпочитали последнее. Лишь в XIX в. уже графы Морковы в период службы выбирали вариант Марковы, но в родословных книгах Дворянского собрания оставались Морковыми. Аркадий Иванович родился в 1747 году. Он был вторым из трех сыновей Ивана Никифоровича Моркова и Прасковьи Федоровны

Шляпникова Елена Арсеньевна — доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного технического университета.

Кутузовой. Его отец начал службу при Петре I, а в отставку вышел при Елизавете. Старший и младший братья, Николай и Ираклий, были военными, дослужившимися до генеральских чинов. Ираклий Иванович известен также высокой оценкой, данной А.С. Суворовым его доблести при взятии Измаила. И.И. Морков во время Отечественной войны 1812 г. во главе Московского ополчения находился около Бородино и участвовал в сражениях при Малоярославце, Вязьме и Красном. Он также вошел в историю русского искусства, так как его крепостным был В.А. Тропинин.

Аркадий Иванович окончил Московский университет, где считался одним из лучших воспитанников. Недолгое время он состоял частным секретарем кн. Голицына. Свою деятельность в Коллегии иностранных дел начал в 1764 году. Дипломатический опыт Аркадий Иванович приобретал, работая в российских посольствах в Париже, Мадриде, Гааге, Константинополе. В Варшаве у него вышла ссора с неуживчивым и придирчивым послом К. Сальдерном, который велел даже арестовать посольского секретаря Моркова. Морков был отозван на родину. Свидетельством карьерного роста стало назначение Моркова в 1781 г. вторым полномочным министром в Гаагу к Д.А. Голицыну для содействия заключению мира в четвертой англо-голландской войне. Но эта миссия успеха не имела.

В 1783 г. он получил должность посла в Швеции. Но к новому месту службы прибыл лишь в 1785 г., так как выполнял еще ряд дипломатических поручений. В связи с подготовкой летом 1783 г. заключения мира между Францией и Англией, по которому признавалась независимость США, возникло предложение о русско-австрийском посредничестве. Россия стремилась использовать случай, чтобы узаконить правила вооруженного нейтралитета в мирном трактате. Морков был направлен в Париж, чтобы оказать помощь в этой миссии послу И.С. Барятинскому. Американский представитель на переговорах сообщал своему правительству о желании русского двора участвовать в подписании договора, ссылаясь как раз на беседы с Морковым⁵. Однако Франция и Англия возражали против посредничества. Англия не желала включения в договор декларации о нейтральной торговле. На окончательной редакции мирного договора между Великобританией и США, заключенного в Париже 3 сентября 1783 г., подписи русских дипломатов отсутствовали.

Шведский период службы Моркова оказался очень коротким, чуть более года. Однако в Стокгольме он стал весьма заметной фигурой. Русский посол активно вмешивался во внутривосточные дела, поддерживая оппозиционное королю дворянство. Густав III в 1772 г. осуществил государственный переворот преимущественно с помощью дворян, однако в своей политике вынужден был считаться с требованиями податных сословий. По мере усиления единовластия короля росли протестные настроения в Швеции. Чтобы сбить волну внутреннего недовольства, Густав III активизировал внешнюю политику на российском и датском направлениях. Швеция хотела разжиться за счет Дании, Норвегии и Голштинии. В решении этих задач король стремился заручиться поддержкой Екатерины II. В то же время и по отношению к России в Швеции со времен Ништадтского мира тлели реваншистские идеи. Намерения Густава III при помощи войны против России укрепить свою власть не были секретом для Екатерины II. «Вы намеревались вырезать мои слабые гарнизоны и идти прямо на Петербург, вероятно, чтобы там поужинать, — с нескрываемой иронией писала она шведскому королю. — Я, впрочем, не обращаю внимания на такую болтовню, в которой выражается лишь игра фантазии»⁶. На военные намерения Густава Петербург отвечал поддержкой его внутренней оппозиции.

Морков на своем посту в Стокгольме именно этот курс и реализовывал, за что по требованию короля и был вскоре отозван. Именно результатом его

деятельности считался отказ войск, стоявших в Финляндии, воевать против России, когда началась русско-шведская война 1788—1790 годов. Значительная часть офицеров-шведов и почти все офицеры-финны заявили, что король ведет войну незаконно, без согласия риксдага, и потребовали от Густава III немедленно заключить мир. Король отказался. Тогда солдаты двух финских полков бросили ружья и разошлись по домам. Королю пришлось отступить с позиций под Фридрихсгамом. Главнокомандующий финскими войсками Г.М. Армфельд, любимец шведского короля, направил в Петербург гонца для тайных переговоров. В Швеции эти события оценили как «происки русского правительства».

Морков в дальнейшем покровительствовал Армфельду. Барон после гибели Густава III за участие в заговоре против А.Г. Рейтерхольма, ставленника герцога Карла Зюдерманландского, был обвинен в государственной измене и приговорен к смерти, однако успел бежать в Россию. Шведы подозревали русский двор в соучастии в заговоре. Русский посол в Стокгольме Румянцев оказался в щекотливом положении и просил у своего правительства разрешения на время покинуть столицу. От имени иностранной коллегии Морков ответил ему, что в Петербурге в отличие от посла не придадут большого значения инциденту по делу Армфельда, и рекомендовал Румянцеву не устраивать демарш, который может ему стоить занимаемого поста.

Когда Морков возглавлял посольскую миссию в Стокгольме, канцлер А.А. Безбородко направил к нему своего племянника В.П. Кочубея с тем, чтобы тот приобрел навыки дипломатической службы «под руководством министра столь превосходного искусства, каким по справедливости есть г. Морков»⁷. Неудивительно, что Безбородко покровительствовал бывшему послу после отъезда из Швеции. Аркадий Иванович, хорошо владевший французским языком, по словам современника, «сделался для покровителя своего, ... весьма мало знавшего чужестранные языки, — необходимым»⁸.

В 1786 г. после смерти П.В. Бакунина Морков стал третьим членом Коллегии иностранных дел. Вскоре Безбородко на два с половиной месяца уехал в Яссы для подготовки мира с Турцией. В его отсутствие фаворит императрицы П.А. Зубов прибрал дела к рукам. Но невежественный во внешней политике, он привлек к сотрудничеству Моркова. От Аркадия Ивановича ожидали, что как человек, близкий Безбородко, он не согласится помогать Зубову⁹. Ожидания не оправдались. Молва обвинила Моркова в интриге против канцлера, подозревая, что он «метит на существенное место»¹⁰. Лишь П.В. Завадовский утверждал, что Безбородко при отъезде в Яссы сам доверил иностранные дела своему ближайшему помощнику. Как бы то ни было, к моменту возвращения канцлера Аркадий Иванович уже ведал всей внешнеполитической перепиской императрицы. «Влияние Маркова все усиливается, — свидетельствовал современник. — Он средоточие всех дел и все идет по его почину и руководству»¹¹.

За усердную службу Аркадий Иванович Морков получил целый ряд очень щедрых наград от Екатерины II, среди которых были трехэтажный каменный дом в Петербурге, город Летичев с округой, чин тайного советника, ордена Александра Невского и Владимира I степени. В 1796 г. его роду был пожалован графский титул. При этом Морков постоянно жаловался, что ему чего-то недостает. «О нашем приятеле Моркове скажу, что ... подал он записку, чтоб ему дали до 5000 душ, считая то еще и за малое..., — писал Безбородко, — но он все недоволен будет...»¹².

В конце екатерининской эпохи карьера Моркова едва не пошатнулась из-за несостоявшегося брака шведского короля Густава IV и великой княжны Александры Павловны. Консультации на эту тему начались еще до совершеннолетия короля. Шведские представители оттягивали принятие решения, по-

скольку юный король под влиянием регента относился к Екатерине II с ненавистью. Интриги антирусской партии в Стокгольме увенчались тем, что начались переговоры о браке Густава IV и мекленбургской принцессы. Разгневанная императрица отказалась принимать шведского посла. К.Б. Стединг сообщал в Стокгольм: «Мне не суждено здесь пользоваться ни одной минутой счастья и покоя»¹³.

Политические соображения заставили шведскую сторону возобновить переговоры о браке с Александрой Павловной. Условием Екатерины II было сохранение великой княжной православной веры. Но согласно Норчепингскому договору (1604) наследник шведского престола, вступивший в брак с иноверкой, лишался престола. Современники отмечали, что никогда не было столько интриг, как при этом сватовстве. Интересы русского двора поручено было представлять Зубову, от имени которого действовал Морков. Усилиям Моркова противодействовали бывшие послы в Стокгольме О.М. Штакельберг и С.П. Румянцев, которые опасались полной зависимости Густава от регента, чьи отношения с русским двором были довольно натянутыми.

Позиции сторон совпадали лишь по незначительным статьям. В ходе переговоров шведские представители сделали уступку в вопросе о сохранении религии, но королю об этом не говорили. Морков, составлявший текст брачного договора, внес в окончательный вариант пункты, предоставлявшие вел. кн. Александре помимо сохранения веры также право иметь в королевском дворце свою часовню и священника. За час до начала церемонии обручения брачный контракт с вероисповедными обязательствами был принесен королю для подписи. Зубов, Морков, да и шведские советники полагали, что у Густава в день помолвки не будет возможности отступить. Но король сказал, что достаточно его неоднократных устных заверений о невмешательстве в дела веры. Кроме того, он сослался на отсутствие права подписывать подобный договор без разрешения парламента¹⁴. Морков заметил, что такой ответ не удовлетворит императрицу и пытался оказать давление намеками на неблагоприятные последствия в случае отказа. Но Густав IV договор не подписал.

Зубов, не отваживаясь сам идти к Екатерине II с дурной вестью, послал Моркова, который сообщил императрице об отказе короля подписать договор. По свидетельству современников, Екатерина II была так взбешена срывом помолвки, что два раза ударила графа тростью¹⁵. Императрица вновь послала его к Густаву с собственноручными заметками на договоре, но король и на этот раз вычеркнул статью о свободном вероисповедании. Неудачный исход сватовства стал одной из причин инсульта, вскоре разбившего императрицу.

Петербургское общество винило Моркова в неудачном исходе дела¹⁶. Его подозревали в негативном отношении к браку Александры и Густава IV из-за неприязни к шведскому двору после отзыва из Стокгольма. Во всяком случае, П.Ф. Карабанов был не одинок в своем резком вердикте, что «беспокойный его нрав, находя возможность величаться и мстить в Петербурге стокгольмским неприятелям, все дело испортил»¹⁷. Однако не следует переоценивать самостоятельность Моркова в этой истории. Его действия определялись прямолинейным поведением Зубова. А за спиной недалекого фаворита маячила фигура опытного и ловкого английского посла в Петербурге Ч. Уитворта. Британским же интересам сближение России и Швеции вовсе не отвечало. Но главным виновником несостоявшегося брака был сам Густав IV. Ревностный протестант, он находился под сильным влиянием своего наставника — епископа Флодина, который возражал против вероисповедных прав великой княжны. Густав стремился склонить ее к перемене религии. Упрямство и тяжелый характер короля стали основным препятствием для этого брака.

После провала сватовства все ожидали падения Моркова, тем более, что перетрусивший Зубов от него отступился. Однако граф из этой истории, как свидетельствовал очевидец, «вышел с торжеством к досаде придворных, которые его терпеть не могут за его сарказм»¹⁸. Конечно, пострадало его честолюбие и не оправдался расчет получить Андреевскую ленту.

Связь Моркова с Зубовым обернулась для графа опалой при Павле I. Уже на второй день царствования новый император отстранил Моркова от дел. В одном из своих писем цесаревич Павел называл Моркова среди тех, «которых не желал бы иметь у себя лакеями»¹⁹. Великий князь считал его подкупленным венским двором и обещал выгнать как придет к власти. «Государь его терпеть не может», — констатировал Ростопчин²⁰. Потеря положения сопровождалась для Моркова конфискацией дома в Петербурге и владения Летичевом. Он жил в своем имении в Подолии, вдали от столицы, чтобы избежать дальнейших преследований.

Граф с радостью встретил известие о перевороте 11 марта 1801 г.: «Великое событие просветит наши дни счастьем»²¹. Он бросился в Петербург, но его появление не вызвало радости у канцлера Н.П. Панина, опасавшегося амбиций бывшего члена иностранной коллегии, да и отношения между ними не были дружественными. В начале царствования Александра I существовали три политических группировки. Большинство вместе с императором высказывалось за «свободу рук», подразумевавшую нейтралитет во внешней политике. Другая группа — А.Б. Куракин, Ф.В. Ростопчин, С.П. Румянцев — поддерживала взятый Павлом I в конце правления курс на сближение с Францией. «Английскую партию» представляли А.Р. и С.Р. Воронцовы, П.А. Строганов, А.А. Чарторыйский, А.И. Морков и Н.П. Панин.

Экономические интересы страны требовали восстановления отношений с Англией, и в июне 1801 г. была подписана конвенция о взаимной дружбе. Но не были прерваны и переговоры с Францией, хотя уже не о союзе, а о мире. Переговоры сразу выявили разногласия в позициях сторон. Новый император высказывался за установление европейского равновесия. Первый консул был заинтересован в таком договоре, который не касался бы вопросов общеевропейского значения и препятствовал сближению России с Англией и Австрией. Посол в Париже С.А. Колычев не стремился достигнуть компромисса на переговорах, напротив, «разжигал в своих депешах чувство вражды, а не мира»²². Порой французский министр Ш.М. Талейран даже не считал возможным показывать его ноты консулу из-за их резкого тона²³. Колычев был убежден, что «союз с Францией никому полезен и ни с кем искренен быть не может в теперешнем состоянии». Его позиция была продиктована крайним недоверием к новым властям. «Я никогда не свикнусь с людьми, которые правят здесь, и никогда не буду им доверять», — писал он²⁴. И вот, когда посол считал неприятную миссию по оформлению договора практически завершённой, он получил распоряжение о замене его на переговорах Морковым. У двух дипломатов были неприязненные отношения, и Колычев уже высказывался в том плане, что «величайшая и единственная заслуга Моркова, это — умение приписывать себе все, что делают другие»²⁵.

Назначение опытного екатерининского вельможи должно было польстить Бонапарту. Всем своим обликом Морков подтверждал прозвище «русский маркиз». Он «отличался самыми изысканными придворными манерами XVIII века, утонченной вежливостью, входил и раскланивался по правилам танцевального искусства, ступал на цыпочках, говорил на ухо — и все остроты»²⁶. Для исхода переговоров важно было, что в отличие от Колычева Морков имел полномочия вносить исправления в текст соглашений и ратифицировать их на месте. Оптимизм французской стороне также внушала совпавшая с приездом нового посла

отставка с поста канцлера Панина, которого считали противником русско-французского союза.

Инструкция императора Моркову занимала 20 страниц, где было множество декларативных фраз об общем благе, умеренности, между которыми проскакивали жесткие оценки Бонапарта, как «злобного гения», который укрепляет «свою власть путем ссор и смут», угрозы «прибегнуть к более действенным мерам», если он не остановится. Неудивительно, что Моркову рекомендовалось «ограничиться наблюдением за ходом управления и заниматься пустяками»²⁷. Презирующий Бонапарта посол и хотел бы реализовать эту установку, но начавшиеся переговоры о мире между Францией и Англией смешали карты.

С первой встречи Моркова с Бонапартом обнаружилось различия целей. Уже на первой аудиенции первый консул предложил: «заклучим сперва мир, а потом поговорим о другом»²⁸. Посланник ответил, что для императора приоритетными на переговорах являются общеевропейские вопросы. В частности, сказал Морков, договор можно было бы уже подписать, если бы был решен вопрос о Сардинии. С точки зрения Бонапарта, «столь второстепенными соображениями, каковыми должны быть для императора Александра участие, принимаемое им в сардинском царьке», лишь создавались препятствия для достижения союза²⁹. Пользуясь сменой посла и его более широкими полномочиями, Талебран попытался внести в привезенные Морковым документы изменения, которые касались почти всех секретных статей и давали возможность нарушать договор. Ссылка французского министра на переменявшиеся обстоятельства вызвала жесткую отповедь Моркова, который заявил, что речь идет об обязательствах, которые выше событий, а его полномочия касаются выражений, а не намерений³⁰.

Русский посол понимал, что французские увертки и медлительность связаны с начавшимися переговорами о мире между Англией и Францией. После заключения этими странами 1 октября 1801 г. прелиминарного договора Морков в своих посланиях высказывался против дальнейшего отстаивания на русско-французских переговорах интересов европейских государств. Его позиция была вызвана изменением международной ситуации, которая усилила «гордость и упрямство правительства, опьяненного своими успехами», то есть сделала Бонапарта менее уступчивым. В Петербурге согласились с мнением посла, ответив, что «Россия не может и не должна теперь одна с Францией завязываться, да и вообще всякая подобная решимость была бы противна... попечению о пользе государственной»³¹.

Морков 8 октября 1801 г. подписал и ратифицировал русско-французский договор, а затем конвенцию к нему. По просьбе французской стороны она была секретной, что впоследствии лишило Россию возможности добиваться соблюдения ее условий. Согласно конвенции Россия и Франция обязывались совместно решать проблемы Германии и Италии, соблюдать нейтралитет Неаполитанского королевства, признать независимость республики семи Ионических островов, кроме того первый консул обещал начать мирные переговоры с Турцией при русском посредничестве. В благодарность за работу по заключению союза Морков получил от имени Бонапарта украшение в виде оливковой ветви, усыпанной алмазами.

Русско-французский союз вызвал в России недовольство представителей английской партии. Они считали его преждевременным и несоответствующим интересам страны. Уменьшение влияния России в германских делах, неопределенность французских обязательств относительно вывода войск из Пьемонта ставили ценность договора под сомнение. Тем не менее, огонь критики англоманов не распространялся на Моркова. Он сам считал заключение русско-французского союза проявлением малодушия со стороны правительства и мирился с ним лишь как со средством, направленным против изоляции России.

Авторитетный рупор английской партии Воронцов заявил, что «граф Морков связан и выдан на милость Талейрана»³², то есть объявил его лишь невольным орудием ошибочной политики Министерства иностранных дел.

В начале 1802 г. Морков был официально аккредитован как полномочный посол России во Франции. «Нужно признать, что выбор графа Моркова никак не способствовал тому, чтобы скрепить согласие между двумя правительствами... — считал князь Чарторыйский. — Он избрал для себя язык и напыщенность старого версальского двора, добавив к ним много высокомерия. В его поведении не было ни вежливости, ни приветливости. Он прекрасно говорил по-французски, но

его речь была почти всегда резкой, жесткой и неприятной, в ней не было ни грамма чувства. И этого дипломата... Россия послала Бонапарту, чтобы оставаться в дружественных отношениях с ним»³³. Мнение Чарторыйского об ошибочности и даже провокационности выбора фигуры посла разделяли многие³⁴. В основе этого взгляда лежал тот факт, что Морков испытывал непримиримую враждебность по отношению к революционной Франции и Наполеону, поэтому был противником сближения с Францией.

Среди мотивов его согласия возглавить дипломатическую миссию в Париже были вовсе не государственные соображения. В письме Воронцову он признавался, что надеялся благодаря высокому назначению выиграть денежный процесс, полагая, что оно повлияет на решение генерал-прокурора³⁵. Но основная причина его согласия отправиться к ненавистному Бонапарту заключалась в том, что у Моркова не было карьерной перспективы в Петербурге. Он не пользовался особым расположением императора, который предпочел назначить его на заметный дипломатический пост, но не оставлять в России. Желание императора совпадало с намерениями канцлера Панина, который опасался влияния Моркова и хотел удалить его из столицы.

Н.М. Карамзин писал, что назначение Моркова послом в Париж «свидетельствовало, сколь Александр чувствовал важность сего места», но посол в своей деятельности отступил от достигнутых договоренностей³⁶. На самом деле с момента заключения союза обе стороны не стремились следовать букве договора. Как выразительно заметил А. Тарчевский, французы «захватив существенное, делали уступки в мелочах, играя на страстишках с обворожительной любезностью»³⁷. В свою очередь, русский император признавался: «Я совершенно не желаю вступать с французским правительством в какие-либо совместные действия...». Он добавлял, что готов к компромиссам с Бонапартом только в вопросах, касающихся немецких княжеств³⁸.

Согласно первой статье секретной франко-русской конвенции, компенсация немецким князьям, потерявшим по Люневильскому миру 1801 г. земли на левом берегу Рейна, должна была производиться с обоюдного согласия России и Франции. Вопрос был сложным, поскольку речь шла о перекраивании европейской карты. Александр I старался отстоять интересы своих немецких род-

ственников. Первый консул намеревался укрепить позиции Пруссии в Германии и ослабить австрийские. Император поначалу занял весьма благожелательную позицию в отношении Пруссии. Однако в российском министерстве после отставки Панина, которому приписывали особое расположение к Берлину, верх взяло традиционное недоверие к Пруссии. Морков активно возражал против возмещения немецким князьям территорий за счет австрийских. Талейран говорил, что в лице русского посла «у Австрии был слишком хороший защитник»³⁹. Французский министр заверял русский двор в слаженной работе с послом, но на деле затягивал решение. Морков жаловался, что Талейран четыре месяца изучал предложенный Россией план, но свои соображения излагал устно, не предоставляя никаких документов, а в случае настойчивости русского посла принимался выяснять данные ему полномочия.

Посол так настойчиво выступал ходатаем интересов многочисленной немецкой родни царя, что получил от Бонапарта резкий выговор. Консул заявил, что в отношении немецких родственников императора «не может простирать своей снисходительности до унижения обратиться в вассала». Морков был удивлен и попросил показать, где в привезенных документах он нашел подобное оскорбление. Пока он убеждал другую сторону, что Россия и Франция «должны идти вместе, но не следом одна за другой»⁴⁰, германские князья вступили с Наполеоном в отдельные соглашения, и консул сумел провести свой вариант решения германского вопроса. «Имперский рецесс» 1803 г. усиливал позиции Пруссии в Германии, но интересы баденского и вюртембергского родственников Александра I были учтены. Петербургское общество, недовольное этим соглашением, заклеямило Моркова как человека, который «пишет свое имя под новым разделом германских южных областей в угодность, в честь Франции и к ее сильнейшему влиянию на землю немецкую»⁴¹. Посол, пытаясь сохранить лицо, подписал соглашение с оговоркой, что оно будет аннулировано в случае несогласия с ними царя. Эти маневры не помогли ему избежать обвинения в том, что он представил документы «на усмотрение императора Александра в совершенно законченном виде, когда уже было слишком поздно и невозможно что-либо изменить»⁴². В депешах домой Морков советовал не соглашаться с французским вариантом. В то же время вице-канцлер А.Б. Куракин убеждал царя, что в соглашении по германской проблеме российские интересы соблюдены. Александр I разделял взгляд Моркова. Царь писал ему, что преодолел желание отказаться от подписания документа о компенсации немецким князьям только из опасения, что иначе вообще обойдутся без России.

Если в германском вопросе французская сторона хотя бы создавала иллюзию следования обязательствам, то в отношении выполнения пункта тайной конвенции о возвращении Пьемонта сардинскому королю не делала и этого. Пьемонт имел стратегическое значение во французском противостоянии Англии. Талейран прямо сказал Моркову, что не следует ждать его передачи Сардинии⁴³. 11 сентября 1802 г. Бонапартом было принято решение об аннексии Пьемонта. Морков считал, что настаивать на защите интересов сардинского короля, когда Италия наводнена французскими войсками, значило сделать этого монарха объектом «закоренелого недоброжелательства первого правителя» и «всякого рода притеснений»⁴⁴. Но Александр I считал, что Пьемонт не должен оставаться под пятой Наполеона. Тщетно Морков требовал допущения в Париж сардинского посла и компенсации королю за утраченное владение. Раздраженный настойчивостью России Наполеон заявил графу, что русского императора дела Сардинии должны интересовать не больше, чем консула — персидские. Морков с трудом удержался от едкого замечания, что русские войска еще недавно были в Турине, а французские едва ли когда дойдут до Тифлиса⁴⁵. И все же он понимал, что для Бонапарта судьба сардинского короля — разменная

карта в его будущих переговорах с Англией, поэтому настаивал на прекращении русского ходатайства за сардинского короля. Добиться большего, чем вывод французских войск из неаполитанских владений, не удалось.

В 1802 г. Бонапарт начал заводить с русским послом беседы о возможном распаде Османской империи. «Эта мысль насчет Турции появляется во всех его разговорах со мной», — сообщал Морков в Петербург. Он опасался, что за этими разговорами могут скрываться «сети, которые он расставляет мне, чтобы возбудить страх и недоверие Порты»⁴⁶. Однако Россию вполне устраивала в качестве соседа слабая Турция. Когда личный представитель Бонапарта М. Дюрок зондировал в беседе с Александром I тему раздела Турции, император уклонился от ее обсуждения. Но от своего внешнеполитического ведомства царь взглядов не скрывал: «Я буду основывать свою политическую систему всегда на том, чтобы содействовать всеми зависящими от меня средствами сохранению государства, слабость и дурное правление которого служат драгоценным залогом безопасности»⁴⁷. Руководствуясь этой установкой, канцлер Воронцов направил Моркову директиву каждый раз отвечать Бонапарту, что император никак не намерен принимать участие ни в каком проекте, враждебном Турции. Российская сторона не шла дальше предложения о своем посредничестве при заключении мира между Францией и Турцией, которое содержалось во франко-русской конвенции 1801 года.

Среди условий договора с Портой для Бонапарта важнейшим был вопрос о черноморской торговле. Турция очень ревностно относилась к своим правам в Черном море и допускать туда английские корабли она отказалась. Талейран просил Моркова хранить в тайне переговоры с Портой о пропуске французских торговых кораблей. Однако уже на следующий день русского посла стали расспрашивать об этом дипломаты других держав. Утечка информации осложняла ситуацию. Морков был возмущен коварством французской стороны и обвинил ее в попытке «впутать Россию в серьезное препирательство с Портой»⁴⁸. Он вообще был противником торговых льгот для Франции. «...Ничто больше не соответствует интересам России, чем эти торговые льготы», — делился он своими мыслями в частном письме⁴⁹. Морков считал их возможными лишь как плату за французские уступки в реализации условий конвенции 1801 года. Но на деле Россия не только не получила никаких уступок, но оказалась отстранена от заключения франко-турецкого договора (1802). Вместо России посредником оказалась Пруссия. На возмущенные протесты Моркова Бонапарт сослался на нежелание российского посредничества со стороны Порты якобы из-за «воспоминаний прошлого». Подобных объяснений посол никак не мог принять. Он был убежден, что Порта не должна отделять своих интересов от российских, о чем не замедлил сообщить турецкому драгоману⁵⁰.

Срыв французской стороной обязательств договора 1801 г. вел к охлаждению между Парижем и Петербургом. Из министерства Моркову дали понять, что император уже мало полагается «на добросовестность первого консула и, в особенности, на его доброжелательство к России»⁵¹. Александр I начал склоняться в пользу союза с Англией. Признаками смены внешнеполитических приоритетов явилась отставка осенью 1802 г. сторонника русско-французского союза вице-канцлера Куракина. В Париже были уверены, что к этому приложил руку Морков. Бонапарт вообще предполагал, что «быть может, господин Морков является двигателем» влиятельной петербургской группировки сторонников союза с Англией и Австрией. Главой Министерства иностранных дел император назначил Воронцова, а его помощником Чарторыйского, известных своей проанглийской ориентацией. Новое руководство предписало Моркову «сговариваться» с английским послом в Париже, но так, чтобы это «не дало повод французскому правительству заподозрить, что предпринимается что-ни-

будь против него»⁵². Это указание явно запоздало, Аркадий Иванович уже давно поддерживал тесные связи с английским послом Ч. Уитвортом.

Что касается отношения новых руководителей к Моркову, то Воронцов осуждал его за участие в интриге Зубова против Безбородко и в отличие от младшего брата Семена Романовича, посла в Лондоне, в приятельских отношениях не был, но одобрительно относился к его деятельности в Париже. Между Чарторыйским и Морковым непреодолимым препятствием стояли разделы Польши. В период 2-го и 3-го разделов граф был членом иностранной коллегии. «Он был врагом Польши, — писал Чарторыйский, — ... высказался за ее разрушение, так как все его воззрения и чувства были в соответствии с этим фактом»⁵³. Вдобавок по иронии судьбы одно из конфискованных имений этого польского рода досталось Моркову, и они вели земельные тяжбы. Графу были чужды и политические взгляды молодых друзей императора, он откровенно желал «обуздания сей партии»⁵⁴. Внешнеполитическая программа Чарторыйского в кругу русских дипломатов встречала самое сильное сопротивление именно в лице Моркова и Разумовского.

Франко-русское охлаждение было следствием развития ситуации в Европе. Но современники сходились во мнении, что среди прочего оно развивалось «от гордых поступков русского посла в Париже, графа Маркова, который поставил себе в удовольствие унижение первого консула и всех властей Французской республики»⁵⁵. Русский представитель в своих донесениях и частной переписке язвительно отзывался о ситуации во Франции: «...там только и видишь, что произвольные законы, да самые развращенные нравы»⁵⁶. Для оценки личности Бонапарта он находил лишь негативные определения, называл его лживым и высокомерным, подверженным «вечной переменчивости в мыслях, которые внушаются часто капризом и произволом, составляющим характер главного правителя». Неприязнь рождала ошибочные суждения будто «его власть еще менее надежна после двух лет узурпации, чем в первый день... его положение становится с каждым днем все более тяжелым ...»⁵⁷. На самом деле политический авторитет Бонапарта после Амьенского мира возрос, о чем говорил сокрушительный успех всенародного плебисцита о пожизненном консульстве.

Зная о недоброжелательных донесениях из Парижа, Наполеон писал Александру I: «Я прошу Ваше Величество не очень доверять разным тайным и поспешно составленным бюллетеням, которые могут послать Вам второстепенные агенты и которые могут послужить источником дурных слухов в Европе о положении во Франции». Но император разделял отношение своего посла к Бонапарту, потому уверял его: «Донесения ваши оправдывают в полной мере доверенность, которую имею я к деятельности и искусству вашему в делах»⁵⁸.

Ненависть к Наполеону толкала Моркова на авантюры. В январе 1802 г. парижская полиция арестовала за провокационные антиправительственные памфлеты некоего Шарля Фульи. На допросе он заявил, что писал их по заказу русского посла, который «надеялся и рассчитывал на возможное несчастье с первым консулом, или на противоречия между верховными учреждениями и государственным советом, или на решительный разлад между генералами и первым консулом... что, по его мнению, весьма недалеко». Эту скандальную историю, в которой Морков был изображен чуть ли не участником заговора против Бонапарта, поведала газета «Лондонский курьер». Поскольку история случилась в пору, когда Бонапарт еще демонстрировал приверженность русско-французскому союзу, он ограничился намеком Александру I о сомнительности действий его посла. Реакция же царя зависела от того, кому была адресована. Коленкуру он говорил, что Морков наделал глупостей⁵⁹. Ответ Бонапарту свидетельствовал об откровенном попустительстве. «...Мало я склонен обращать малейшее внимание на рассказы писак...и не задумывался над обвинени-

ями, возведенными на г. Моркова, — писал император. — Этот министр слишком хорошо знает мое стремление развивать и укреплять полнейшее согласие с Францией, чтобы решиться потворствовать чему-либо противному ее видам и интересам ее правительства»⁶⁰. С разрешения царя Чарторыйский составил оскорбительный для Бонапарта ответ «Лондонскому курьеру».

Официальная реакция выразилась в обещании вице-канцлера Куракина, последовательного сторонника франко-русского союза, отозвать посла. Однако в Париже такого развития дела не желали. Временный поверенный в России А. Коленкур сообщал о разговорах, что Моркова прочат в канцлеры. Во избежание столь неблагоприятного для Франции назначения он рекомендовал «лучше не ломать ему шеи совсем и оставить его в Париже; там он будет сговорчив как избалованный интриган; здесь же он будет вредить нам»⁶¹.

Когда французские власти арестовали по обвинению в заговоре роялистского агента швейцарца Кристина, который состоял на русской службе и был хорошо знаком с русским послом со времен посольства в Швеции, тот потребовал его освобождения. Он выговаривал Талейрану, что «ни в какой стране закон не приписывает мер строгости по одним смутным и неверным подозрениям» и поднимался до обобщения, что французские правила служат повреждению нравов и правил⁶². На резкий по форме и содержанию выпад Бонапарта по адресу русского посла в связи с этой историей Морков потребовал от Талейрана впредь оградить его от подобных выходов консула.

По мере утраты интереса к франко-русскому союзу отношение Бонапарта к российскому представителю становилось все более высокомерным, а тон безапелляционным. Морков отвечал педантичным напоминанием тех условий союза, которые были особенно неприятны консулу, указанием на односторонние уступки с русской стороны и язвительными отзывами о методах французской дипломатии. «Кто бы мог подумать, — вопрошал он с издевкой, — что 1-й консул и его главный министр будут черпать в салонах и кофейнях Парижа или Лондона свои сведения о намерениях и системе иностранных держав и основывать на них свои поступки и речи относительно этих держав или их министров?»⁶³.

Морков раздражал французские власти. Талейран жаловался, что русский посол «в смысле беспристрастия ... как в своих обычных словах, так и в поступках, далеко не показывает себя достойным почтенной роли, которую он призван играть». Однако поведение графа не вызывало беспокойства у его руководителей. С точки зрения Воронцова, Морков «не желает ни пресмыкаться, ни жертвовать выгодами своего монарха в угоду диктатора Франции»⁶⁴. Было бы странно ожидать, считал канцлер, чтобы его поведение изменялось согласно с впечатлением, которое оно может произвести в Париже⁶⁵.

В августе 1803 г. французский посланник в Петербурге Г. Эдувиль от имени первого консула потребовал отзыва Моркова из Франции. Бонапарт писал Александру I: «... Я все медлил уведомлять Ваше Величество о многократных неприятностях, которые причинял мне гр. Морков, часто вмешиваясь, и неприятным образом в мелкие местные интриги. Но сегодня я должен уведомить Вас как тяжело мне иметь при себе лично столь неприятного министра и оказывать ему доверие и уважение...»⁶⁶. Александр I ответил, что считает все обвинения с французской стороны ложными и отзывает посла по его собственной просьбе. Моркова он заверил, что «клевета, с помощью которой Вас хотели очернить, не только не произвела желаемого действия, но смогла лишь дать дополнительные основания к тем, которые у меня имелись, чтобы уважать Вас и воздать Вам должное...».

Царь обещал выразить свою благосклонность «самым явным образом, так, чтобы это не прошло незамеченным французским правительством»⁶⁷. Он по-

слал графу орден Андрея Первозванного, с повелением немедленно возложить на себя. Морков пожелание государя с удовольствием выполнил. На свой последний прием к Бонапарту он демонстративно явился с алмазной Андреевской звездой на груди. Вызовом был и его уход до окончания приема. В отместку послу стали чинить препятствия с выдачей паспортов. Морков заметил по этому поводу, что «Талейрану хочется добиться от меня визита, ... а я могу выказать ему только негодование и презрение». Он явился к французскому министру лишь после неоднократных напоминаний о визите и с условием, «чтобы он не смел заставлять меня ждать ни минуты после времени, которое я назначил ему»⁶⁸. Требование было выполнено.

Н.М. Карамзин считал, что «история Маркова посольства, столь несогласного в правилах, была первою нашею политическою ошибкою»⁶⁹. Письма и депеши Моркова в деле утраты доверия между Александром и Наполеоном свою роль, безусловно, сыграли, но было бы преувеличением считать их главным средством франко-русского охлаждения. Действия французской стороны давали немало поводов Александру I сомневаться в искренности Бонапарта. Эти подозрения разделяли в его окружении Строганов, Чарторыйский, Воронцов.

Что касается Моркова, то его поведение было способом выразить отрицательное отношение к французской революции и «высочке» Наполеону. При этом следует помнить, что государственный чиновник вряд ли мог позволить себе образ действий совершенно независимый от курса своего правительства. О том, что слова и действия Моркова выражали истинное отношение русского двора к Бонапарту, свидетельствуют благожелательный тон писем Александра I к графу, одобрение его действий со стороны министерства. Да и вряд ли случайным было само назначение послом в Париж екатерининского вельможи, известного своей неприязнью к Франции и республиканским идеям. О том, что, вероятно, именно такой человек был нужен императору в Париже, говорит факт замещения Моркова лишь временным поверенным в делах. Это был явный политический демарш. Морков напутствовал остававшегося в Париже П.Я. Убри: «Касательно намерений и видов здешнего правительства: вам довольно известно, что и те, и другие возбуждаются беспредельным властолюбием и таковою же хищностью, а в действо производятся пронырством и самую силою»⁷⁰.

В 1804 г., вскоре после возвращения в Россию, Морков вышел в отставку. Еще из Парижа он писал Воронцову, что его радует возможность по возрасту уйти на пенсию, поскольку в России говорят о конституции и освобождении крестьян. Такие преобразования противоречили политическим взглядам Моркова. С его точки зрения, либеральные намерения Александра I свидетельствовали о том, что царь подхватил французскую эпидемию⁷¹.

После отставки граф жил в Москве или в своем любимом имении Войтовцы Подольской губернии. Аркадий Иванович был холост. Рассказывали, будто Екатерина II хотела его женить на своей любимице фрейлине Анне Степановне Протасовой, не отличавшейся красотой. Морков отказался от этого брака, сказав: «Она дурна, я дурен, что же мы с нею будем только безобразить род человеческий». Современники подтверждали, что он действительно был неказист. Например, голландский посол граф Д. Гогендорп утверждал, что «более некрасивого человека я не встречал в моей жизни»⁷². Но некрасивое лицо Моркова со следами оспы оживляли выразительные глаза и ироническая улыбка. У графа была продолжительная связь с французской актрисой Гюс (Жюсс), которая родила ему дочь Варвару. Морков выхлопотал для нее право наследовать графский титул и имения.

Отставной дипломат «вел жизнь скромную и скупую, никого к себе не принимал, и никому ни обедов, ни ужинов не давал, через что скопил много

денег и бриллиантов»⁷³. Скарденность даже считали одной из причин его исчезновения с политической авансены. В Париже он жил скромно, постоянно досажая министерству просьбами о повышении жалования и квартирных по причине дороговизны столичной жизни⁷⁴. Один из домовладельцев даже жаловался Талейрану, что русский посол съехал с квартиры, не заплатив⁷⁵. Зато он купил во Франции много редких и ценных вещей, которые провез в Россию как дипломатический багаж без пошлины и стал продавать. Современник передавал слухи, что «императора это раздражило. Моркову пришлось уехать от стыда в свое имение, а его унижительная спекуляция так уронила его в общем мнении, что он уже более не появлялся на политическом горизонте»⁷⁶.

В 1820 г. Морков был введен в Государственный Совет, но участия в делах уже не принимал, как и в работе Верховного уголовного суда по делу декабристов, куда был назначен в 1826 году. Он дряхлел и утрачивал интерес к происходящему вокруг. Его единственной страстью оставались карты. Рассказывают будто за несколько часов до смерти (29 января 1827 г.), после предсмертной исповеди, он будто бы сказал: «Теперь мне нечего делать: чтобы разогнать скуку, займемся вистом».

Примечания

1. ТОЛСТОЙ Л. Н. Война и мир. Т. 4. М. 1958, с. 319—320.
2. СОЛОВЬЁВ С.М. Император Александр I. Политика и дипломатия. М. 2003, с. 31.
3. НИКОЛЬСОН Г. Дипломатия. М. 1941, с. 75.
4. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 31.
5. The Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States. Vol. VI. Wash. 1889, p. 674—676.
6. Русская старина. 1877, т. 18, с. 406.
7. Цит по: ГРИГОРОВИЧ Н. Канцлер А.А. Безбородко. СПб. 1879, с. 492.
8. ГРИБОВСКИЙ А.М. Записки о императрице Екатерине Великой. М. 1989, с. 15.
9. Русский архив. 1876, кн. 1, с. 90; ГРИБОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 15.
10. Там же, с. 92, 103, 108, 217.
11. Там же, 1887, кн. 1, с. 155.
12. Архив Воронцова, кн. XIII, с. 345, 351.
13. Русский архив. 1887, кн. 1, с. 65.
14. Там же, с. 84; Последние дни царствования Екатерины II. Исторический вестник. 1887, № 10, с. 104—105.
15. Русский заграничный сборник. 1858, т. V, с. 1.
16. Последние дни царствования Екатерины II, с. 105.
17. Русская старина. 1872, кн. V, с. 462.
18. Русский архив. 1876, кн. 1, с. 411.
19. 14 декабря и его истолкователи. Герцен и Огарёв против барона Корфа. М. 1994, с. 310.
20. Русский архив. 1876, кн. 3, с. 67.
21. Архив Воронцова, т. XIV, с. 270.
22. Сб. РИО, т. 70, с. 55.
23. Там же, с. 138.
24. Там же, с. 43, 44.
25. Боярский род Колычевых. Москва. 1886, с. 366.
26. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 31.
27. Сб. РИО, т. 70, с. 203.
28. Там же, с. 263.
29. Цит. по: Отечественная война и Русское общество. Т.1. М. 1911, с. 152.
30. Сб. РИО, т. 70, с. 277.
31. Там же, с. 278, 361.
32. Архив Воронцова, кн. II, с. 346.
33. ЧАРТОРЫСКИЙ А. Мемуары. Т. 1. М. 1912, с. 357—358.
34. КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. 1991, с. 51; СОКОЛОВ О.В. Аустерлиц, Наполеон, Россия и Европа. Т. 1. М. 2006, с. 88; БОРИСОВ Ю.В. Шарль Морис Талейран. Ростов-на-Дону. 1999, с. 260.

35. Архив Воронцова, т. XX, с. 107.
36. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 51.
37. Сб. РИО, т. 70, с. 83.
38. Там же, с. 705.
39. Там же, с. 442.
40. Там же, с. 587, 588.
41. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 51.
42. ЧАРТОРЫЙСКИЙ А. Ук. соч., с. 358.
43. Сб. РИО, т. 70, с. 269.
44. Там же, т. 77, с. 177.
45. Там же, с. 486.
46. Там же, с. 530.
47. Там же, т. 70, с. 217.
48. Там же, с. 608.
49. Архив Воронцова, т. XX, с. 98.
50. Сб. РИО, т. 70, с. 528, 618.
51. Там же, с. 617.
52. Там же, с. 359—360, 620.
53. ЧАРТОРЫЙСКИЙ А. Ук. соч., с. 358.
54. Архив Воронцова, т. XX, с. 110—112.
55. БУЛГАРИН Ф.В. Воспоминания. М. 2001, с. 188.
56. Сб. РИО, т. 77, с. 445.
57. Там же, т. 70, с. 280, 312—317.
58. Там же, с. 341, 345.
59. Там же, с. 325—327, 362.
60. Там же, с. 371.
61. Там же, с. 330.
62. Сб. РИО, т. 77, с. 314—315.
63. Там же, с. 189.
64. Там же, с. 270, 328.
65. Там же, с. 39.
66. Там же, с. 299.
67. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Т. 1. М. 1960, с. 532—533.
68. Сб. РИО, т. 77, с. 440, 443.
69. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 51.
70. Сб. РИО, т. 77, с. 432.
71. Архив Воронцова, т. XIV, с. 276, 290.
72. Русский архив, 1888, кн. 3, с. 114.
73. ГРИБОВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 16.
74. Архив Воронцова, т. XI, с. 165.
75. Сб. РИО, т. 70, с. 715.
76. Русский архив. 1888, кн. 3, с. 113—114.

Происхождение регулярного государства Петра Великого

С.А. Нефёдов

Появление абсолютизма на Востоке Европы было вызвано шоком, который произвело на окружающие страны шведское нашествие. В 1658 г. шведская армия осадила Копенгаген, датское государство стояло на краю гибели, и спасла его лишь помощь союзников, а осенью 1660 г. датское собрание сословий после бурных прений вручило королю Фредерику III абсолютную и наследственную власть. Рождение абсолютизма было следствием военной катастрофы, это была военная диктатура в ее древнеримском понимании — диктатура, порожденная войной. В этом убеждают обстоятельства возникновения датского абсолютизма.

Так же как в Германии, в конце средних веков в Дании господствовали рыцарский строй и сеньориальная система. Многочисленное датское дворянство использовало свою военную мощь для подчинения как крестьян, так и королевской власти. В 1523 г. дворянство получило «королевские права» над своими крестьянами. В ответ крестьяне восстали — и потерпели поражение; многие из них утратили свои земли, а манифест 1536 г. объявил власть дворян над крестьянами «неограниченной». На датских островах постепенно сформировалось крепостное право, помещик мог продавать крестьянские семьи в разбивку. Закон 1608 г. подтвердил право помещика на неограниченную барщину¹.

В XVI в. датские короли правили вместе с Государственным советом (ригсродом), включавшим представителей примерно двадцати аристократических семей (хотя формально эти семьи не имели титулов, которые выделяли бы их из дворянской среды). Каждый король при вступлении на престол подписывал «устав вступления» и клялся «поддерживать ригсрод и дворянство Дании и управлять вместе с ними»². Ригсрод имел право избирать короля; все законы принимались монархом совместно с ригсродом. Без согласия ригсрода король не мог дать простолюдину дворянство³. Кроме того, совместно с государем ригсрод назначал ленсманов — управляющих королевскими замковыми ленами. Королевский домен делился на замковые лены, и ленсманы получали до

Продолжение. Начало см. Вопросы истории, 2013, № 12.

Нефёдов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

половины доходов этих ленов. Иначе говоря, помимо своих земель, дворянство эксплуатировало также земли короны. В середине XVII в. дворянам и королю принадлежало по 44% всех земель, и по 6% приходилось на долю церкви и немногочисленных свободных крестьян⁴.

Таким образом, дворянство присваивало основную часть доходов королевства, обязываясь взамен нести военную службу: оно выставляло 1200 всадников-рыцарей, которые и составляли основу датской армии. По закону 1625 г. одного всадника выставляли с 312 тенге (1 тенге — примерно 1 га) пахотной земли, и, хотя дворяне сами уже не сражались, они более-менее исправно обеспечивали солдатами датскую кавалерию⁵. Датские дворяне (в отличие от шведских) не уклонялись от этой обязанности, так как понимали необходимость защищать свою власть и доходы. Однако «военная революция» привела к падению значения тяжелой кавалерии, и с конца XVI в. ригсроду приходилось нанимать все больше пехотинцев — немецких ландскнехтов. Несмотря на введение экстраординарных налогов, средств не хватало, и по шведскому образцу была введена рекрутская повинность — сначала для крестьян короны, а затем (с 1638 г.) и для помещичьих крестьян. Дворяне-помещики сами отбирали рекрутов в своих поместьях и выполняли роль офицеров, они учили своих солдат обращению с мушкетами, а после обучения отнимали у них оружие: дворяне боялись своих крестьян. Со своей стороны, крестьяне не желали сражаться за господ, в начале Тридцатилетней войны они толпами уходили в Швецию, и пришлось заключить с нею особое соглашение о возврате дезертиров⁶. Боевая ценность такой армии была сомнительной, военачальники презирали своих солдат, и король Кристиан IV говорил, что призванные крестьяне были «хуже животных»⁷. Когда в 1657 г. в Ютландию вторглась шведская армия, то крестьяне-рекруты попросту разбежались, а зимой следующего года, перейдя по льду проливы, шведы подошли к Копенгагену. Дания была вынуждена капитулировать и отдала Швеции четыре провинции. Однако шведский король Карл X Густав решил полностью уничтожить датское государство и возобновил войну. 11 февраля 1659 г. шведская армия штурмовала Копенгаген, который обороняли городское ополчение и небольшой отряд наемников. Штурм был отбит, но положение было отчаянным и лишь помощь союзников (Голландии, Бранденбурга, Польши и Австрии) спасла Данию от гибели⁸.

Катастрофа 1658—1659 гг. выявила полную неспособность датских дворян защитить принадлежавшую им страну — неспособность, которая была результатом свершившейся «военной революции». Датское дворянство упорно цеплялось за то, что когда-то обеспечило его власть — за тяжелую рыцарскую кавалерию, лишь по необходимости формируя плохо обученные и ненадежные подразделения пехоты. Война показала военную и политическую беспомощность дворянства, и реальная власть оказалась в руках тех сил, которым удалось отстоять Копенгаген — в руках бюргерского ополчения и королевских наемников. Оразив штурм 11 февраля, бюргеры сразу же потребовали предоставить им дворянские права и привилегии, и король был вынужден согласиться. Осенью 1660 г. было созвано собрание всех сословий, на котором встал вопрос о реформах. Главной проблемой (как и учит теория «военной революции») было создание новой армии и обеспечение ее финансирования.

Задача осложнялась огромным государственным долгом (5 млн риксталеров), который равнялся примерно двенадцатикратному государственному доходу. В попытках изыскать средства низшие сословия требовали отменить налоговые привилегии дворян и отнять у них управление королевскими ленами. Дворянство упорно сопротивлялось, и тогда бюргеры и духовенство обратились к королю Фредерику III. Сословия предлагали вручить монарху наследственную и неограниченную власть во имя проведения необходимых ре-

форм. 10 октября король объявил в столице военное положение; зал заседаний был окружен королевскими наемниками — и дворянство капитулировало. Фредерик III стал абсолютным монархом. Так родилась датская военно-бюрократическая монархия⁹. «Королевский закон» 1665 г. — уникальный в истории Европы документ, провозгласивший рождение «восточного абсолютизма»¹⁰. Введение к этому документу от имени короля говорит о причинах и обстоятельствах введения абсолютизма: «Да будет известно всем... что Его божественное всемогущество по-отечески освободило нас от опасности почти очевидной и неизбежной катастрофы, которая нависала над нашим королевским домом и нашими королевствами и землями... Господь призвал тогда наш ригсрод и все сословия, благородные и неблагородные, духовные и светские, чтобы они отказались от их прежних прерогатив и прав на выборы... и таким образом, невынужденно и без любого подстрекательства, требования или приказа, добровольно и после зрелого обдумывания... объявили нас главным обладателем наследственного права на королевства Данию и Норвегию, на абсолютную власть, суверенитет, и все королевские привилегии и регалии»¹¹.

Создателем «Королевского закона» 1665 года, утвердившего абсолютизм, а также «Табели о рангах» был Петр Шумахер, молодой библиотекарь Фредерика III, впоследствии государственный канцлер. Шумахер много путешествовал по Европе и был осведомлен в философии XVII века. С целью обоснования абсолютной монархии он использовал теорию Гуго Гроция о происхождении государства в результате «общественного договора». По мысли Шумахера, в 1660 г. датские сословия заключили именно такой договор с целью достижения «общественной пользы»¹².

Первой задачей новой власти было решение финансовой проблемы, и она решила эту проблему в духе тех требований, которые выдвигали буржуазия и духовенство. Дворянские поместья лишились налоговых привилегий, помещичьим крестьянам пришлось платить государству примерно в пять раз больше, чем прежде. Владельцы поместий сами собирали налоги со своих крестьян и отвечали за недобор: землевладелец должен был платить за запустевшие земли; если же он не справлялся со сбором налогов, то в дело вступали военные команды¹³. Естественно, что большие подати привели к уменьшению помещичьей ренты и упадку старого поместного дворянства. Однако в первую очередь рост налогов означал новые тяготы для крестьян. Ганнибал Сехестед, государственный казначей, проводивший налоговые реформы, признавал, что новые налоги непосильны для «несчастных крестьян, чей скот и имущество... постоянно продаются за бесценок для уплаты податей. Это уменьшает доходы земли и принуждает подданных бежать из королевства»¹⁴.

Другим важным финансовым мероприятием было изъятие королевских ленов у державшей их знати. На смену ленсманам, присваивавшим до половины доходов лена, пришли амтманы, королевские чиновники, получавшие фиксированное жалованье. Для сбора налогов в доменах король сам назначал особых уполномоченных, не подчинявшихся амтману. Таким образом, король получал все причитающееся, и доходы с домена резко возросли. Но и этого не хватало для покрытия возросших военных расходов и оплаты долгов, поэтому правительство продавало королевские лены; к 1683 г. почти половину земель короны (на 6 млн риксдалеров) купили кредиторы короля — копенгагенские буржуа и иностранные финансисты; вместе с поместьями они получали учрежденные с 1671 г. титулы баронов и графов. Это было новое дворянство, которое не имело ничего общего со старым рыцарским сословием¹⁵.

Все это делалось с целью создания мощной армии перед лицом сохранявшейся шведской угрозы. В 1662 г. расходы на армию превысили уровень 1602 г. в 40 раз (нужно, конечно, учитывать, что в 1602 г. кавалерия оплачивалась

дворянством). В 1661—1699 гг. на армию уходило в среднем 1,7 млн риксталеров в год, в то время, как в 1656 г. весь государственный доход составлял 0,4 миллиона¹⁶. В начале XVIII в. датская армия насчитывала 65—75 тыс. солдат, в войсках служило примерно 4% населения¹⁷. Дания превратилась в «военное государство», подобное Швеции Густава Адольфа.

Государства, подвергшиеся удару вследствие появления новой военной технологии завоевателя, должны, согласно концепции диффузионизма, соответственно модернизироваться. Прежде всего требуется перенять военную технологию. Новая датская армия была организована, вооружена и обучена по образцу шведской. Так же, как в Швеции, была введена рекрутская повинность: пять крестьянских дворов должны были поставить одного рекрута; так комплектовалась не только пехота, но и кавалерия. Дворянская конница была расформирована; дворяне были освобождены от службы и от обязанности выставить всадников (что и давало формальное основание для обложения поместий налогами). Однако крестьяне, для которых рекрутчина была столь же ненавистна, как новые налоги, всячески уклонялись от военной повинности, и 1680-х годах правительство было вынуждено вернуться к наемной армии¹⁸. Таким образом, застарелая социальная рознь не позволила датским королям создать национальную армию: напомним, что в Зеландии существовало крепостное право, барщина достигала трех дней в неделю, и у рабов не было стимулов, чтобы защищать своих господ. Потребовалось еще одно шведское нашествие, чтобы убедить военную монархию в необходимости освобождения крестьян. В 1700 г., когда шведы высадились у Копенгагена, правительство пообещало отменить крепостное право, если крестьяне будут бороться с врагом. После этого рекрутская повинность была восстановлена и удалось сформировать крестьянские полки, сражавшиеся вместе с наемными войсками. Правда, отбор рекрутов в поместьях был предоставлен их владельцам, и угроза рекрутчиной зачастую заставляла бывших крепостных выполнять прежние повинности. Остатки крепостного права в Дании были отменены в 1788 году¹⁹.

Датская армия отличалась от шведской также и в формировании офицерского состава. В шведской армии середины XVII в. офицерами были, как правило, дворяне. В Дании же преобразования 1660 г. были направлены против дворян, и они лишились привилегий на занятие офицерских (и чиновничьих) должностей — это было одно из главных требований бюргерского сословия. Более того, абсолютная монархия с подозрением относилась к затаившим недовольство дворянам и не допускала их до высоких постов. Подавляющее большинство офицеров датской армии (75—80%) происходило из низших сословий, а многие были иностранцы (преимущественно немцы). При назначении на должность учитывались прежде всего профессиональные качества, а происхождение не имело значения; требовалось только, чтобы кандидат имел «честных родителей». Однако с назначением на должность офицер, не становясь дворянином, получал право на дворянские привилегии, в том числе на фамильную приставку «фон». В конечном счете датские офицеры сплотились в касту, где — подобно тому как это было в Пруссии — прежде всего ценились профессионализм, дисциплина, точное и аккуратное исполнение обязанностей. Офицер должен был неотлучно пребывать в полку, вести журнал служебных поручений и строго соблюдать устав²⁰.

Бюрократическая машина датского «военного государства» была скопирована со шведского образца: несколько коллегий, налаженный документооборот, система ревизий; государственный совет (риксрод) был упразднен и заменен чисто совещательным органом, «статс-коллегией». В 1680-х годах был проведен земельный кадастр и налоги распределены соответственно количеству и качеству земли независимо от того, кому она принадлежала, королю или дво-

рянам. Так же как в армии, в правительственном аппарате большинство чиновников не принадлежало к дворянству и при назначении на должность в первую очередь учитывалась квалификация²¹. Стараясь уравнивать дворян и буржуазию в отношении служебных возможностей, датская военно-бюрократическая монархия проводила сознательную политику эгалитаризма²². «Налоги на должность, на ношение парика, на прочие предметы роскоши, каретный налог являлись средством уравнивать общество»²³. По Датскому кодексу 1685 г. все подданные были равны перед законом²⁴.

Истоки этих эгалитарных тенденций просматриваются в требованиях копенгагенской буржуазии, выдвинутых сразу же после отражения шведского нашествия. В сельской и феодальной Дании Копенгаген представлял собой довольно значительный для того времени торгово-буржуазный анклав. Жизнь столицы была связана с обслуживанием балтийской торговли, которую вели преимущественно голландские купцы. В городе было много филиалов голландских торговых компаний; компания Марселисов владела верфями, литейным заводом и доминировала в экспорте норвежского леса. В составе городского населения было немало голландцев — ткачей, судовых плотников, рабочих-строителей, архитекторов, художников²⁵. Это был процесс распространения голландского культурного круга — причем в Дании голландское влияние было более сильным, чем в Швеции и Пруссии. Естественно, что породнившаяся с голландцами копенгагенская буржуазия стремилась установить в Дании те же порядки, которые существовали в Голландии, — то есть порядки торговой республики, где правят не дворяне, а буржуа. Финансовая мощь Копенгагена заставляла королей считаться с бюргерами: наряду с голландцами, бюргеры выступали в качестве кредиторов государства, и, чтобы расплатиться с ними, короли продавали им лены и титулы²⁶. Таким образом, эгалитаризм датской монархии объяснялся не только приспособлением к новым условиям «военной революции», но также голландским влиянием и наличием внутри страны буржуазного анклава, Копенгагена.

Уравнивая дворянство и буржуазию, военная монархия создала новую общественную иерархию, основанную на положении подданного в государственной военно-бюрократической машине. Чтобы точно установить положение военных и штатских в новой иерархии, в 1671 г. была введена «Табель о рангах». Табель группировала должности в ранги, в соответствии с которыми офицеры и чиновники должны были пользоваться почетом и уважением, занимать места в собраниях, при богослужениях и общественных мероприятиях. В основу была положена военная иерархия званий, гражданские должности (с некоторым понижением) приравнивались к военным; офицерам и чиновникам полагалось носить соответствующие рангу мундиры. Неслужилое дворянство не входило в эту иерархию, исключение делалось лишь для новых баронов и графов, получивших титулы после революции 1660 года²⁷. Бароны имели третий ранг знатности и приравнивались к генерал-майорам; но и все должностные лица, дослужившиеся до третьего ранга, становились потомственными дворянами²⁸.

Датская «Табель о рангах» была первым европейским установлением такого рода, и она оказала влияние на «Табель о рангах» Петра I. П.А. Остерман, составивший первоначальный проект российской «Табели», предлагал, как в Дании, давать дворянство должностным лицам начиная с третьего ранга. Однако Петр I собственноручно исправил проект, указав считать дворянами всех офицеров, начиная с низших званий. Это была огромная, принципиальная разница: в Дании дворянами становились только генерал-майоры, а в России дворянином мог стать выслужившийся из крестьян прапорщик. И разумеется, в российской «Табели» не было никаких графов и баронов, купивших свои титулы²⁹. К тому же в 1710-х годах офицерские должности в Дании стали

продаваться — началась эрозия «военной монархии»³⁰. Таким образом, прообраз регулярного государства Петра нужно искать в других странах — и в других государственных теориях.

Вернемся же к истории Швеции во второй половине XVII столетия. В 1655 г., когда шведский король Карл X Густав напал на Польшу, это было нашествие, которое поляки называли «Потопом». Война с Польшей вскоре превратилась в войну с Россией и Данией, в ходе которой Карл Густав нанес датчанам удар, породивший революцию 1660 года и датский «восточный абсолютизм». В том же 1660 г. Карл Густав умер, и власть вновь оказалась в руках аристократического риксдага. Однако на этот раз риксдаг принял дополнения к «Форме правления», после чего государственные посты не должны были оставаться монополией аристократии и на низшие должности могли назначаться и простолюдины — если они имели университетское образование. В дальнейшем стало обычной практикой наделять дворянством простолюдинов, дослужившихся до более высоких должностей, и это привело к формированию прослойки дворян-чиновников³¹.

До начала войны 1675—1679 гг. молодой король Карл XI не вмешивался в дела управления, проводя жизнь в военных играх-маневрах — позднее такое воспитание стало обычным для всех королей-полководцев (Kriegsherr). Но летом 1675 г. внезапно разразился военный кризис, шведская армия была разбита бранденбуржцами, шведский флот разгромлен датчанами, и датские войска высадились в Швеции. Король был вынужден взять на себя командование и, смело атаковав врага, в 1676 г. нанес датчанам решающее поражение в битве при Лунде.

В кризисе 1675 г. проявились последствия диффузионного процесса, связанного с созданием шведами легких полковых пушек. Эта военная инновация вызвала волну шведских завоеваний и заставила подвергшиеся нашествию страны — Данию, Бранденбург, а затем и Россию — спешно перенимать оружие шведов. К 1675 г. Швеция утратила свое военно-технологическое превосходство и оказалась перед лицом коалиции жаждавших реванша противников. Отныне Швеция сама стала объектом военного давления и перед Швецией — также как в 1660 г. перед Данией — встала задача самосохранения. Это было возможно лишь путем мобилизации финансов страны, восстановления «военного государства» времен Густава Адольфа.

Так же как в Дании, аристократическое правительство было деморализовано предъявленными ему обвинениями в растрате средств и военных поражениях; как и в Дании, на первый план вышла проблема финансирования армии. На риксдаге 1680 г. низшие сословия потребовали полной редукиции — возврата короне всех земель, «приватизированных» с 1632 года. Члены бывшего правительства предстали перед трибуналом; королевская лейб-гвардия «охраняла» зал заседаний рикстага, дворянство было запугано и согласилось на проведение редукиции. Одновременно с устранением аристократического правительства сословия передали королю неограниченную и абсолютную власть, причем формально это выглядело как восстановление традиционных прав наследственного монарха³². 12 декабря 1680 г. риксдаг принял «Декларацию сословий». «Ваше королевское величество... ответственно в своих действиях исключительно перед Богом», — гласила она³³.

Таким образом при обстоятельствах, подобных датским, — в условиях внешнего военного давления и нехватки средств для содержания армии — в Швеции утвердился «восточный абсолютизм». Так же, как в Дании, это была военная диктатура, поставившая целью мобилизовать средства страны для воссоздания мощной армии и, в частности, отнять у дворянства присвоенные им доходы. В датском случае это было сделано путем отмены налоговых привиле-

гий дворянства, в шведском случае — путем конфискации части дворянских земель. В результате редукции дворянство потеряло примерно половину своих владений; к концу XVIII в. доля дворянских земель сократилась до 33%, доля коронных земель увеличилась до 36%, а доля крестьянских земель — до 31%³⁴. Кроме того, по постановлению трибунала члены риксрода были вынуждены вернуть в казну 4 млн талеров, что привело к разорению пятнадцати крупнейших аристократических родов. Старая аристократия была публично дискредитирована и понесла столь большие экономические потери, что уже более никогда не могла претендовать на власть. Риксрод был преобразован в «Королевский совет», состоявший из назначенных королем чиновников. Одновременно были ликвидированы зафиксированные в «Форме правления» привилегии дворянства на занятие должностей. После 1680 г. все назначения офицеров производил король, обращавший внимание главным образом на профессиональные качества кандидатов. Более половины низших офицеров были простолюдинами, но при достижении капитанской должности офицер обычно получал дворянство. Аналогично аноблировались чиновники, поэтому число дворян быстро росло. До 1680 г. 90% дворян были землевладельцами, а к концу XVII в. 70% сословия составляли не имевшие земли служилые дворяне³⁵.

Для упорядочения новой элиты по датскому образцу была утверждена «Табель о рангах». Однако, в отличие от датской таблицы, в шведских регламентах нет упоминаний о графах или баронах. В регламенте 1696 г. еще фигурировали некоторые привилегии дворян, но в таблице 1705 г. об этих привилегиях уже не упоминается. Впрочем, в этих документах нет и положений о назначении на посты соответственно заслугам или о даровании дворянства выслужившимся офицерам. Камеррат Генрих Фик, посланный Петром I в Швецию для сбора сведений о бюрократических учреждениях этой страны, отмечал, что молодые дворяне все же имеют некоторые преимущества при продвижении по службе: они могут начать службу волонтерами в лейб-гвардии или получить образование за границей. Имелась возможность также поступить канцеляристом в коллегии, но во всех случаях требовалось последовательно проходить все низшие чины. Карл XI требовал, чтобы дворянские юноши учились в гимназиях; с этой целью в каждой епархии была учреждена гимназия³⁶.

Карл XI вошел в шведскую историческую традицию как «крестьянский король». Среди простого народа ходила легенда, будто Карл, пряча лицо под капюшоном старого серого плаща, посещает жилища крестьян и расспрашивает их о жизни — поэтому короля звали «серым плащом». В инструкции провинциальным губернаторам король писал, что дворяне не должны обременять крестьян непосильным трудом, что «дворянские крестьяне не перестают быть Нашими подданными и заслуживают протекции и защиты во всех разумных вопросах так же, как другие подданные». «Он был помешан на поддержании справедливости между подданными», — констатирует Э. Уптон³⁷.

Крестьяне были благодарны королю прежде всего за избавление от рекрутчины. Карл XI создал систему «инделнингсвайк» (indelningsverk), когда несколько крестьянских хозяйств объединялись в «роты» и совместно содержали солдата. Обычно они подряжали молодого батрака, обеспечивали его усадьбой и помогали по хозяйству. В мирное время солдат проводил один месяц в году на военных сборах, проходя военное обучение и участвуя в маневрах. Рота отвечала за своего солдата и была обязана заменить его в случае дезертирства или гибели³⁸.

В конце XVII в. система «инделнингсвайк» позволяла содержать 37 тыс. солдат. Конница частью состояла из дворян, которые по-прежнему были обязаны отбывать службу или выставлять наемного рейтара. Кроме того, в армии

служили 24 тыс. немецких наемников; военные расходы (включая затраты на флот) составляли 61% от бюджета. Однако когда в 1700 г. началась Вторая Северная война, «поселенная» армия оказалась недостаточной, и Карлу XII пришлось вернуться к рекрутской системе. В 1708 г. численность армии достигла 111 тыс., что составляло примерно 6% от численности населения — это был пример тотальной мобилизации, на которую была способна только высокоорганизованная военно-бюрократическая монархия³⁹.

Одним из необходимых условий построения военной монархии является духовное единство, сплочение общества вокруг идеи, за которую можно сражаться. Идеологическое единство Швеции обеспечивала лютеранская религия. Шведские солдаты должны были молиться дважды в день, и их сопровождали в бой военные капелланы. Чтобы до каждого доходило слово божие, Карл XI учредил национальную систему образования: были созданы тысячи начальных школ, где крестьян учили грамоте, а тем, кто не выучился читать Библию, запрещали жениться. Учителя-священники растолковывали крестьянам суть того, что написано в Библии, и эта суть сводилась к тому, что король поставлен богом, чтобы заботиться о своем народе сообразно с божьей волей. При этом Карл XI считал себя не только сувереном мирян, но также опекуном и покровителем церкви — как это было принято у лютеранских князей⁴⁰.

Карл XI, действительно, работал не покладая рук, вставал в четыре часа утра и постоянно объезжал провинции, контролируя работу чиновников. Короля не без оснований называли «отцом отечества». В одном из частных писем Карл доказывал, что право и обязанность короля — предписывать делать то, что необходимо для всеобщего блага⁴¹. Теорию об «общественном договоре» (власть дана монархам в целях достижения «всеобщего блага») развивал Пуфендорф, который был сначала профессором университета в Лунде, а затем государственным секретарем и историографом Карла XI. Пуфендорф не скрывал, что как историк выражает мнение правителя, которому он служит⁴², а его философские теории отражали тогдашнюю европейскую реальность — становление «военных монархий». Чрезвычайно образованный человек, Пуфендорф привлекал для обоснования абсолютизма исторический опыт могущественной и почитаемой философами китайской цивилизации. Пуфендорф писал, что китайцы не могут представить себе что-либо подобное Генеральным штатам, и доказывал, что король может являться олицетворением общности людей, что все прочие учреждения не нуждаются ни в каком ином обосновании, кроме учреждения их абсолютной властью монарха. Особое внимание Пуфендорф уделял равенству прав дворян и простолюдинов на занятие государственных должностей. Он писал, что китайские императоры окружали себя учеными советниками, которые получали свои посты, выдержав трудный экзамен, что даже бедняк мог получить в Китае высокий пост, продемонстрировав свои знания⁴³.

Неясно, какое влияние оказала теория Пуфендорфа на взгляды Карла XI: корреспонденция философа посвящена историческим проблемам и ничего не говорит о его политической или административной деятельности. Известно, что в 1680 г. Пуфендорф поддерживал установление абсолютизма. Идеями Пуфендорфа широко пользовались политики для оправдания действий Карла XI и Карла XII, однако в чистом виде они были слишком радикальны для шведского общества. В университетах Лунда и Упсалы эти теории смешали с традиционным лютеранством: утверждалось, что «общественный договор» заключается по воле бога, и даже если король избран сословиями, то он избран по воле бога. Что касается самого Карла XI, то у него не было проблем с обоснованием своих полномочий: король не сомневался, что они основаны на Божьем слове и Священном писании⁴⁴.

Таким образом, Швеция Карла XI являет образец описанной Робертсом «военной монархии»: неограниченная власть монарха-полководца, мобилизация государственных ресурсов для поддержания армии, военная дисциплина, привнесенная в гражданскую сферу, «эффективная бюрократия», уставы и регламенты, переписи и кадастры, значительный государственный сектор экономики, идеологическая монополия государства. Все эти черты можно объяснить потребностями наиболее эффективной мобилизации сил для ведения войны: и шведская и датская монархии с их особенностями были порождены войной. Но сверх того заметны черты, придающие военной монархии «человеческое лицо»: эгалитаризм, забота о простом народе и «всеобщем благе».

Свойственные шведской монархии эгалитаристские и народные черты побудили Б. Даунинга рассматривать ее как особый случай военно-популистского абсолютизма⁴⁵. Шведский абсолютизм, разумеется, отличался от военно-бюрократического абсолютизма прусского образца, который сочетал офицерские привилегии дворянства с крепостным правом. Конечно, со временем война заставляет отбирать офицеров не по происхождению, а по умению и таланту, и иногда военным приходится освобождать крестьян, чтобы дать им в руки оружие, как это случилось в Дании. Однако эти общие тенденции развития военной монархии сказываются медленно: для освобождения крестьян в Пруссии потребовалась катастрофа под Иеной и Ауэрштедтом. История Швеции в этом отношении представляет собой особый случай — прежде всего, как история страны на периферии Европы, где дворянство не успело закрепить крестьян. Шведские крестьяне всегда были свободными, и короли относились к ним с уважением, «как святой Моисей правил детьми Израиля».

Напрашивается вывод, что в основании теории Пуфендорфа об «общественном договоре» с целью достижения «всеобщего блага» лежат традиции крестьянской Швеции, и может показаться, что именно соединение этих традиций с «военной монархией» породило концепцию «регулярного государства». Однако при ближайшем рассмотрении все оказывается не так просто. Концепция «регулярного государства» родилась не в Швеции, а в Пруссии, и свое наивысшее выражение нашла в петровской России. «В России при Петре I попытки воплотить в жизнь политические идеи эпохи были гораздо более последовательными и далеко идущими, чем на Западе», — констатирует Х. Баггер⁴⁶.

(Продолжение следует)

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

1. История Дании. М. 2007, с. 116—117, 159—160.
2. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation. In: A revolution from above? The power state of 16th and 17th century Scandinavia. Odense. 2000, p. 49.
3. JESPERSEN L. Court and nobility in Early Modern Denmark. — Scandinavian Journal of History, 2002, vol. 27, № 3, p. 129—130.
4. История Дании, с. 158, 168—171.
5. JESPERSEN L. Social change and Military Revolution in Early Modern Europe: Some Danish evidence. — The Historical Journal, 1983, vol. 26, № 1, p. 5, 8—9.
6. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 130—131, 180.
7. Ibid., p. 129.
8. История Дании, с. 188—192.
9. JESPERSEN L. Office and offence crisis and structural transformation in 17th century Scandinavia. — Scandinavian Journal of History, 1993, Vol.18, № 2, p. 118; JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 93, 97; История Дании, с. 204—205.

10. JESPERSEN L. Office and offence crisis, p. 118.
11. ЕКМАН Е. The Danish royal law of 1665. — *The Journal of Modern History*, 1957, Vol. 29, № 2, p. 105.
12. *Ibid.*, p. 104.
13. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 57, 128.
14. Цит. по: ВОЗГРИН В.Е. Датское крестьянство в XVI — середине XIX в. В кн.: *История крестьянства в Европе*. Т. 3. М. 1986, с. 297, 298.
15. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 77, 97; ВОЗГРИН В.Е. Ук. соч., с. 298; *История Дании*, с. 209.
16. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 95.
17. *История Дании*, с. 211.
18. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 133—134.
19. *Ibid.*, p. 134, 177.
20. LIND G. Military and absolutism: The army officers of Denmark-Norway as a social group and political factor, 1660—1848. — *Scandinavian Journal of History*, 1987, vol. 12, № 3, p. 225, 226, 230; KNUDSEN T., ROTHSTEIN B. State building in Scandinavia. — *Comparative Politics*, 1994, vol. 26, № 2, p. 209.
21. KNUDSEN T., ROTHSTEIN B. *Op. cit.*, p. 205; JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 76—77.
22. KNUDSEN T., ROTHSTEIN B. *Op. cit.*, p. 209.
23. *История Дании*, с. 211.
24. ГЕРЕЛУНД Л.Н. *История Дании*. М. 1907, с. 175.
25. JESPERSEN L. The constitutional and administrative situation, p. 105.
26. *Ibid.*, p. 97.
27. LIND G. *Op. cit.*, p. 225.
28. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М. 1994, с. 178.
29. ТРОИЦКИЙ С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М. 1972, с. 60, 82.
30. LIND G. *Op. cit.*, p. 224.
31. *Ibid.*, p. 12.
32. *Ibid.*, p. 35—39; UPTON A. Charles XI and Swedish absolutism, 1660—1697. Cambridge. 2006, p. 50.
33. LIND G. *Op. cit.*, p. 39.
34. АНДЕРСОН И. *История Швеции*. М. 1953, с. 228.
35. UPTON A. *Op. cit.*, p. 57—58, 69.
36. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Ук. соч., с. 173; UPTON A. *Op. cit.*, p. 173.
37. UPTON A. *Op. cit.*, p. 169.
38. *Ibid.*
39. *Ibid.*, p. 71, 228; KNUDSEN T., ROTHSTEIN B. *Op. cit.*, p. 208.
40. UPTON A. *Op. cit.*, p. 172—174, 217.
41. *Ibid.*, p. 256, 151.
42. KRIEGER L. History and law in the Seventeenth century: Pufendorf. — *Journal of the History of Ideas*, 1960, vol. 21, № 2, p. 207.
43. DEMEL W. China in European political thought, 1570—1750. In: *China and Europe: images and influences in 16th — 18th centuries*. Hong Kong. 1991, p. 55—57.
44. UPTON A. *Op. cit.*, p. 159, 169, 173, 241; KRIEGER L. *Op. cit.*, p. 201; MAGNUSSON L. Economics and the Public Interest: The emergence of Economics as an academic subject during the 18th century. — *The Scandinavian Journal of Economics*, 1992, vol. 94. Supplement. Proceedings of a Symposium on productivity concepts and measurement problems: Welfare, quality and productivity in the service industries, p. 255—256; SCHMIDT-BIGGEMANN W. Dynamics of knowledge in the seventeenth-century Swedish realm. — *Ajalooline Ajakiri*, 2010, vol. 3/4 (133/134), p. 294.
45. DOWNING B. *The Military Revolution and political change*. Princeton. 1992, p. 205.
46. БАГГЕР Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М. 1985, с. 36.

Ф.И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства

Э.Г. Задорожнюк

25 лет тому назад журнал «Вопросы истории» начал публикацию крайне интересного политического трактата К. Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», который до тех пор нарочито игнорировался отечественными историками-марксистами. Трактат был написан в основном в июне 1856 — марте 1857 г. (хотя замышлялся еще в 1853 г.) и имел целью разоблачить излишне «русофильский характер» английской дипломатии¹, сохранившийся якобы и даже после поражения Российской империи в Крымской войне. Немногим меньше половины его объема составляли дипломатические документы из Британского музея, а собственно текст Маркса представлял собой «разоблачение» имперско-агрессивной политики России с явно пристрастными оценками ее истории. Части из него публиковались в английской прессе, в целостном виде он вышел в 1899 г. (на английском языке еще раз он появился в 1969 г. в Лондоне и Нью-Йорке). Трактат переводили на французский язык — в 1954 г., на немецкий — в 1966, 1977 и 1981, на польский — в 1967, на итальянский — в 1977 г.; а также на китайский. На русском языке выдержки из него появились еще в 1908 г., к середине 1950-х гг. был готов полный перевод, но он так и не вышел в свет, что неудивительно, поскольку в нем были, например, такие пассажи: «Россия знает, что у нее нет никаких общих интересов с другими нациями, но ей надо убедить каждую нацию в отдельности в том, что у нее есть общие интересы с Россией»² (остается заметить, что это прекрасная характеристика как раз английской дипломатии). «Балтийское море было в более надежных руках, когда находилось во власти Швеции, чем когда им завладела Россия»³ (и в поддержке последней, согласно Марксу, неизбывный грех английской дипломатии). «Колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов. А современная Россия есть не что иное, как преображенная Московия»⁴. О Петре Великом говорится, что он сочетал «политическое искусство монгольского раба с гордым стремлением московского властелина, которому Чингисхан завещал свой план завоевания мира»⁵. Для подтверждения этой оценки косвенно привлекается и пресловутое Завещание Петра I, фальсифицированность которого была доказана немецким ученым в 1859 году.

Задорожнюк Элла Григорьевна — доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН.

Трактат Маркса своеобразно легитимизировал результаты Крымской войны и требовал усилить давление на Российскую империю, якобы ориентированную лишь на дальнейшую экспансию в Европе и мире. Внимательное прочтение его положений позволяет глубже понять ход и ключевые эпизоды «историософского сражения» между двумя политическими мыслителями по славянскому вопросу: соратником Маркса Ф. Энгельсом и русским дипломатом, политическим мыслителем и поэтом Ф.И. Тютчевым.

В 1844 г. внимание европейских читателей привлекла брошюра на французском языке «Россия и Германия», адресованная редактору авторитетной немецкой газеты «Allgemeine Zeitung». Ее автор Ф.И. Тютчев характеризует территориально прираставшую Российскую империю как ключевой фактор стабильности Европы. Раньше страны Запада проводили политику захвата славянских земель, уничтожая их обитателей. Приращение же России является «самым естественным и законным делом», утверждает он, а входящие в нее народы, приобщаясь к православию, сохраняются и развиваются. Такова его ключевая идея в применении к Польше. Россия же должна защитить народы, уже сохраняющие православную веру, маяком свободы для которых она служит. Предпосылка такого освобождения — окончательная победа славянства над турками.

Тютчев особо подчеркивает: «Польша должна была погибнуть... Речь идет, конечно же, не о самобытной польской народности — упаси Бог, а о навязанных ей ложной цивилизации и фальшивой национальности»⁶. Действительно, присоединенная к России часть Польши развивала свою культуру, в то время как поляки отошедших к Австрии и Германии областей подвергались онемечиванию. По его логике, лишь Россия способна обеспечить и дальнейшее развитие Польши, но в духе православия, в то время как независимость может превратить это небольшое государство в яблоко раздора для европейских империй. В целом Россия должна объединить, в первую очередь, славянские народы, сохранявшие православную веру, и тем самым, решая Восточный вопрос (прибив подобие Олегова щита к воротам Царьграда), завершить и славянский вопрос. Ей предстоит выступить прямой наследницей Византийской империи.

Эта нарочито заостренная постановка вопроса не могла не вызвать жесткой критики присвоенного Тютчевым статуса России как объединителя славянских народов под верховенством православного царя. С нею выступили монархисты (подобные убеждения разделял и Энгельс совместно с Марксом), и революционеры, немецкие националисты и французские легитимисты — для всех них славянские народы не должны были обладать не то что самостоятельностью, но и правом выбора. Решение же польского вопроса постоянно выступало рычагом давления на Российскую империю, если не ее сокрушения, которое с первой попытки (нашествие Наполеона) не удалось. Чтобы такая попытка не повторялась, полагал Тютчев, и нужно покровительство Российской империи славянским народам — не без элементов насилия по отношению к одним (полякам), увещательной любви к другим (чехам) и поддержки освободительных движений третьих (югославян)⁷.

Таковы контуры первого варианта консервативной политической утопии Тютчева, которую условно можно назвать «историософией Реакции»⁸. Если же взять в качестве ведущего представителя историософии «перманентной» революции Энгельса, то сражение между этими двумя выдающимися политическими мыслителями выступит как интереснейшая страница истории идей XIX, да и не только XIX века. Историю идей можно при этом трактовать как совокупность знаний о социальных и культурно-исторических условиях, о закономерностях появления и развития значимых общественных идей в связи с личност-

ными судьбами их носителей; это научное направление лишь оформляется в современном отечественном общественном сознании.

На пути «естественного хода событий», по словам Тютчева, и стала революция 1848 г., которую должна погасить Россия — карающий меч контрреволюции. Брошюра «Россия и Германия» (вышла анонимно, но была представлена царю, который одобрил ее ключевые идеи) лишь начала борьбу с идеей Революции (Тютчев писал, что Великая французская революция окончательно не сокрушена и рано или поздно проявится вновь).

Следующий этап борьбы — статья «Россия и Революция», которая была продиктована Э. Тютчевой 12 апреля 1848 г.; в 1849 г. она была опубликована также как брошюра на французском языке, а ее многочисленные фрагменты — на немецком и только в 1873 г. — на русском языке в год смерти Тютчева. Слово «Революция» написано в ней с прописной буквы не только потому, что его жена-немка так писала имена существительные. Причина — в крайне высокой значимости и смысловой наполненности этого понятия Тютчевым⁹.

В центре рассмотрения этой статьи находилась уже не столько Польша, сколько Чехия (Богемия), которая, по Тютчеву, выступает центром Богом благословляемой борьбы за славянство и против Революции. Многие его идеи относительно славянства приобрели широкий резонанс, а главное — находившийся в самом центре Европы народ был поставлен Тютчевым на авансцену всевропейской истории, что вызвало целый шквал полемики.

12 июня в Праге началось народное восстание, которое было подавлено неоднократной бомбардировкой города артиллерией австрийского генерала Виндишгреца (восстанию предшествовали рабочие и крестьянские волнения, которые Тютчев сравнивает с Жакерией). И в этих условиях особое выражение на фоне обострения социального вопроса, получил, по выражению Тютчева, племенной вопрос, приносивший опаснейшее осложнение, в первую очередь для Австрии. «Как-то забыли, — пишет он, — что ... в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец...»¹⁰.

1830-е гг., согласно «России и Революции» Тютчева, — время подрыва легитимизма во Франции и революционизирования Германии. Побуждаемые усиливающимся индивидуализмом, эти процессы начались с июльского восстания 1830 г. во Франции и следующего за ним восстания 1831 г. в Варшаве. Сдерживание первого и подавление второго не предотвратили нового взрыва революционного насилия, в ходе которого и выявилась особая роль славянских народов, в первую очередь Богемии, во всевропейской истории. Эти народы посмели в глазах и легитимистов, и революционаристов бороться за национальное освобождение — процесс, который, по убеждению Тютчева, и определит будущее Европы, точнее, имперского начала в ней. Доминирование старой империи, так или иначе благословляемое римским папой, должно смениться поэтому доминированием и новой, а по сути еще более старой, — Российской (являющейся преемницей Византийской). Одним из начальных шагов этого доминирования и является Богемия. Польша при этом была и остается ключевым пунктом крестового похода против России, если революционная Германия незамедлительно не получит жесткого урока со стороны соседей.

Как рассматривать эти предостережения? И почему они вызвали шквал критики со стороны представителей самых разных политических течений на Западе? Какую роль при этом сыграли революционные события 12—17 июня в Праге и сопутствовавший им Славянский съезд, который открылся 2 июня 1848 года. Ответ на эти вопросы нужно искать у идеологических оппонентов Тютчева по историсофскому сражению. О том, что Богемия находится едва ли

не в сердце Германии, писали не только Тютчев, но также Маркс и Энгельс. Даже на немалой временной дистанции в «Господине Фогте» последний называл карту Шафарика «славянским авторитетным источником», подчеркивая, что на ней «массивный немецкий силезский клин врезается глубоко между Польшей и Богемией», а для признававшего естественные границы славянских народностей «русского панслависта» Фогта и горя мало, что это угрожает Германии ¹¹.

Почему немецкий публицист К. Фогт (1817—1895) попал в «русские панслависты», не мог объяснить никто. Возможно, потому, что он был сыном друга А. Герцена, врача Ф. Фогта (1786—1861), и тот заразил его панславизмом в форме признания права славянских народов на сохранение хотя бы культурной идентичности. Маркс смотрел дальше и задавал вопрос: «Что будет, если Галиция, Богемия и Моравия станут *русскими!* При таком положении вещей Австрия с Юго-Западной Германией и Северной Германией никогда не могли бы действовать совместно, разве только — а это было бы неизбежно — под *русской гегемонией*». Примечательно, что Маркс именовал Фогта «русским панславистом», в то время как в примечаниях к его опусу он именуется «тайным агентом Луи Бонапарта» ¹².

Никто из австрийских славян не желал мириться с национальным угнетением, но дальше всех пошли чехи, мечтая о возрождении средневекового Королевства св. Вацлава. Эти упования слышались в Праге в 1848 г., где и состоялся Славянский съезд. В нем принял участие М. Бакунин, который, однако, видел судьбу Чехии в качестве члена федерации свободных славянских государств.

Надежды Тютчева связывались не с этим представителем русского дворянства, мобилизующим на борьбу славянских рабочих, ремесленников и крестьян с опорой на идеи безвластия, и даже не с представителями национальной интеллигенции — В. Ганкой и П. Шафариком. Он считал более важными гуситские верования, постоянно побуждавшие живой протест угнетенной славянской народности против римской Церкви и немецкого господства. «Здесь-то и коренится связь, соединяющая ее со всем ее славным боевым прошлым, находится звено, которое свяжет однажды *чеха* из Богемии с его восточными братьями» ¹³, то есть с православием как религией Российской империи ¹⁴, хотя имелось больше оснований сравнивать его с социализмом, проявившимся в революции.

Трудно сказать, известны ли были напрямую эти взгляды русского дипломата Тютчева (в 1850 г. в парижском журнале появилась его статья «Папство и Римский вопрос») или нет Энгельсу. Но если сравнить положения Тютчева с его тезисами по славянскому вопросу, то нелегко избавиться от ощущения, что они как бы зеркально отражены — с учетом 3-х-летней (а в отношении Маркса еще большей) временной дистанции. В своей работе «Революция и контрреволюция в Германии», части которой появлялись в американской газете «New-York Daily Tribune» в 1851—1852 гг., Энгельс выразил крайне негативное отношение к главному врагу революции — «той империи, которая, обладая двумя столицами, — Петербургом и Москвой — все еще не может обрести своего центра тяжести, пока “*город царя*” (Константинополь, по-русски — Царьград, царский город), который всякий русский крестьянин считает истинным центром своей религии и своей нации, не станет фактически резиденцией русского императора; той империи, которая ни разу не теряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой предпринятой войной» ¹⁵.

Энгельс трактовал вытеснение славян от Эльбы на Восток как следствие «физической и интеллектуальной способности немецкой нации к покорению, поглощению и ассимиляции своих старинных восточных соседей». «Естествен-

ная, — писал он, — и неизбежная участь этих умирающих наций состоит в том, чтобы завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями»¹⁶. Под этими словами мог бы подписаться и Тютчев — за исключением слова «умирающих», поскольку его он заменил бы словом «спасающихся».

Если Тютчев настаивал на том, что Россия приобретала новые земли, благодаря лишь «естественному» ходу событий, причем часто без военного давления, то Энгельс ставил акцент именно на нем. Он утверждал, что подавление революции в Венгрии в 1849 г. по сути являет собой стремление Российской империи захватить новые земли, включая Богемию и Галицию. Первая часть его статьи написана как будто в предвосхищении стихотворений Тютчева о славянском море, которое должно охватить и Константинополь, но, главным образом, славянские земли.

Энгельс писал, более детально подходя к славянскому вопросу и репрезентовавшим его силам: «чешские и хорватские панслависты, одни преднамеренно, другие не сознавая этого, действовали прямо в интересах России»¹⁷. При этом выделялись литературные панслависты, включая В. Ганку, Я. Коллара и П. Шафарика, панслависты демократические с присущей им идеей федерации славянских государств (их представителями являлись вызывавшие ненависть Энгельса Бакунин и Герцен) и, наконец, австрослависты. А ведь, по его убеждению, все они были вскормлены духовно немцами; Бакунин и Герцен — превратно истолковываемыми идеями Гегеля, а, например, «профессор Палацкий, главный борец за чешскую независимость, — это всего лишь свихнувшийся ученый немец. Он даже до сих пор не умеет правильно и без иностранного акцента говорить по-чешски»¹⁸. Как бы отвечая ему в том же стиле, Маркс писал (письмо от 29 февраля 1856 г.): Й. Добровский-де признает, что «отцами славянской историографии и языкознания были немцы»; Энгельс же славянофилов Ганку и Свободу — с их меньшей приязнью к немецкой учености — аттестует так: «оба — совершеннейшие ослы»¹⁹.

Всех их якобы объединяет одно — неприязнь к Германии, подобная неприязни к духовно вскормившей их матери. Энгельс с горечью великогерманского националиста пишет: «Никогда не забудется тот факт, что в Праге, наполовину немецком городе, толпы славянских фанатиков восторженно подхватили и повторяли клич: «Лучше русский кнут, чем немецкая свобода!»»²⁰. Однако, по его убеждению, воцарится именно эта свобода, ибо «Богемия может впредь существовать лишь в качестве составной части Германии, даже если бы часть ее жителей в течение нескольких веков все еще продолжала говорить не на немецком языке»²¹.

Можно было бы к этому добавить слова Тютчева, что данное поглощение произойдет вследствие «естественного хода вещей», но Энгельс лишь акцентирует внимание на вытеснении чешского языка как второстепенного, причем как раз тогда, когда этот язык начинал самыми различными путями укреплять свои позиции. С учетом этого, а также многих других факторов национального возрождения в Чехии, прогнозы Энгельса выглядят столь же призрачно, как и утопия Тютчева о Богемии-гуситке, становящейся православной.

У Тютчева к чехам была в чем-то слепая любовь; он, скорее, верил, что «Богемия-гуситка» в принципе может стать православной, чем находил убедительные доказательства этому. У Энгельса же столь же слепой оказалась неприязнь к ней: такой уникальный эрудит и проницательный журналист, да еще и социальный аналитик, как он, мог бы без особого труда заметить, что та ступень национального возрождения, которая была достигнута к середине 1850-х гг. в Чехии, делала принципиально невозможным ее превращение всего лишь в германскую провинцию.

Революция 1848 г., названная Энгельсом «перманентной», крайне примечательна: ее ключевыми агентами выступали и силы, боровшиеся за социальное (как в основном во Франции) и национальное (как в основном в австрийской империи) освобождение. Но главными в ней были такие политики, которые Революции страшатся. По убеждению Энгельса, потому, что боятся ее перманентности и перерастания в революцию социалистическую. По мысли Тютчева, потому, что даже поддерживавшие некоторые ее идеи русские аристократы (Бакунин и Герцен) по сути думают о противостоянии России, отрицая ее статус подлинной освободительницы Европы²².

В целом историософия такой Революции как угрозы консервативной утопии, декларируемой Тютчевым, может, и не привлекла бы к себе особого внимания, если бы некоторые ее оппоненты не выставляли против нее свои историософии, не в меньшей степени утопические, но уже по-революционному, по-ультракатолическому, по-конспирологическому и т.д.; отзвуки сражения между ними слышались и гораздо позже событий 1848—1849 годов.

О том, что к таким декларациям прислушивались в Европе, свидетельствует британский историк Р. Лэйн. Он писал, характеризуя политические взгляды Тютчева, что они являют собой «уникальное сочетание исторической прозорливости и исторических иллюзий, разумных построений и очевидных предубеждений, реальности и мифотворчества»²³. Важнее другое: он отследил бурную полемику относительно трактата Тютчева в Западной Европе.

Напечатанные в мае 1849 г. на французском языке 12 экземпляров «России и Революции» не прошли мимо внимания президента Франции Луи Наполеона и А. Тьера. До и после этой даты работа распространялась в списках в Германии, а ее части публиковались в немецких газетах. Француз Э. Фроркад считал ее «манифестом московского панславизма», немец К. Йорке — антикатолической прокламацией, фурьерист Д. Лавердан видел в этой и других работах след индивидуализма, Тютчевым же отрицаемого. Фигура монарха являет собой, считал этот представитель утопического коммунизма, «лихорадочное торжество человеческого я», мощь которого ограничивается лишь удавкой. Его аргументы повторил позже Ж. Мишле, считавший Тютчева «царским рупором» и при этом «одним из его рабов», апологетизировавших «самодержавный индивидуализм». Поляки именовали Тютчева «московским Исайей», бельгийцы — врагом свободы²⁴.

Может быть, с учетом этих отголосков на трактат Тютчева его начальные слова: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия» как бы дублируются словами Энгельса, написанными в марте 1853 г.: «На европейском континенте существуют фактические две силы: с одной стороны, Россия и абсолютизм, с другой — революция и демократия»²⁵ (последние два слова начинаются с прописных букв, и не только на языке оригинала, для автора — это высшие принципы). Если учесть, что французские, а затем немецкие выдержки из трактата вызвали десятки отзывов на разных языках, то и прямого знакомства с ними Энгельса исключить нельзя.

Если вернуться к политическому трактату 1849 г. «Россия и Запад», часть из которого, как отмечалось, появилась в виде яркой статьи в известном французском журнале «Revue des Deux Mondes», то в нем содержится историческое предвидение Тютчева относительно того, что «февральское движение (то есть революция во Франции. — Э.З.), по свойственной ему внутренней логике, должно привести к крестовому походу всего *охваченного Революцией* Запада против России...». Его огласили как раз после того, как своего рода крестовый поход России привел к подавлению революции в Венгрии и ее сдерживанию во всех австрийских землях. Пафос призывов Тютчева сводился к тому, что Россия спасает Запад от самого Запада. Это конкретизируется на примере Авст-

рии, которая выражала факт господства германского племени над славянским. Провозглашенное Революцией равноправие для различных народностей выступило как отрицание принципа, который должен ее удерживать. Действительно, поскольку большинство в Австрии принадлежит славянам, поэтому и она должна стать вследствие Революции славянской, что совершенно невозможно, поэтому и нужно ей противостоять. Но не следует забывать и о германском гнете, который выступает «не только как политическое притеснение, он во сто крат хуже. Ибо он проистекает из той мысли немца, что его господство над славянами является его естественным *правом*. Отсюда неразрешимое недоразумение и вечная ненависть»²⁶. Ему и следует противопоставить столь же естественный принцип распространения русского влияния.

В чем-то эта позиция сближает Тютчева со славянофильством и панславизмом. Но все же он дистанцировался от классических славянофилов в конце 1840-х и в дальнейшем, что дало основание французскому литератору Э.М. де Вогюэ именовать его «тестем славянофильской партии». Все же этот поклонник античности в ранней поэзии, друг лучших умов Германии (поэта Гейне и философа Шеллинга), муж двух жен-немок, который был поистине русским европейцем, в ярчайших проявлениях своего творчества силой мысли и воли выходил на славянский вопрос и болел за его решение всей душой. Только Россия как «целая половина европейского мира», состоявшая из двух вещей: «славянское племя и Православная Империя»²⁷, утверждал Тютчев, спасет Европу от Революции, а славянство от национального угнетения. И здесь открываются новые возможности для панславизма, в котором неправомерно обвиняют Россию ее западные противники, поскольку, впадая в революционную фразеологию, он дает искаженное восприятие народности. Жупел политизированного панславизма шел из Германии уже с начала 1840-х гг. (о чем свидетельствовал Н.И. Надеждин²⁸); поначалу он был скорее мечтаниями о желаемом, чем действительным но с середины, а особенно к концу 1840-х гг. этот термин с приставкой «революционный» приобрел политический вес²⁹.

Россия как Империя, по Тютчеву, гораздо более православная, чем славянская по своей сути: «Православная Церковь — ее душа, славянское племя — ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, она не доросла бы до себя. Восточная Империя: это Россия в полном и окончательном виде»³⁰. И ее название — Греко-Славянская Империя — это всего лишь промежуточная стадия. В перспективе им видится объединение двух Церквей путем лишения Римского папы светской власти, а также необходимое подчинение ей Германии и Италии как двух стран кризисной Империи Запада. Таков баланс сил между Россией и Западом, с учетом того, что первая, по Тютчеву, в нем явно доминирует и дирижирует концертом.

Отсюда идея о «всеславянском царе», которая имела отнюдь не благоприятные последствия, о чем свидетельствует статья Энгельса «Германия и панславизм», по совету Маркса подготовленная к печати в двух газетах: «*Neue Oder Zeitung*» и «*New-York Daily Tribune*» (1855, 5 and 7 May). Действуя в стиле боевой журналистики, Энгельс без достоверных источников и даже просто источников вещает: «Из достоверных источников сообщают, что *нынешний* император России обратился к неким дворам с телеграммой, в которой между прочим говорится: «В тот момент, когда Австрия окончательно свяжет себя с Западом или предпримет какой-либо враждебный акт против России, Александр II *лично станет во главе панславистского движения* и сменит нынешний свой титул *императора Всероссийского* на титул *императора всех славян*». Это заявление Александра, если оно аутентично, является первым открытым высказыванием с начала войны. Это первый шаг к тому, чтобы придать войне европейский характер... Теперь вопрос стоит уже не о

том, кто будет править в Константинополе, а о том, кто будет господствовать над всей Европой»³¹.

Если вернуться к 1850 г., то в самом его конце Тютчев афористически выразил неразрешимость «германского вопроса», который удалось скорее разругать уже после 1945 г., создав два (а вскоре 3) государства: «вместе с Австрией неосуществимо германское единство, а без Австрии Германия перестает быть реальностью» (письмо к Пфэффелю 12 (24) ноября 1850)³². Тютчев предвидел Крымскую войну и трактовал ее как месть одних императоров (Британии и Франции) при недобросовестной поддержке других (Австрии) третьему (Российскому) за подавление революции 1848 г., которая им же угрожала. Для него она не просто беда, а обнажение судеб России. Боль за нее порождала крайности: Николай I подвергался особому презрению именно вследствие утерянных иллюзий по этому поводу.

Потрясение, испытанное Тютчевым после поражения России в Крымской войне, заставило его на несколько лет отойти от внешнеполитических проблем в поэтических произведениях и политических трактатах. Однако в письмах он не упускал из поля зрения угроз в отношении России. В письме к М.П. Погодину от 11 октября 1855 г. он утверждал: «Мое задушевное роковое убеждение о настоящем кризисе: дело идет не о России одной, а о целом племени»³³ — естественно, о славянском. И где-то прячется мысль, а не использовать ли Революцию для достижения целей Россией?

Эта мысль повторяется и подтверждается в письме к К. Пфэффелю в январе 1856 г.: отношение России к Австрии является не просто политическим маневром — это возобновление войны между двумя народами и двумя мирами. Ополчаясь против России в настоящем и будущем, Австрия «на самом деле покушается на нечто гораздо более великое, более сильное, древнее и основательное, чем даже сама Россия»³⁴. Тем самым Тютчев признавал, что угрозы новых натисков на Россию сохраняются, а Маркс и Энгельс призывали не прекращать давление на нее — в отместку за поражение Революции. При этом они отмечали, что вину за такое поражение разделяют и другие страны, между которыми возникают очень глубокие противоречия³⁵.

Одним из итогов осмысления Крымской войны было убеждение Тютчева, что для самой России нет исторической жизни без воссоздания самостоятельности всего славянства. «России, как единственной представительнице самостоятельной всего племени, предназначено воссоздать эту самостоятельность для всего племени»³⁶, — писал он в программном письме к М. Погодину от 11 октября 1855 года.

В письме Пфэффелю в январе 1856 г. Тютчев подчеркивал, что Австрия — в предвкушении полного краха России после Крымской войны — «своей враждой к России поставила под вопрос независимость всего славянского племени». Ее ободряет в этом намерении Франция, но как раз она вытеснит Австрию из других имперских земель, по-своему поощряя «Drang Osten» — продвижение на восток. Все же Австрия рухнет под бременем этого антихристианского дела, «которое не под силу и всему объединенному Западу»³⁷. Фактически Австрия, которой манипулирует Франция, и будет осуществлять дело Революции за счет славянства — был убежден Тютчев.

Таким образом, Англия и Франция отходят на второй план, главным врагом снова объявляется Австрия. Однако как раз они, и в первую очередь Франция побудили новую угрозу России — польское восстание 1863—1864 годов. Тем самым надежды Тютчева на примирение России и Польши еще раз потерпели крах.

1867 год — время появления крупного славянского цикла стихотворений в связи со Славянским съездом — встречей 81 представителя славянских наро-

дов, прибывших в апреле 1867 г. на Всероссийскую этнографическую выставку, проходившую с 8 по 15 мая в Петербурге и с 16 по 27 мая в Москве. Опора на славян — предпосылка освобождения России от западного диктата после Крымской войны и одновременно обоснование нового шанса на всеславянскую империю (хотя и не с такими завышенными ожиданиями как непосредственно перед этой войной). Это лейтмотив двух стихотворений под одинаковым названием «Славянам». (Его идейный оппонент А. Герцен в 1867 г. также допускал, что против национального угнетения тех же поляков могут выступать не только революционеры, но и русский царь).

Следы внимания к славянскому вопросу обнаруживаются и во многих письмах Тютчева, в которых он часто критиковал близких по духу, но чрезмерно ревностных славянофилов и панславистов. Относительно же прозападнической интеллигенции, выступавшей против идеи единения славян, Тютчев писал Ю.Ф. Самарину 24 ноября 1867 г.: «Есть у Славянства злейший враг, и еще более внутренний, чем немцы, поляки, мадьяры и турки. Это их так называемые *интеллигенции*. Вот что может окончательно погубить славянское дело, извращая его правильные отношения к России. Эти глупые, тупые, с толку сбитые интеллигенции до сих пор не могли себе уяснить, что для Славянских племен нет и возможности самостоятельной исторической жизни вне законно-органической их зависимости от России. Чтобы возродиться Славянами, им следует прежде всего окунуться в Россию. Массы славянские это, конечно, инстинктивно понимают, но на то и *интеллигенция*, чтобы развращать *инстинкт*»³⁸.

Примерно то же, но в положительном по отношению к прозападническим силам, повторял Маркс во времена, когда Россия изживала последствия Крымской войны и, по словам Горчакова, сосредотачивалась. В речи на польском митинге 22 января 1867 г. в Лондоне примерно за полгода до Славянского съезда в Петербурге и Москве он вопрошал: «Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет... Ее методы, ее тактика, ее приемы могут меняться, но путеводная звезда этой политики — мировое господство, остается неизменной»³⁹. Подобного рода соображениями, присущими не только радикальным революционерам, и объяснялась устрашающая Тютчева высокая вероятность крестовых походов против России через Польшу, которые всегда были заветной мечтой носителей любой Революции.

Марксу вторил в 1871 г. Энгельс: «Общественное мнение в России по существу имеет ярко выраженный панславистский характер, а это значит, что оно настроено враждебно к трем крупным «угнетателям» славянской расы: немцам, венграм и туркам»⁴⁰.

В совместном же труде Маркса и Энгельса «Альянс социальной демократии и Международное товарищество рабочих» (1873) отмечалось: «Панславизм может принимать различные оттенки, от панславизма Николая до панславизма Бакунина; но все они преследуют одну и ту же цель и все прекрасно согласуются между собой»⁴¹. Тютчев во время написания этой работы лежал на смертном одре, но борьба с его идеями продолжалась.

Один из ее следов виден в работе Энгельса «Эмигрантская литература» (1874—1875), содержащей язвительную полемику с М. Погодиным, другом и соратником поэта. Энгельс отвергает его утверждения относительно того, что «Польша, бывшая до сих пор червем, точащим Россию изнутри, должна стать ее правой рукой»⁴². Напротив, в статье «Внешняя политика русского царизма» (которую можно считать репликой-продолжением изысканий Маркса в «Разоблачении дипломатической истории XVIII века»), Энгельс пишет, что к началу 1890-х гг. «революция, остановившаяся в 1848 г. на польской границе, стучит теперь в двери России»⁴³, которая, в свою очередь, не отбрасывает своих

амбиций, ибо ее конечной целью является не только славянство, но также Константинополь и Британская Индия⁴⁴. Данное соображение взято из работы 1891—1892 гг. «Социализм в Германии»; о вырисовывавшихся претензиях Германии к продвижению на восток — через Балканы к Константинополю и Ираку — в ней не говорится.

Война 1870 г. — противостояние Наполеона III, на котором был неизбежный грех за развязывание Крымской войны, и пока что дружественного России, но не менее агрессивного Бисмарка. Тютчев видел глубже: для него и первый, и второй являлись предвестниками завоеваний уже нового XX в., без каких-либо идейных оправданий, а с опорой на беззастенчивую пропаганду. Наполеон — политик-демагог, Бисмарк — оракул железа и крови; Тютчев предвидел, что в будущем тон будут задавать исторические деятели, соединяющие эти качества, — и не ошибся. Такого рода политики диктаторского типа заливали в XX в. землю в разное время и в разных местах кровью едва ли не по шиколотку, пренебрегая другими ресурсами — тем же взаимопониманием и любовью. А ведь относительно их можно сказать словами Священного Писания: «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мат, 21, 42).

Согласно Тютчеву, кровавые итоги этой войны лишь оттеняли возможность единства в форме Всемирной монархии или Вселенской империи — на основе духовного начала и силы любви. Призвана осуществить его Россия, но в стихотворении «Два единства» он ставит акцент на «мы», включая в него всех, не приемлющих завоеваний и порабощения⁴⁵.

Перипетии историософского сражения едва ли не впервые были отражены русским эсером В. Черновым в ходе первой мировой войны. В архивах классиков антиславянских тезисов искать было не надо — они почти все уже тогда были опубликованы на немецком языке. Чернов в своем трактате по проблеме славянского единения достаточно четко определил, что Марксом и Энгельсом практически всегда защищалась политическая линия на подавление славян как «крестьянских наций» во имя «однобокого индустриального социализма».

В целом на революцию, писал Чернов, они возлагали завышенные надежды и сравнивали ее с революцией 1789 г., но во Франции она была полнокровной, а в Германии 1848 г. худосочной. Однако Маркс и Энгельс считали, что ее можно превратить в социальную и перманентную с опорой на революцию в Венгрии и с обязательным подавлением славянского начала на всем континенте⁴⁶. Им был присущ революционный шовинизм, выражавшийся в проповеди войны с Россией. Так, в феврале 1849 г. Энгельс писал: «Ненависть к русским была и продолжает быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности»⁴⁷. За 35 страниц до этого Энгельс писал (Чернов приводит эту цитату): «Горький опыт привел к убеждению, что “братский союз европейских народов” может быть осуществлен не при помощи пустых фраз и благих пожеланий, а лишь при помощи радикальных революций и кровавой борьбы»⁴⁸.

Надо особо подчеркнуть, что суждения о сути противостояния немецкого и славянского начал приверженца монархии Тютчева и ее ниспровергателя Чернова во многом совпадают. Еще один ниспровергатель В. Ленин, восторгаясь поэзией Тютчева, одобрял его «стихийное бунтарство, которое предвкусывало величайшие события, назревшие в то время в Западной Европе»⁴⁹. Сталин же не скрывал критического отношения к антирусским высказываниям Энгельса и Маркса⁵⁰.

И все же Тютчев был дипломатом, причем в этом качестве европейцы слушали его очень внимательно. Логика Тютчева такова: Запад в кризисе, выход из него — Революция, но ведь она может трактоваться как самоубийство цивилизации. Российская империя, как уже отмечалось выше, поэтому спасает Запад ради самого Запада (нужно лишь добавить: что она и сделала в годы второй мировой войны), но для этого она должна расширяться географически, в частности, захватить Константинополь, чтобы оттуда бороться с римским папизмом и германской квазиимперией. В общем она должна осуществить одновременно некий *Drang nach Westen* наряду с движением в противоположном направлении — *Drang nach Osten* ⁵¹.

Вернемся к главным участникам историософского сражения с учетом нового усиления позиций одного из его участников в связи с появлением серии статей в июне 1856 — марте 1857 г. под названием «Разоблачение дипломатической истории XVIII века» (в контролируемых Д. Уркартом газетах «Sheffield Free Press», а затем в лондонской «Free Press») Маркс ставит сакраментальный вопрос относительно России: «Как могла эта держава, или этот призрак державы, умудриться достичь таких размеров, чтобы вызывать, с одной стороны, страстные утверждения, а с другой — яростные отрицания того, что она угрожает миру восстановлением всемирной монархии?» ⁵² На наш взгляд, здесь тоже можно обнаружить следы скрытой полемики с Тютчевым: тот утверждал, что Россия достигала таких размеров ненасильственным образом.

Энгельс писал в статье «Внешняя политика России», что русская дипломатия образует своего рода орден иезуитов, достаточно мощный, чтобы преодолеть в случае необходимости даже царские прихоти и коррупцию в своей собственной среде, чтобы тем шире распространять ее вокруг. Этот иезуитский орден, считает Энгельс, состоит в основном из дипломатов с иностранными корнями — Поццо ди Борго, Нессельроде и других за редчайшим исключением (Горчаков). Тем самым Энгельс составляет некий интернационал реакционеров, довлеющий над интересами и России и Европы, подобно тому, как Тютчев описывал некое подобие ордена революционеров. (Следует заметить, что Энгельс и Маркс еще в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» составляли такой интернационал Реакции, также включая в его разнородные силы, например, реакционера К. Меттерниха, близкого к либерализму Ф. Гизо и др.) И для его противника по историософскому сражению Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом — это не только духовное господство над восточно-христианским миром, это решающий этап в установлении господства в Европе. «Стоило лишь России объявить о своем призвании угнетенную православную церковь и поработенное славянство, как почва для завоеваний — под маской освобождения — была уже здесь подготовлена» ⁵³. Говоря о дипломатии после 1760-х гг., Энгельс имеет в виду события после 1877—1878 гг., но кроме того проецирует ситуацию и на будущее.

Как видно, борьба между теми, кого можно назвать приверженцами Революции и Реакции, в XIX в. напоминала борьбу без правил, в которой русофобские и западнороскофобские установки были значимы не сами по себе, а как орудие дискредитации противника. Столкновение даже заочное по этому поводу Тютчева и Энгельса (совместно с Марксом) показывает, что и в XIX в. велись горячие идеологические сражения, по своему накалу не менее яростные, чем в годы холодной войны.

1. Вопросы истории. 1989, № 2, с. 4.
2. Там же.
3. Там же, № 3, с. 6.
4. Там же, № 4, с. 5.
5. Там же, № 4, с. 11.
6. ТЮТЧЕВ Ф.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. М. 2003, с. 119.
7. Надо сказать, что в Западной Европе были и те, кто в той или иной мере разделяли подобного рода идеи, причем вовсе не будучи «подкупленными» царским правительством — «славянское будущее» Европы их не страшило. К числу приверженцев взглядов Тютчева можно условно отнести И. Гердера с его идеей доминирования славянства, заменяющего тевтонизм, а также ряд немецких мыслителей, с которыми Тютчев был знаком лично (Ф. Шеллинг, Ф. Баадер, К.А. Варнгаген фон Энзе, с некоторыми оговорками Я. Фальмерайер и даже Г. Гейне, который писал в «Путевых картинах» в 1829 г.: «Русские уже благодаря размерам своей страны свободны от узкосердечия языческого национализма, они космополиты или по крайней мере на одну шестую космополиты, поскольку Россия занимает почти шестую часть всего населенного мира». Цит. по: ТЮТЧЕВ Ф.И. ПСС, т. 3, с. 268.
8. Термин «историософия», обозначающий, согласно «Большому академическому словарю русского языка» (СПб. 2007, т. 7, с. 465), изучение, восприятие, оценку истории, исторических явлений, событий и т. п. с определенных мировоззренческих позиций, представляется наиболее уместным для рассмотрения заявленной в статье темы. Историософский подход к идеям Тютчева относительно славянского единения характеризуется литературоведом Б.Н. Тарасовым в статье, вывод которой таков: «И когда сегодня задается вопрос, что нам делать с распадающимся славянским единством, ответ, если оставаться в пределах тютчевской и хомяковской мысли и — шире — православных традиций русской культуры, дан во всем иерархическом строе и глубинной внутренней логике этой мысли и этой культуры» (См.: ТАРАСОВ Б.Н. Россия и Славянский мир в публицистике Ф.И.Тютчева и в трудах А.С. Хомякова. — в кн.: Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева. М. 2011, с. 331). Представляется, однако, что православные традиции русской культуры — недостаточная база для определения сути историософских взглядов Тютчева, во многих отношениях бывшего все же «русским европейцем», хотя и не таким как, например, Бакунин и Герцен.
9. Русский архив. 1873, № 5, с. 895—912, 912—913. Считается, что ее прочел царь. По мнению Тютчевой, он ее одобрил, но П. Вяземский утверждал, что, наоборот, — не одобрил из-за чрезмерной защиты интересов славян. В связи с этим и Тютчева скорректировала свою оценку: «Император готов разделить его точку зрения в теории, но отнюдь не на деле» (Литературное наследство. Ф.И. Тютчев. Т. 79. М. 1989, ч. 2, с. 229). Очень меткое наблюдение, которое можно отнести ко всем попыткам Тютчева решить славянский вопрос с опорой на царя в течение всей жизни и во всех жанрах творчества.
10. ТЮТЧЕВ Ф.И. ПСС, т. 3, с. 152.
11. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. 14. М. 1959, с. 520—521.
12. Там же, с. 863. Дела давно прошедших дней сегодня уделяет внимание чикагский профессор С. Сигел, анализирующий в своей монографии соотношение реальной картографии и воображаемой географии с учетом как карты Шафарика, так и описаний И. Срезневским ареала обитания славянских народностей. См.: SEEGEL S. Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire. Chicago. 2012.
13. ТЮТЧЕВ Ф.И. ПСС, т. 3, с. 153.
14. Даже гораздо позднее Тютчев (в письме к Е. Трубецкой от 6 декабря 1871 г.) утверждал: «Чехия истинно национальная — прежде всего Гуситка, а гуситство не что иное, как возвратное стремление, — весьма сознательное, весьма решительное, хотя и прерванное насилием, — возвратное стремление, повторяю, Чешского племени к Церкви Восточной. *Славянская народность чехов требует, чтоб эта попытка возврата была возобновлена и доведена до конца*» (Цит. по: Там же, т. 3, с. 341); полностью это письмо в 6-томном полном собрании его сочинений почему-то не приведено.
15. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 8, с. 56.

16. Там же, с. 84.
17. Там же, с. 57.
18. Там же, с. 54.
19. Там же, с. 13, 23.
20. Там же, с. 85.
21. Там же, с. 55.
22. Фоном означенного Тютчевым противостояния России и Революции («что для одной жизнь — для другой смерть») были, по мнению украинского исследователя И. Дзюбы, непризнание революции и страх перед «заговорами и кружками», довольно безобидными — тем же Кирилло-Мефодиевским братством, радикальные позиции в котором занимал Т.Г. Шевченко с его призывом к славянам стать «добрыми братьями», и кружком Петрашевского. Это с одной стороны, с другой же — «потоки вернопопданнических слез» и стихи со словами «Царь — Бог другой на земле» (ДЗЮБА І. Тарас Шевченко. Київ. 2005, с. 624—625).
23. ЛЭЙН Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х — начала 1850-х годов. — В кн.: Литературное наследство. Т. 1. М. 1979, с. 231.
24. Там же, с. 235, 240—241, 247.
25. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 9, с. 15.
26. ТЮТЧЕВ Ф.И. ПСС, т. 3, с. 179, 193.
27. Там же, с. 195.
28. Москвитянин. 1841, № 6, с. 515.
29. Подобного рода панславизм, литературно вымышленный немецкими идеологами (следовало добавить: и транслируемый русскими дворянами Бакуниным и Герценом) — маскарадный костюм для Революции, считает он. «Действительный панславизм в массах. Он обнаруживается при встрече русского солдата с первым встречным славянским крестьянином, словаком, сербом, болгаринном и т. д., даже мадьяром. Они все единодушны в своем отношении к немцу», — заключает он (ТЮТЧЕВ Ф.И. ПСС, т. 3, с. 195). В скобках заметим, что и такой панславизм не прочен и не вечен. В 1945 г. он имел место, а вот после 1989 г. не приемлются даже крайне мягкие его варианты.
30. Там же, с. 196.
31. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 11, с. 202. Указания на этот «достоверный источник» нет ни в тексте, ни в примечаниях, более того, в российских библиотеках нет и 14-го тома наиболее полного издания трудов классиков марксизма на языке оригинала. — MARX K., ENGELS F. Gesamtausgabe. Berlin, — где эти ссылки могли бы отыскаться. Исчезли, как и письмо Тютчева к Е. Трубецкой в его шеститомном собрании, и это часть мистики историософских сражений...
32. ТЮТЧЕВ Ф.И. ПСС, т. 5, с. 25.
33. Там же, с. 231.
34. Там же, с. 236.
35. Надо сказать, что немецкий мыслитель как и Тютчев обладал немалой силой предвидения. Он писал, что «Крымская война избавила Запад и Австрию от заносчивости царя». И это хорошо — но возникли новые беды сначала для Европы без России, а затем для Европы с Россией. Их причины сводятся к тому, что «победа Германии над Францией неизбежно вызовет войну между Россией и Германией, как победа Пруссии над Австрией при Садовой повлекла за собой франко-прусскую войну» (МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 18, с. 504). Блистательный, но крайне устрашающий прогноз, ранее такие давались Тютчевым как оппонентом Энгельса.
36. ТЮТЧЕВ Ф.И. ПСС, т. 5, с. 231.
37. Там же, с. 236—237.
38. Там же, т. 6, с. 295.
39. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 16, с. 206.
40. Там же, т. 17, с. 295.
41. Там же, т. 18, с. 432.
42. Там же, с. 504.
43. Там же, т. 22, с. 47.
44. Там же, с. 261.
45. ТЮТЧЕВ Ф.И. ПСС, т. 2, с. 221.

46. ЧЕРНОВ В. Марксизм и славянство (К вопросу о внешней политике социализма). Петроград. 1917. Характерно, что упомянутое слово «перманентную» переводчики второго издания сочинений Маркса и Энгельса перевели как «непрерывную» (см.: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 6, с. 176; в книге Чернова — с. 8).
47. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 6, с. 306.
48. Там же, с. 271.
49. БОНЧ-БРУЕВИЧ В.Д. Ленин о художественной литературе. — 30 дней. 1934, № 1, с. 15. Добавим собственное наблюдение: в «Тетрадах по империализму» — собрании материалов для книги «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) Ленин приводил — и довольно сочувственно — тезис из «России и революции» Тютчева о том, что Чехия будет свободной тогда, когда Галиция станет русской, и что австрийские славяне должны ждать освобождения именно от России (ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 28. М. 1973, с. 506). Совсем не случайно один из дореволюционных исследователей утверждал, что во взглядах Тютчева и Герцена на славянский вопрос гораздо больше общего, чем различного (БОРОДКИН М.М. Славянофильство Тютчева и Герцена. СПб. 1902).
50. СТАЛИН И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Письмо членам Политбюро ВКП (б) 19 июля 1934. В кн.: СТАЛИН И.В. Соч. Т. 14. М. 1997, с. 18—22.
51. ЦЫМБУРСКИЙ В.Л. Тютчев как геополитик. — Общественные науки и современность. 1995, № 6, с. 96.
52. Вопросы истории. 1989, № 4, с. 3.
53. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 22, с. 17. Статья появилась в журнале «Социал-демократ» в феврале-марте 1890 г., издаваемом в Лондоне. В феврале 1890 г. ее опубликовал журнал «Time», а в мае 1890 г. — журнал «Die Neue Zeit» — редкая даже для Энгельса оперативность.

Отношения Древней Руси со странами Кавказа в письменных источниках IX—X вв.

О.И. Куликова

Образование Древнерусского государства относится к IX веку. По мере освоения купцами-русами международных торговых путей и параллельного с этим процесса расширения географии внешнеполитической активности Древнерусского государства, расширялось знакомство с Русью населения различных стран. Этот факт нашел отражение в письменных источниках, фиксирующих этноним «Русь»: арабо-персидских, византийских, западноевропейских, кавказских, хазарских, еврейских.

Сообщения источников по истории политических отношений Древней Руси со странами Кавказа группируются преимущественно вокруг двух основных сюжетов — участия Руси в военных событиях на Кавказе и роли купцов-русов в международной торговле. Наибольший интерес для русских купцов представляли рынки Византийской империи, а также государств, образовавшихся на месте распавшегося Арабского халифата. Судя по всему, доступ купцов-русов на византийский рынок некоторое время был ограничен, поэтому их планы в значительной степени были связаны с восточными маршрутами, пролежавшими через территорию Хазарского каганата.

Русы, в отличие от хазар, умели строить и использовать боевые и торговые лады. На этих судах они выходили в Каспийское море и могли высаживаться на любом берегу, причем не только с торговыми, но и с военными целями. Нападения на прикаспийские регионы со стороны моря были в новинку для местного населения. Это давало русам существенные преимущества в военных конфликтах в Прикаспии и превратило Русь в важнейший военно-политический фактор в данном регионе. Важное место Русь занимала также в каспийской торговле¹, причем Каспий в данном случае являлся не только рынком сбыта собственных товаров и приобретения местных, но еще и служил в качестве трамплина для доставки товаров в значительно более отдаленные регионы — в Рей и Багдад, а также в Среднюю Азию. Поскольку в средневековый период торговая и внешнеполитическая деятельность взаимодополняли друг друга (купцы могли исполнять роль послов и наоборот), то по географии

Куликова Ольга Игоревна — аспирант Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала.

торговых интересов Руси можно судить о географии внешнеполитических интересов молодого Древнерусского государства.

Что касается западной прикавказской части каспийского побережья, то она, несомненно, играла важную роль в торговых и политических устремлениях Руси, так как там располагались крупные торговые города: в пределах Хазарского каганата это был Самандар, южнее — Дербент, являвшийся к тому времени мусульманским городом, причем в тот период крупнейшим на Кавказе². Как свидетельствуют материалы археологических исследований, в IX—X вв. Дербент поддерживал торговые связи с самыми отдаленными странами — Индией, Китаем, Средней, Передней и Малой Азией³, не говоря уже о географически более близких государствах — Ширване, Грузии и дагестанских горских владениях — Сарире, Табарсаране, Хайдаке (Кайтаге)⁴.

Наиболее ранние источники, в которых отложились сведения об участии русов в военных событиях в прикаспийском регионе, связаны со средневековой арабо-персидской географической и историографической литературой. Так, персидские средневековые авторы Ибн Исфандийар, Амоли и Мар'аши сообщают о нескольких походах русов в Прикаспий. Относительно соответствия данных этих авторов сообщениям других источников о рейдах русов в Прикаспий высказывались различные точки зрения⁵. Ближе всех к уточнению этих вопросов подошел С.М. Алиев⁶, на заключение которого автор данной работы и будет опираться.

Основным источником в данном случае является «История Табаристана» Ибн Исфандийара. Это сочинение написано в 1216—1217 годах. По сообщению автора, между 864 и 884 гг. русы напали на город Абескун, расположенный на юго-восточном побережье Каспия. Они, русы, прошли вдоль берега моря и «произвели опустошения и грабежи». Местный правитель Хасан ибн Зайд выслал против них крупное войско, которое разбило русов⁷.

По данным того же автора, в 909 г. состоялся еще один поход русов в Прикаспий. Он также был направлен на Абескун. Русы подошли к городу на 16 судах. Спустя год, в 910 г., «русские прибыли в большом количестве», сожгли город Сари (в юго-восточной части Прикаспия), взяли пленных, но на обратном пути были разбиты войсками гиляншаха и ширваншаха⁸. Персидские авторы сообщают еще об одном походе русов, состоявшемся в 299 г.х. (911—912). Русы напали на город Сари, близ Абескуна, и с большой добычей ушли в море. Затем часть этого же отряда высадилась в Гиляне (юго-запад Прикаспия), но была разбита. Уцелевшие русы на судах направились в Ширван, но ширваншах, предупрежденный гилянцами, подготовил засаду и разбил русов⁹.

О следующем походе русов в Прикаспий сообщает арабский энциклопедист ал-Мас'уди (около 896—956). Ему принадлежит множество трудов по географии различных стран, из которых сохранились только два¹⁰. В одном из них — «Золотые копи и россыпи самоцветов», завершеном в 943—944 гг., имеется немало сообщений о Руси и о кавказских странах. Поход Руси в Прикаспий ал-Мас'уди датирует временем «после 300 г.х.» (912—913)¹¹. Согласно уточнению А.П. Новосельцева, этот рейд относится к 913—914 году¹². Близкой точки зрения придерживаются Б.Н. Дорн, В.Ф. Минорский и И.Г. Семёнов¹³.

По сообщению автора, 500 русских кораблей двинулись в поход через землю хазар. Они вышли к хазарской заставе, «снесли с хазарским царем» с просьбой пропустить их флотилию в Каспийское море для грабежа, предлагая ему взамен половину захваченной добычи. По словам ал-Мас'уди, хазарский бек, не имея возможности противодействовать русам, был вынужден разрешить им выйти в Каспий, после чего суда русов поднялись вверх по Дону, затем были перетянуты волоком в Волгу и через устье Волги вышли в Каспийское море. Там они разграбили почти все прикаспийские области, находившиеся под

контролем мусульман — Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун, Баласакан и Ширван ¹⁴.

Через «много месяцев», собрав награбленное, русы направились в обратный путь и прибыли в Итиль. Они «снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычу, как это было договорено между ними». Но сразу после этого гвардейцы-мусульмане хазарского бека, желая отомстить за единоверцев, решили напасть на русов. К гвардейцам-мусульманам присоединились и итильские христиане ¹⁵.

По словам ал-Мас'уди, хазарский бек не имел возможности противодействовать своим гвардейцам, но, будучи связанным с русами договором, сообщил им о готовящемся нападении. Тем не менее, в трехдневном сражении погибло 30 тыс. русов. Уцелевшие 5 тыс. погрузились на суда и направились вверх по Волге, но были добиты буртасами, а затем и волжскими болгарами ¹⁶.

Описание следующего похода русов в Прикаспий содержится в шеститомном труде Ибн Мискавайха «Книга испытаний народов и осуществления заданий», написанном в X — начале XI века ¹⁷. Под 943 г. Ибн Мискавайх сообщает о нападении русов и их союзников на Берда'а. Дата этого похода была пересмотрена иранским историком А. Кесрави: на основании упоминания Ибн Мискавайхом о смерти в Багдаде эмира Тузуна (август-сентябрь 945 г.), которая имела место одновременно с походом русов, сам поход можно датировать 945 годом ¹⁸. Эта точка зрения была поддержана Новосельцевым ¹⁹.

Об этом нападении Ибн Мискавайх сообщает следующее: «Отправилось войско народа, известного под именем русов, к Азербайджану. Устремились они к Бердаа, овладели им и полонили жителей его» ²⁰. Русы прошли по Каспию к устью Куры и поднялись по реке к городу Берда'а (древнеармянское название этого города Партав; бывшая столица Кавказской Албании ²¹). Захватив город, русы повели себя иначе, чем во время других подобных же предприятий: они «сделали объявление, успокаивали жителей его (города — О.К.) и говорили им так: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, — это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам»». Однако отношения с горожанами складывались непросто, и спустя некоторое время против русов вспыхнуло восстание. Подавив мятеж, русы принудили горожан выкупать свою жизнь; взамен принесенных ценностей русы вручали жителям «кусочек глины с печатью, которая была гарантией неприкосновенности их жизни». Однако вслед за этим среди русов началась эпидемия, и ночью они, покинув город, вышли к Куре, где стояли их суда, и направились на родину. Их пребывание в Закавказье продолжалось несколько месяцев ²².

Иные детали этих событий приводятся в описании «История страны Алуанк» («История Албании»): «В то самое время с севера нагрянул народ незнакомый и чуждый, прозванный рузиками, [численностью] не более трех тысяч. Подобно вихрю, прорвались они через проход обширного моря Каспийского, внезапно достигнув Партава, столицы Алуанка, который не сумел оказать им сопротивление. И город был предан мечу. Отняли они у жителей города все их богатство и имущество. И хотя сам Салар осадил их, но не смог причинить им никакого вреда, ибо те были сильны и непобедимы. Тогда женщины города задумали отравить рузов, дав им напиток из чаши смерти, но те, узнав об этой измене, стали беспощадно истреблять и женщин, и детей их. Пробыв там месяцев шесть, они оставили совершенно опустошенный и разграбленный город и тайно возвратились в свою страну со всевозможной добычей» ²³.

В этом источнике, в отличие от данных Ибн Мискавайха, ничего не говорится о мирных усилиях руссов, а сразу сообщается о том, что «город был предан мечу», и русы «отняли... у жителей города все их богатство и имущество».

Попытка мусульманского войска отбить город не удалась, как не удалась и попытка женщин Берда'а отравить русов. Этот факт соотносится с сообщением Ибн Мискавайха о начавшихся среди русов болезнях. В отместку русы «безжалостно истребили женщин и детей их», опустошили город и, забрав несметную добычу, «возвратились в свою страну».

Судя по всему, с этими событиями связано сообщение так называемого «Текста Шехтера» (по имени первого издателя) или «Кембриджского Анонима» (X в.) о военных походах «царя Руси» Хельгу. Этот документ сохранился фрагментарно²⁴. По обоснованному мнению Н. Голба, он является письмом «дипломатического характера» и адресован, так же как и известное письмо хазарского царя Иосифа, министру кордовского халифа 'Абд ар-Рахмана III — Хасдаю ибн Шапруту (Шафрут)²⁵.

А.Ю. Якубовский в очень осторожной форме предложил идентифицировать предводителя русов, убитого в Берда'а, с Хельгу из «Кембриджского Анонима»²⁶. Эта точка зрения была поддержана Половым, который дал всестороннее обоснование данной гипотезы. По его мнению, эти события предшествовали неудачному нападению кн. Игоря на Византию в 941 г., и перед этим рейдом кн. Игорь заключил с хазарами антивизантийский союз²⁷. Аргументация Полового нашла поддержку у Артамонова и других исследователей²⁸. Можно также отметить, что исследователями высказывалась точка зрения о том, что Хельгу являлся воеводой кн. Игоря²⁹.

Согласно предложенной Половым реконструкции последующих событий, зиму 940—941 гг. Хельгу провел в Крыму, а весной, когда кн. Игорь из Киева с пешим войском выступил на Балканы, направился к Константинополю морем. Успешные действия византийцев заставили кн. Игоря вернуться в Киев, а Хельгу высадился в Малой Азии и три месяца воевал там против византийцев³⁰.

По мнению Полового, после того, как византийцы вытеснили Хельгу из Малой Азии, тот вернулся к своим союзникам хазарам и вскоре после этого и предпринял рейд на Берда'а³¹. Судя по всему, Хельгу провел у хазар довольно много времени. Готовясь к походу, он пополнил свое войско воинами из различных народов, входивших в состав Хазарского каганата, в том числе из собственно хазар, а также буртасов, алан и др. Таким образом, хазары не просто пропустили русов в Каспий, откуда те направились в Берда'а, но и сами приняли участие в данном рейде. Иначе говоря, эта кампания представляла собой совместные действия двух союзников — русов и хазар³².

По данным ряда источников, к походу русов на Берда'а помимо хазар присоединились аланы, буртасы и лезги³³. Так, по данным Бар Гебрея, союзниками русов в этом походе являлись аланы и лезги³⁴. Об участии лезгов в походе сообщает также Иехуда бен Барзилля (XII в.): «...Вышли разные народы: аланы, славяне и лезги и дошли до Азербайджана, взяли город Берда'а»³⁵.

По мнению И.Г. Коноваловой, утверждение хазарского царя Иосифа о том, что он не пропускает русов на Каспий, наводит на мысль, что такие попытки со стороны русов предпринимались и после похода на Берда'а³⁶, правда, такие факты не нашли отражения в источниках.

Таким образом, арабо-персидские источники содержат упоминания о шести каспийских походах русов, в которых те выступали союзниками Хазарского каганата. Первый состоялся между 864 и 884 гг., второй — в 909, третий в — 910, четвертый — в 911—912, пятый — в 914, шестой — в 945 году.

Спустя два десятилетия отношения Руси с хазарами стали враждебными. Основным источником по данной теме является «Повесть временных лет», написанная монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. В ней сообщается о нескольких военных акциях кн. Святослава Игоревича, направленных против Хазарского каганата. Под 964 г. летопись сообщает о рейде Святослава

на Оку, в землю вятичей, которые в тот период находились в зависимости от хазар, а под 965 годом — о разгроме Святославом хазар и взятии Белой Вежи (Саркел), после чего им были разбиты ясы и касоги ³⁷.

О разгроме хазар Русью сообщается также арабским автором Ибн Хаукалем (X в.). Его сочинение носит название «Книга путей и стран», но в некоторых списках оно озаглавлено как «Книга картины Земли» ³⁸, где под 358 г.х. (968—969) Ибн Хаукаль сообщает следующее: «В хазарской стороне есть город, называемый Самандар, он между [хазарской столицей] и Баб-аль-Абвабом (Дербентом — *О.К.*), были в нем многочисленные сады, а я спрашивал (об этом городе — *О.К.*) в Джурджане в 58 году, и сказал тот, кого я расспрашивал: «Там виноградники и сад такой, что был милостыней для бедных, а если осталось там что-нибудь, то только лист на стебле. Пришли на него русийи, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма... И были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и свершили свой набег эти (русы — *О.К.*) на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, болгар и бургасов, и захватили их, часть же населения ушла». Далее Ибн Хаукаль отмечает: «Не оставил в наше время ничего этого ни у бургасов, ни у хазар народ рус, кроме разбросанной неполной [части]... и дошло до меня, что большая часть населения вернулась в Итиль и Хазаран во времена могущественного Мухаммада Ибн-Ахмада ал-Азди, владельца Ширваншаха, и [оказал он] им поддержку своими мужами и своими людьми, и они надеялись, просили, чтобы с ними заключили договор, и они были бы покорны им (руссам — *О.К.*) за то, что [русы] оказали ему (ширваншаху — *О.К.*) благодеяние для них (беженцев — *О.К.*)».

Несколько ниже Ибн Хаукаль приводит другие подробности этих событий: «Булгар город небольшой..., и опустошили его русы и пришли в Хазаран, Самандар и Итиль в году 358 и отправились тотчас же после к стране Рум и Андалус и разделились на две группы, а русы — народ варваров, живущих в стороне болгар, между ними и славянами по реке Итиль» ³⁹.

Ибн Хаукаль отмечает, что русы «захватили» земли противника. Население, поначалу покинувшее завоеванные земли, затем в большинстве своем стремилось вернуться назад и при посредничестве ширваншаха просило у русов заключить с ними договор, чтобы покориться им, что, спустя некоторое время, и произошло. Важно также указание автора на то, что сразу же после похода в Хазарию русы ушли «к стране Рум и Андалус», то есть, скорее всего, отправились маршем на Балканы ⁴⁰, где Святослав в это время вел активные военные действия против византийцев и их союзников.

Различия между данными Ибн Хаукаля и «Повести временных лет» относительно датировки разгрома хазар Русью В.В. Бартольд, А.Ю. Якубовский, М.И. Артамонов и В.Ф. Минорский объясняли следующим образом: к 358 г.х. (968—969) относится не поход Руси против хазар, а получение сведений об этом событии Ибн Хаукалем, и, следовательно, поход, описанный Ибн Хаукалем, относится к 965 г., то есть к дате, фигурирующей в «Повести временных лет» ⁴¹. Иная точка зрения была высказана В.А. Мошиным. По его мнению, имели место два похода Руси, первый из которых, состоявшийся в 965 г., происходил по суше и был направлен на Саркел, а также против ясов и касогов, а второй, описанный Ибн Хаукалем, имел место в 968—969 гг., причем войско русов продвигалось по Волге и его целью были Итиль и Самандар ⁴².

Реконструкция Мошина подверглась критике Бартольда, Якубовского, Артамонова, Минорского, но позднее нашла поддержку у Калининой, Новосельцева и Коноваловой ⁴³. Так, Новосельцев полагал, что второе нападение Руси на Хазарию происходило между двумя дунайскими походами Святослава. В этой связи он привлекает сообщение ал-Мукаддаси (X в.) о том, что «войско, [прибывшее] из Рума [Византии], называемое Русь, завоевало их [хазар] и

«хазарского похода в Рум и Андалус»⁴⁴.

Нельзя также не сказать о том, что аргументация, представленная в указанных работах Калининой, Новосельцева и Коноваловой, позволяет уверенно говорить о том, что имели место два похода Руси против хазар. Кроме того, Коноваловой была убедительно показана справедливость и точки зрения Мошина о том, что во время своего второго похода против хазар русы двигались из верховьев Волги и разбили последовательно волжско-камских болгар, буртасов и хазар⁴⁵.

Завершая анализ событий, связанных с разгромом Русью хазар, можно отметить, что обзор основных точек зрения по данной теме представлен в двух работах Сахарова⁴⁶.

Судя по всему, после этих событий Русь стала доминирующей силой в Восточной Европе и на Северном Кавказе. Немногочисленные сообщения по данной теме содержатся в «Истории Дербента и Ширвана», которая в современной историографии обычно кратко именуется «Историей Дербента»⁴⁷. Его автор неизвестен. В хронике описываются события в Западном Прикаспии второй половины VIII — XI века. Последнее сообщение в ней датировано 1075 годом.

По данным «Истории Дербента», дербентские раисы («начальники»), представители городского нобилитета, арестовали эмира Дербента Маймуна и взяли власть в городе в свои руки. Маймуну удалось связаться с русами и заключить с ними союз. В 987 г. они прибыли на 18 судах и освободили Маймуна. Однако в 989—990 гг. в городе поднялось восстание; горожане потребовали от Маймуна выдать им русов, но тот предпочел на какое-то время оставить Дербент и укрыться с союзниками-русами в соседнем Табарсаране.

Можно также обратиться и к другому сообщению «Истории Дербента», которое несколько выходит за хронологические рамки настоящей работы, но оно интересно тем, что позволяет пролить свет на характер русско-кавказских отношений исследуемого периода. По данным этого источника, в 1032 г. русы напали на Ширван и разграбили его. В связи с этим Мансур ибн Маймун (1003—1034) совершил поход и перебил русов. По свидетельству той же хроники, в 1033 г. русы совместно с аланами напали на ал-Карах, но были разбиты местными жителями⁴⁸. Как предполагал Новосельцев, в данном случае русы тождественны воинам кн. Мстислава Владимировича, правившего в Тмутаракани и проводившего активную внешнюю политику на Кавказе⁴⁹.

Подводя итоги, можно отметить, что основные источники по данной теме различаются по своей географии и хронологии, а также по степени информативности. Наибольшую ценность представляют сообщения авторов, принадлежащих к арабо-персидским географическим школам (ал-Мас'уди, Ибн Хаукаль, Ибн Мискавайх и др.), а также древнерусская «Повесть временных лет» и имеющий хазарское происхождение «Кембриджский Аноним» («Текст Шехтера»).

Указанные источники нередко противоречат друг другу, что неизбежно вызывает дискуссии среди исследователей и создает определенные трудности для реконструкции истории политических отношений Древней Руси со странами Кавказа в исследуемый период. Одним из наиболее спорных является вопрос о мотивах походов Руси на Каспий в конце IX — начале X в., а также вопрос о количестве походов кн. Святослава против Хазарского каганата и их хронология.

Общий вывод, вытекающий из проведенного в статье анализа письменных источников, состоит в том, что у Руси имелись на Кавказе экономические и политические интересы. Кроме того, можно говорить о постепенной интеграции Руси в систему международных отношений на Кавказе и поступательном

росте политического влияния Древнерусского государства в этом регионе. Более детальные заключения требуют привлечения более широкого круга письменных источников, а также других видов источников, прежде всего археологических.

Примечания

1. Исследование данной темы см., например: ЗАХОДЕР Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М. 1967, с. 34; КАЛИНИНА Т.М. Торговые пути Восточной Европы IX века (По данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха). — История СССР. 1986, № 4, с. 68—82; ЕЕ ЖЕ. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX—X вв. Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования (ДГВЕ). 1998 г. М. 2000, с. 106—119; NOONAN TH.S. Khazaria as an Intermediary between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century: the Numismatic Perspective. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. V. Wiesbaden. 1987, p. 179—204; КОНОВАЛОВА И.Г. Путь купцов-русов на Восток. Средневековая Русь. М. 2006, с. 9—28; ЕЕ ЖЕ. Географизация контактов (Арабские источники IX — первой половины X в. о русах). Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные пути и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 16—18 апреля 2008 года. Материалы конференции. М. 2008, с. 95—101.
2. АЛ-ИСТАХРИ. Книга путей и стран. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. М. 2009, с. 81; ИБН ХАУКАЛЬ. Книга путей и стран (Книга картины Земли). Там же, с. 88.
3. КУДРЯВЦЕВ А.А. Город, не подвластный векам. Махачкала. 1976, с. 77; ЕГО ЖЕ. Мусульманский город Дагестана. Махачкала. 1994, с. 52.
4. АЛ-ИСТАХРИ. Ук. соч., с. 81; ИБН ХАУКАЛЬ. Ук. соч., с. 88.
5. См., например: КАЛИНИНА Т.М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времени Святослава. ДГВЕ. 1975 г. М. 1976, с. 92; НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. 1990, с. 172.
6. АЛИЕВ С.М. О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли. Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М. 1969, с. 317.
7. ИБН ИСФАНДИЙАР. История Табаристана. Древняя Русь в свете зарубежных источников, с. 164. Там же содержится библиография, посвященная сообщениям Ибн Исфандийара о русах.
8. ИБН ИСФАНДИЙАР. Ук. соч., с. 165—166.
9. АЛИЕВ С.М. Ук. соч., с. 318.
10. АЛ-МАС'УДИ. Золотые копи и россыпи самоцветов. Древняя Русь в свете зарубежных источников, с. 109.
11. Там же, с. 114.
12. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Ук. соч., с. 213.
13. ДОРН Б. Каспий. О походах русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб. 1875, с. 302; МИНОРСКИЙ В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М. 1963, с. 84; СЕМЁНОВ И.Г. К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX — первой половине X века. — Славяноведение. 2010, № 2, с. 7—8. Другую точку зрения относительно датировки этого рейда см.: АЛИЕВ С.М. Ук. соч., с. 321.
14. АЛ-МАС'УДИ. Ук. соч., с. 115.
15. Там же, с. 115—116.
16. Там же, с. 116.
17. ИБН МИСКАВЕЙХ. Книги испытаний народов и осуществления заданий. Древняя Русь в свете зарубежных источников, М. 2009, с. 100.
18. КЕСРАВИ А. Шахрийаран-е гомнан. Тегеран. 1956, с. 32.
19. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Ук. соч., с. 173.
20. Цитируется по: ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Ибн-Мискавейх о походе Русов в Берда в 332 г. = 943/4 г. Византийский вестник. Т. 24. 1926, с. 89.
21. О различных наименованиях этого города в источниках см.: ГАДЖИЕВ М.С. Градостроительная и фортификационная деятельность Кавада I в Кавказской Албании. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2—6 октября 2011 года. Ас-трахань. 2011, с. 22.
22. ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Ук. соч., с. 90—91.

23. МОВСЕС КАЛАНКАТУАЦИ. История страны Алуанк. Ереван. 1984, гл. 3. 22, с. 169.
24. КОКОВЦОВ П.К. Еврейско-Хазарская переписка в X веке. Л. 1932, с. 118; ГОЛБ Н., ПРИЦАК О. Хазарско-еврейские документы X века. М.-Иерусалим. 1997 (5757), с. 134—142; Кембриджский Аноним. Древняя Русь в свете зарубежных источников, с. 177.
25. ГОЛБ Н., ПРИЦАК О. Ук. соч., с. 117.
26. ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Ук. соч., с. 89
27. ПОЛОВОЙ Н.Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников). В.В. 1961, т. 18, с. 91—95, 99—100.
28. АРТАМОНОВ М.И. История хазар. Л. 1962, с. 374—384; ЕГО ЖЕ. Воевода Свенельд. Культура Древней Руси. М. 1966, с. 324; СЕМЁНОВ И.Г. Ук. соч., с. 328—332.
29. ДОРН Б. Ук. соч., с. 521; ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. — Известия АН СССР. Серия историческая. Т. III. М. 1946, № 5, с. 469; СЕМЁНОВ И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походах Хельгу, «царя Руси», с. 331; ЕГО ЖЕ. Ранние контакты Древней Руси и народов Дагестана (IX—XII вв.). История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала. 2009, с. 9—15; ЕГО ЖЕ. К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX — первой половине X века, с. 3—11.
30. ПОЛОВОЙ Н.Я. Ук. соч., с. 91—92.
31. ЕГО ЖЕ. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X века. Записки Одесского Археологического общества. Т. I (34). Одесса. 1960, с. 349—351.
32. Там же, с. 345—347, 349—351.
33. САХАРОВ А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М. 1980, с. 206—207.
34. ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л. 1941 (Труды Института востоковедения АН СССР. Т. 41), с. 345—347.
35. КОКОВЦОВ П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке, с. 120.
36. КОНОВАЛОВА И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения, с. 6.
37. Повесть временных лет. Памятники русской литературы. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М. 1978, с. 34—50.
38. ИБН ХАУКАЛЬ. Ук. соч., с. 86.
39. Там же, с. 88.
40. МИНОРСКИЙ В.Ф. Куда ездили древние русы? Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. [Т. 1.] М. 1964, с. 19—28; САХАРОВ А.Н. Дипломатия Святослава. М. 1991, с. 41.
41. БАРТОЛЬД В.В. Арабские известия о руссах. БАРТОЛЬД В.В. Сочинения. Т. II. М. 1963, ч. I, с. 813; ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Ук. соч., с. 470; АРТАМОНОВ М.И. Ук. соч., с. 427; МИНОРСКИЙ В.Ф. Куда ездили древни русы, с. 26.
42. МОШИН В.А. Русь и Хазария при Святославе. — *Seminarium Kondakovianum*, vol. 6. Prague. 1933, p. 193.
43. КАЛИНИНА Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава, с. 90—98; НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Ук. соч., с. 174; КОНОВАЛОВА И.Г. Падение Хазарии в исторической памяти разных народов. ДГВЕ. 2001 г. М. 2003, с. 179.
44. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Ук. соч., с. 174.
45. КОНОВАЛОВА И.Г. Падение Хазарии в исторической памяти разных народов, с. 180.
46. САХАРОВ А.Н. Восточный поход Святослава и записка греческого топарха. — История СССР. 1982, № 3, с. 86—102; ЕГО ЖЕ. Дипломатия Святослава, с. 40—48.
47. МИНОРСКИЙ В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков.
48. Там же, с. 68—70.
49. НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси. Введение христианства на Руси. М. 1987, с. 75—76.

Династия Рюриковичей: философско-исторический анализ

Г.А. Кондратова

В современной исторической науке одной из нерешенных проблем остается проблема творца истории. Ни общество, ни формация, ни цивилизация, ни культура сами по себе не могут быть таковыми, так как созданы человеком, следовательно, необходимо установить антропологическую структуру, в которой бы органично сочетались все известные в науке человеческие сообщества. В первичной мифологической картине мира роль творца событий играли природно-космические *стихии, демиурги, боги*, позднее к ним были добавлены *полубожественные герои, полумифические законодатели*. В развитых религиозно-философских системах — даосско-конфуцианской, брахманизме, буддизме, политеизме Междуречья и Древнего Египта право творить события распространилось на правителей и сословие жрецов, владеющих сакральными знаниями. В античной космогонии впервые между богами, связанными сыновне-отеческими отношениями, начинается непримиримая борьба за власть, в результате вместо самовозобновляемого природно-родового цикла даосских перемен мы видим сменяющие друг друга эпохи господства очередного победителя. Это привело к эволюции общества от состояния гармонии до угрозы самоуничтожения. Идея противоборства отразилась в античной истории выделением великих *личностей*, а также *общественных сословий и полисов*, внутри которых и между которыми шла борьба за клановые интересы, при этом рабы вообще исключались из человеческого сообщества. Под сословием, как на Востоке, так и на Западе понималась группа людей, выполняющая необходимую для сохранения общественного организма деятельность. К ним можно отнести, например, замкнутые неизменяемые индийские касты или достаточно подвижные сословия Китая, Египта, Греции. У древних иудеев, заключивших завет с богом, человеческую историю, начиная от Адама и Евы, создавали *семейные роды*, в среде которых рождались духовные вожди, избранные Богом, направлявшим через них ход жизни народа. Европейская философия и наука, выросшие на почве христианства, продолжили традиции религиозно-философских систем, осмысливая роль великих *личностей и политического сословия*. В результате история предстала как борьба между сравнительно небольшим числом правя-

Кондратова Галина Александровна — доктор философских наук, профессор Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) университета им. М.В.Ломоносова.

ших династий, наследовавших власть по принципу кровного родства, с землевладельческой аристократией, а также с главами католической и реформаторских церквей, передовавших власть по мировоззренческому «родству» и профессиональному критерию.

К середине XIX в. в учении Гегеля надысторический Бог был рационализирован в *Абсолютный самопознающий Дух*, утративший сакральное содержание, а народы предстали как его исторические формы пребывания. К. Маркс разработал учение об антагонистических *классах*, различая их «распоряжением средствами материального производства... и средствами духовного производства»¹. В XX в. П. Сорокин разделил человеческое сообщество на три основные формы *страт*: «экономическую, политическую и профессиональную, переплетающихся между собой»². В цивилизационном подходе А. Тойнби ведущими силами истории признаны *творческое меньшинство и организаторы*, способные дать ответ на вызов Бога³.

В русской литературе Н.Я. Данилевский сформулировал концепцию культурно-исторических типов *народов*, критерием которых является язык, а также «своеобразный план религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного — одним словом, исторического развития»⁴. В.О. Ключевский дает духовное определение понятия «народ», считая, что оно «слишком сложное, заключающее в себе духовно-нравственные признаки... сознания национального характера и исторического назначения... мысли о долге служения народному благу»⁵. В.С. Соловьёв двигателем общественной истории признает самораскрывающуюся на основе закона органического развития деятельную волю человека, которая формирует три базовые формы его общественной жизни: духовную, политическую и экономическую⁶.

Л.П. Карсавин творца истории видит в человечестве как особой надындивидуальности, которая «качествует в каждом отдельном человеке, в каждой социальной группе, объединенной различными социальными связями, потому оно вневременно и внепространственно»⁷. Л.Н. Гумилёв представил естественнонаучный взгляд на создателя истории, разработав концепцию пассионарной энергии, носители которой формируют и направляют развитие этносов, состоящих из людей «смешанного происхождения, разного уровня культуры и различных особенностей,... всегда связанных с вмещающим их ландшафтом, который кормит их»⁸. Правда, мы не можем говорить о чисто географическом содержании этих понятий, поскольку кроме ландшафта автор придавал особое значение религиозному мировоззрению человека.

Из краткого анализа истории проблемы мы видим, что нет общепринятого ответа на вопрос, кто создает историю, разнообразие же предлагаемых критериев и «кандидатур» на эту роль обусловлено мировоззренческой установкой авторов, которая сама по себе столь же исторична как и ее носители. Чтобы преодолеть сложившуюся многоплановость, не отрицая ни одну из антропологических структур, необходимо установить надысторическую форму человеческого сообщества как его создателя. Таковым, по нашему мнению, может быть только родовой человек. Идея о нем просматривается, начиная с древних религиозно-философских учений. В даосизме это третий элемент, порождаемый циклическим взаимодействием двух полюсов: мужского и женского. В иудаизме история предстает как жизнь семейных родов, включенная в историю Земли. Анализ текста Бытия позволяет сделать ряд примечаний. Во-первых, периодизация истории дана по трем критериям: сверхъестественному — Творению, естественному событию — потопу и человеческому родословию, при сохранении связи с Богом. В результате история человечества разделена на два периода: допотопный и послепотопный. Во-вторых, в родословном древе человечества просматриваются три «точки роста»: первой «плодоносящей» ветвью

становится третий сын Евы, Сиф, второй — его потомок в одиннадцатом поколении Ной, избежавший зла в сердце, третьей — потомок его старшего сына в одиннадцатом поколении — Авраам, положивший начало существованию израильского народа. В итоге, мы видим три исторических рубежа, каждый из которых дает новое направление развития народов. В-третьих, указывается три временных параметра: возраст мужчины, становящегося отцом, количество прожитых им лет после рождения сына и общая продолжительность его жизни, что определяет хронологию человеческой истории. В-четвертых, первородный грех запретного знания порождает своеобразную эволюцию форм одного смертного греха в потомках Адама. Душа его сына разрушается грехом зависти, злом в сердце, что делает его первым, но не последним убийцей в допотопном человечестве; в послепотопных поколениях смертный грех проявляется дополнительно в крайней форме разврата, разрушающей тело, то есть способность к рождению здорового потомства; современное человечество демонстрирует жажду власти, разрушающую общество. В книгах Бытие и Исход даны два наказания человечеству: личное — «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека, ибо человек создан по образу Божию»⁹; а также родовое — «Бог человеколюбивый... прощающий вину и преступление и грех,... но... наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода»¹⁰. Христос в своих ответах дьяволу «прописал» только одно препятствующее смертному греху средство — любовь.

В европейской философии одним из первых вопрос о родовом человеке поставил Г. Гегель, рассматривая род применительно к человеку как «в-себе-сущее простое единство с единичностью субъекта, который имеет в нем свою конкретную субстанцию»¹¹, но ещё не стал единым субъектом. С. Кьеркегор связывал исторический характер человека с жизнью рода, поскольку «в каждое мгновение отношение строится таким образом, что индивид является и собой и родом». Это состояние противоречиво, поскольку «является выражением некоей задачи... движение же на равных с задачей, которая была дана через равное, является движением историческим»¹². П. Сорокин видел родовые свойства человека в «основных закономерностях социально-психологических явлений»¹³, которые составляют предмет социологии.

В отечественной философии Ф.М. Достоевский разработал модель родового типа-человека, характеризуя его тремя качествами: семейным родовым преданием, «красивым порядком и впечатлением», в результате становления и развития родовой человек обретает духовное качество — «законченную форму чести и долга»¹⁴. Отсутствие или разрушение родового предания ведет, по мнению философа, к вырождению родового типа в «случайного человека из случайного семейства» и тем самым к разрушению общества. По мнению П.А. Флоренского, только в пространственно-временных параметрах жизни семейного рода может быть выстроен образ целостного человека. Для этого необходимо «познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого — познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою как члена рода, как органа высшего целого»¹⁵.

Среди современных авторов проблему изучения человека на всех уровнях его бытия: «родовом, групповом и индивидуальном»¹⁶, обозначил М.С. Каган. А.Г. Мысливченко придал решению проблемы родового человека методологическое значение, считая, что создание концептуального образа целостного человека, свободного от «узкоэмпирической раздробленности и фактичности, а также от метафизического философствования», возможно через раскрытие его «все-

общих черт...как родового существа»¹⁷. Однако завершенных разработок по проблеме родового человека нет.

Мы предлагаем вариант ее решения, основываясь на типологии человека, разработанной Платоном. Отразим это частично в названиях поколений: *мудрец* восстанавливает и укрепляет духовную основу рода и общества, сын/честолюбец раскрывает внутренний мир, выступая в обществе как идейно-политический *организатор*; внук/олигарх укореняя свой род демографически и материально, является поколением социально-экономических *строителей* общества; *демократ*, у которого «акрополь... души пуст», жажда свободы и наслаждений, в массе своей разрушает семейные связи и общественные нормы жизни, предотвращая их стагнацию, меньшинство же их реализует ценность свободы в творчестве; *тиран*, соединяя под своей властью семью, будучи правителем, сохраняет государственность.

Таким образом, мы имеем надысторический идеальный феномен и его носителя, которого определим, как *семейно-родовую целостность человека, то есть природно-метафизическое единство пяти поколений семьи, специфическая функция каждого из которых направлена на укоренение их родословного древа в природной-сверхприродной символической реальности*. Показателем зрелости души является усвоение традиционных ценностей; биологическая зрелость отражается в способности к полноценному продолжению семейного рода; социальная зрелость проявляется в гармоничном включении человека в систему общественно значимой деятельности и творчестве. Этот процесс постоянно возобновляется. Всеобщность семейно-родовой целостности проявляется в уникальности каждого поколения, семейный же род — это первичное, но сохранившееся до настоящего времени сообщество людей.

Предлагаемая концепция позволяет выстроить теоретическую схему исторического процесса. Она включает в себя антропологическую, институциональную, динамическую, хронологическую и аксиологическую структуры. Антропологическая состоит из пяти типов поколений одной семьи — это единица, «годовое кольцо» родословного древа. Институциональная, регулирующая социальные взаимодействия, включает социокультурные формы единства, каждая из которых имеет свое основание: идеологическая определяется системообразующей ценностью, политическая — государственностью, социальная — семьей, экономическая — формой собственности, культурная — образованием. Хронологическая структура, формируемая жизнью пяти семейных поколений, составляет один период становления и развития семейно-родовой жизни, равный примерно 125—150 гт., поскольку от рождения до наступления зрелости в каждом поколении проходит в среднем 25 лет. Он может удлиняться или сокращаться в силу обстоятельств, нарушающих закономерную смену поколений. Динамическая структура периода представлена моделью спирали, которая «раскручиваясь» в эмпирической горизонтали формирует пространство, а в онтологической вертикали — время, то есть пространственно-временной континуум каждого семейного рода. Период включает в себя две стадии: от первого до третьего поколения — это стадия интеграции, с третьего до пятого — дезинтеграции, заканчивающейся социокультурным коллапсом. Поколение мудрецов, восстанавливающих или частично видоизменяющих социокультурный архетип, как правило, в условиях тирании, есть одновременно результат завершения одного периода и начало следующего. Вместе они являются онтологическим «плодом» рода, эмпирическим же плодом является его демографический рост и цветущая культурой общественная система.

На протяжении периода происходят четыре кризиса: два системных, связанных с выбором государственного устройства, а затем с их распадом, а также два структурных, когда зарождается и рождается социокультурный архетип.

Они делят стадии на два этапа. Семейные роды, составляющие народ, могут уйти из истории, но их культурный опыт, основанный на символическом образе инобытия, пополняет общечеловеческое богатство неумирающих идей. Представленная социально-историческая динамика в той или иной степени просматривается в большинстве философско-научных концепций. Аксиологическая структура включает в себя два типа ценностей: абсолютные и эмпирические. К первым относится неизменяемое триединство Истины-Добра-Красоты, заключенное в Любви, которое направляет гармоничное раскрытие эмпирической природы человека как условия его духовного становления, если он признает их незыблемость. На этом инварианте формируется многообразие традиционных систем эмпирических ценностей.

Проверку теоретической схемы семейно-родовой целостности осуществим на историко-генеалогическом материале династии Рюриковичей как одном из тысяч восточнославянских семейных родов, единство которых составляет народ. Мы ограничим свою задачу лишь установлением типов поколений по их месту в системе семейного древа и степени выполнения ими своей родовой функции по сохранению династии как системообразующего элемента политической системы Киевской Руси. Их жизнь и деятельность достаточно подробно освещены в летописных сводах, на материале которых написаны все монографии, собрания сочинений, учебники отечественных историков. Мы используем текст «Повести временных лет», поколенную роспись династии Рюриковичей, систематизированную современным исследователем В.М. Коганом¹⁸, монографию И.Я. Фроянова «Древняя Русь» и работу Е.В. Пчелова «Рюриковичи. История династии»¹⁹, в которых дан необходимый генеалогический материал на фоне семейной жизни и государственной деятельности правителей. Методика применения теоретической схемы предусматривает выявление сначала поколения тиранов, завершающих династический период в экстремальных условиях социокультурного коллапса, и мудреца, начинающего следующий, причем часто они представлены в одном поколении как двуликий Янус. Кроме того, воспользуемся социально-психологическими характеристиками типов человека, данных Платоном, имея в виду, что пять типов поколений есть показатель функций, которые в идеале должны выполняться одним поколением, что не всегда бывает в реальности.

В истории средневековой Руси традиционно выделяются два периода: киевский и московский, между которыми пролегла эпоха монголо-татарского владычества. Киевский период начинает Рюрик — основатель монархической династии, и завершает Александр Невский, сделавший исторический выбор между Востоком и Западом. Трудно сказать, насколько приглашенный Рюрик соответствовал мудрецу, который, согласно Платону, хранит «любовь к своему государству, испытанную и в радости, и в горе...и от этого своего правила они не откажутся ни при каких трудностях, опасностях или иных превратностях»²⁰. Эти слова больше характеризуют Олега, прозванного Вещим (ведаящим, знающим веды). Рюрик родил сына, а Олег сделал его наследственным правителем в Киеве, ставшем после этого столицей.

Второе поколение идеологически-политических организаторов представлено двумя монархами-супругами: Игорем и Ольгой. «Заслугой» мужа была его смерть, проявившая слабость монархии как идеи, и ее политического центра, против которого выступила местная вечевая демократия, не считавшая себя таковой. Черты второго поколения организаторов — «хорошего человека, живущего в неважно устроенном государстве и потому избегающего почестей, правительственных должностей, судебных дел и всякой такой суеты; он предпочитает держаться скромнее, лишь бы не иметь хлопот»²¹ больше присущи Ольге. Жестокая расправа с местной элитой призвана была закрепить в созна-

нии населения приоритет монархии над вечевой системой и усилить роль центра. Второй заслугой княгини была проведенная ею административная реформа, упорядочивавшая социально-экономические отношения между центральной и местной властями. Их сын Святослав, внук Игоря, хотя и является в семейном роде третьим поколением, но своим характером и деятельностью стоит ближе ко второму поколению честолюбца, который «считает, что основанием власти должно быть не умение говорить, но военные подвиги»²², благодаря которым «это государство будет вечно воевать»²³. Действительно, князь-воин военными походами продолжал организовывать Киевскую Русь, проводя ее государственные границы не по результатам военных побед, как Карл Великий, а по этническому признаку, обеспечивая одновременно национальную независимость страны.

Владимир Святой принадлежит к четвертому поколению демократов, но одновременно решает задачи и третьего поколения. Как устроитель он укрепляет границы на юге государства; заводит многочисленных жен и наложниц, от которых имеет много детей, устраивает богатые пиры. Как демократ живет с раздвоенной душой, в которой «одни вождения берут верх над другими — по большей части лучшие над худшими»²⁴, в нем «идет борьба с самим собой... акрополь его души пуст»²⁵. Добавим — пуст от традиционного социокультурного архетипа, поскольку его матерью была хазарка. Трудно отрицать в свете современных научных знаний, что мать играет главную роль в формировании миропонимания у своих детей. Поэтому не отец-традиционалист, а его побочный сын начинает государственными методами внедрять христианский архетип на Руси, как идеологическое основание монархии. Тем самым, завершая стадию ее интеграции, одновременно при своей жизни он кладет начало внутренней мировоззренческой дезинтеграции династии.

Его смерть в 1015 г. стала толчком для дезинтеграционного кризиса, проявившегося в борьбе за престол между его сыновьями, представляющими пятое поколение тиранов. Большинство их, как и он сам, были сводными братьями и частью побочными детьми, рожденными от женщин разных культур, поэтому они не имели одного социокультурного архетипа, что превратило молодую династию в антропологический конгломерат. В результате традиционная вечевая система стала брать верх над слабой монархической государственностью. Задачу сохранения династии решил средний сын Владимира Ярослав: одерживая победу над соперниками военными и дипломатическими средствами, после смерти своего сводного брата он восстанавливает единство Киевской Руси, завершая первый и начиная второй династический период. Являясь онтологическим «плодом» рода, он в своем завещании сыновьям «рождает» систему наследования власти по старшинству, а также христианскую форму духовной основы русской монархии, «зачатую» его отцом. «Если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит вам врагов... Если же будете в ненависти жить и в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим»²⁶.

Во втором династическом периоде дезинтеграционные процессы преобладают на всех этапах развития династии. Как показали дальнейшие события, второе поколение организаторов, сыновья Ярослава, не восприняли духовное наставление отца и повели непримиримую борьбу за престол до конца XI в., истощая силы родословного древа. Попытка оставшихся сыновей и повзрослевших внуков преодолеть раскол на Любечском съезде 1097 г. обернулась, вопреки завещанию отца и деда, «организацией» политического и экономического раздела Руси на княжеские уделы. Тем самым, этот год по своему содержанию соответствует 862 г., то есть интеграционному кризису, но если в первом периоде он был преодолен приглашением Рюрика для сохранения единства новго-

родской земли, то теперь князья разорвали центральную монархию на удельные «лоскуты», восстанавливая, по сути, вечевые традиции в собственной династии. Это стало толчком к возрождению вечевого сознания в остальных сословиях, что ослабило центр и породило борьбу между удельными князьями и местным населением. История пошла вспять. Интеграционные процессы проявились только в уделах, где третье поколение внуков-строителей, превратившись из администраторов центра в самостоятельных правителей, принялось обустроить по киевской «кальке» собственные мини-государства. Типичным платоновским олигархом был старший внук Ярослава, Святополк Изяславич, который, отличаясь жадностью и лихоимством, руководствовался личным корыстным, но не государственным интересом, «обустривая» только себя, и доводя Киев до разорения.

Восстание в Киеве 1113 г. — это снова повторение ситуации 862 г., как и в IX в., оно положило конец интеграционному кризису. Однако парадокс в том, что на этот раз вече — прежняя традиционная верховная власть — во имя государственных интересов нарушает закон наследования, приглашая на престол младшего внука Ярослава Владимира Мономаха (второй раз подобное произойдет в XV веке). Угроза внешнего нашествия и авторитет Владимира Всеволодовича вынудили удельных князей признать его главой распавшегося государства. Представляя третье поколение строителей, он решает задачи трех поколений: как организатор — восстанавливает единство монархической Киевской Руси, как строитель — упорядочивает разорванные связи между центром и уделами, как демократ — отстаивает великокняжескую независимость от посягательств со стороны своих родственников, а также стремится реализовать в собственном правлении завещанное Ярославом духовное основание монархии, описав образ идеального правителя в своем «Поучении» потомкам. Однако этого было недостаточно, династические и общенациональные интересы, выраженные народом, требовали законодательно усовершенствовать систему наследования власти, заложенную Ярославом, чтобы не допустить ее самоуничтожения, однако, видимо, Мономах не посмел нарушить завещание деда, поэтому его усилия были недостаточны для сохранения единства династии.

Со второй четверти XII в., после смерти Владимира Мономаха, начинается стадия тотальной дезинтеграции династии. На первом этапе в четвертом поколении Рюриковичей происходит ее окончательный раскол на две ветви: Мономаховичей и Ольговичей. Большинство князей-демократов совмещало в себе стремление к личной свободе с предельно обостренным честолюбием, ставя, по оценке Ключевского, превыше всего, личное достоинство и княжескую честь, а не государственную необходимость. Не случайно среди них были, например, Всеволод Строптивый, Изяслав Великий, похожий поведением на европейского рыцаря. Это не противоречит их местоположению в роде, поскольку честолюбец и поздний демократ, стремящийся реализовать свои амбиции во власти, — это две стороны одной медали, моральные близнецы-братья.

Хотя практически все были удельными князьями, они еще вели борьбу за киевский стол, что свидетельствует о сохранении в их сознании идеи киевской державы. Борьба шла с переменным успехом и окончилась в пятом поколении — в праправнуке Ярослава и внуке Владимира — Андрее Боголюбском, который совершил два знаковых действия. Во-первых, вывез христианскую святыню из Киева во Владимир, перемещая тем самым духовный центр в свое княжество. Духовными наследниками Владимира и Ярослава оставались Мономаховичи. Во-вторых, своим возвращением в ранге великого князя из Киева во Владимир он перенес в него и столицу. Тиранические действия Андрея Боголюбского, ставшие вызовом княжеско-боярскому сословию, привели к его убийству. Таким образом, в расцвете своего второго периода династия Рюриковичей

«зародила» Владимира Мономаха, восстановившего единство Киевской Руси, а также две «точки роста» родословного древа Рюриковичей, от которых пошли две его основные ветви. К концу второго периода ветвь Ольговичей в большинстве своем «рождается» как европейский тип монарха, отличавшийся тем, что в борьбе за сильную государственную власть внутри страны зачастую использовалась помощь извне, угрожавшая государственной независимости. Ветвь Мономаховичей «рождает» первого самодержца, подобного капитану на корабле, — национальный вариант монарха, необходимого для сохранения династии и народа в экстремальных геополитических условиях того времени.

Третий династический период по линии Рюрика-Владимира-Ярослава-Мономаха начинает Всеволод Большое Гнездо, представляющий то же пятое поколение. Он продолжал тираническую политику брата, но с учетом ситуации. Его дети, второе поколение организаторов, не оставили сами по себе заметного следа: находясь в тени отца, они также как и дети Ярослава Мудрого, «организовывали» собственные «отчины», полученные по завещанию в пределах Владимиро-Суздальского княжества. Им приходилось лавировать между сословными кланами столицы и провинций, где бывшие центры стремились вернуть свой утраченный статус. Это ускорило распад княжества, который был остановлен, в известной мере, властью Золотой Орды. Третье поколение устроителей в этой ветви представлено Александром Невским, которому пришлось решать задачи идейно-политического организатора большей части распавшейся Киевской державы, взяв на себя защиту страны с Запада, и выбрав вассальный союз с Ордой. Как устроитель он стремился, жертвуя своей княжеской честью и жизнью, упорядочить положение покоренных княжеств под властью восточной деспотии и сохранить западные земли, чего не смогли сделать вечевые республики Новгорода и Пскова. Таким образом, история Рюриковичей домонгольского времени составляет два с половиной периода своего становления и развития.

Подводя итоги, сформулируем несколько выводов. Первый касается особенности структуры семейно-родовой целостности Рюриковичей. Во-первых, общая продолжительность их правления с 862 по 1264 гг. составляет четыре столетия, то есть два с половиной династических периода. При соответствии количества функций количеству поколений, их выполняющих, требуется 15 правителей. В реальности мы видим поколенную и хронологическую неравномерность: первый период длился 200 лет, второй — 125 лет и не закончившийся третий — примерно 70 лет. За это время на киевском и владимиросуздальском престоле находилось порядка 25 монархов и исполняющих их обязанности. Такое несовпадение объясняется несколькими причинами. Первая — это замедлением исторического времени на стадии интеграции Руси, так как на ее пространстве происходила двойная, говоря языком О. Шпанна, реструктуризация²⁷, то есть изменение идеологического и политического кода системы, что неизбежно вызывало перетурбацию социально-экономического уклада. Такие тектонические процессы требовали повышенных усилий не одного человека и поколения, а решение одной задачи несколькими поколениями растягивало и замедляло историческое время, что особенно характерно для первого периода. Напомним, что хотя на Западе христианство как социокультурный код стало прорастать на вычищенной от античного политеизма мировоззренческой почве (римские боги умерли в сознании родового типа римлян, их не было и в сознании захлестнувших страну варваров), однако процесс социокультурного перекодирования занял почти тысячелетие.

Вторая причина несоответствия хронологии и ритмов поколений — неоднократные браки монархов, а также междинастические браки в каждом их поколении с представительницами иных культур, с иной хроноструктурой, мало

совпадающей с древнерусской. Третьей причиной является киевская система наследования по старшинству, которая давала право всем братьям одного поколения быть правителями, решая одну и ту же задачу. За 400 лет родословное древо Рюриковичей как государственно-образующая структура несколько раз меняло свое направление развития. Первой «точкой роста» был побочный сын Святослава — Владимир, второй — Ярослав Мудрый, третьей — Владимир Мономах и четвертой — уже в ветви Мономаховичей — Александр Невский, положивший начало ветви создателей Московского государства. Примечательно, что он тоже родился через десять поколений после Рюрика, если считать по прямой нисходящей, кроме того, все они отличались государственным сознанием. Что касается других ветвей Рюриковичей, история показала их неспособность к самостоятельному государственному строительству и сохранению национальной независимости, поэтому они утасли в последующие века. Образно говоря, история отсеивала тех, кто не вышел на этот уровень.

Второй вывод касается соотношения периодов династического и общественного развития. Признавая семейно-родовую целостность как создателя истории, необходимо отметить, что кроме династических существуют политические и цивилизационные периоды, «вписанные» друг в друга. Два первых совпадают между собой только при естественной смене поколений. В нашей истории за точку отсчета первого периода мы берем середину первого тысячелетия, опираясь на мысль Ключевского о том, что история народа начинается с события, оставшегося в его памяти. Таковым, по его мнению, было многовековое «карпатское сидение» славян-дулебов, создавших здесь военный союз, спасавший их от нашествия переселявшихся племен, смешивавших и уничтожавших многое на своем пути. Это состояние можно назвать социокультурным коллапсом, началом первого этапа первого периода становления и развития Киевской Руси. Он длился с VI в., когда они стали расселяться по Днепру и Волхову (вполне возможно, что современные русины Карпат являются их прямыми потомками), и закончился интеграционным кризисом 862 года.

Таким образом, первый этап стадии интеграции связан с формированием славянской антропологической основы будущей Киевской державы и существованием вечевых политических систем, подобных греческим полисам, что нашло отражение в древнем названии Руси — Гардарика. Но идея монархии как «призрак коммунизма» уже несколько веков носилась по Европе, материализуясь в Римскую, Византийскую, империю Карла Великого, Священную Римскую империю. Приход Рюрика, сыгравшего роль системообразующего элемента, открывает второй этап интеграции. На новгородской почве эта идея не могла реализоваться в развитую государственную систему, поэтому Олег выбирает новую, соответствующую ей «почву» полян, бросив в нее «семя» Рюрика. Тем самым, 200 лет первого династического периода составили второй этап политической интеграции Киевской Руси, за время которого на почве вечевых порядков были оформлены первичные монархические структуры, достигшие расцвета при Ярославе Мудром, закрепившем преобразования в первом монархическом своде законов. Первый этап дезинтеграции, начавшийся после его смерти, завершился Любечским съездом, после которого Русь стала превращаться в конгломерат княжеств. В 1113 г. кризис был преодолен усилием народа и волей поддержанного им Владимира Мономаха, восстановившего единство государства. Его правление составляет короткий второй этап на временно приостановленной дезинтеграции, которая не была прекращена социокультурным коллапсом. С его смертью в 1125 г. заканчивается первый политический период в истории Киевской Руси.

Второй политический период связан с развитием двух ветвей династии Рюриковичей. На первом этапе интеграционные процессы характерны только

для уделов и частично выражены в стремлении князей занять именно киевский стол, что свидетельствует о сохранении киевской державы в сознании значительной части общества. Этот этап заканчивается переносом столицы во Владимир, то есть смертью Киевской Руси, а затем и Андрея Боголюбского как первого самодержца (общество было не готово к такой власти). Расцвет Северо-Восточной Руси, начавшийся при нем и продолжавшийся при его брате, переживала и Западная Русь при галицко-волынских князьях. Со смертью Всеволода Большое Гнездо начинается политическая дезинтеграция Владимиро-Суздальского княжества, вылившаяся в политический кризис 1223 г., который показал неспособность русских князей оценивать ситуацию в контексте общенациональных задач. С него начался второй этап полномасштабной дезинтеграции уже удельной Руси, завершившийся татаро-монгольским разгромом к середине XIII века. С этого времени исторические пути русского народа надолго разошлись: западная ветвь династии и политическая элита, отстаивая полисную свободу, пошли на союз с Литвой, создав Русско-Литовское государство, а Мономаховичи в лице Александра Невского приняли власть хана и включили северо-восточные земли в состав Золотой Орды на правах вассалов. Таким образом, первый период политического развития российской цивилизации в форме Киевской Руси составил порядка 600 лет, второй — около 125 лет. Династия Рюриковичей была частью древнерусского общества, поэтому в ее деятельности как в капле воды отражались свойства всех семейных родов, оставшихся безвестными.

Третий вывод касается оценки роли личности и событий в истории. Правящая элита обязана сохранять себя как системообразующая политическая структура, обеспечивающая сохранение общества. Рюриковичи не смогли решить эту задачу в рамках Киевской Руси, так как система наследования подогревала честолюбие князей во всех поколениях, препятствуя формированию их государственного сознания. Постоянная борьба за власть между князьями заканчивалась преждевременной смертью многих из них, отягощая смертным грехом потомков и истощая духовный потенциал всей династии.

Особо следует сказать о роли междинастических браков, обусловленных стремлением князей повысить свой международный статус, укрепить связи и власть. Если невеста была из страны с достаточно сильной государственностью, близкой по культуре, то такая «прививка» способствовала укреплению государственного сознания ее потомков, если же принадлежала к чуждой культуре, то их родовое сознание нарушалось, так как утрачивались природно-метафизическое единство и социокультурная идентичность. Пример тому — деятельность потомков Ярослава Мудрого, женатого вторым браком на шведской принцессе. Если ее сыновья, ставшие правителями, несмотря на распри, сохраняли государственное сознание, пытаясь преодолеть распад Руси, то в сознании внуков оно значительно ослабло, а в правнуках осталось только в линии Мономахов. Напомним, что женой Изяслава Ярославича и матерью его сына, ненавидимого киевлянами Святополка (сто лет назад также ненавидели Святополка Окаянного), была дочь польского короля-католика. Женой Святослава Ярославича и матерью его сына Олега, не допущенного киевским вече на престол в 1113 г., была племянница римского папы. Именно сын Олега Всеволод Строптивый будет, вопреки национальным интересам, упорно бороться с потомками Мономаха за свое право на престол, положив начало расколу династии. Женой же Всеволода Ярославича и матерью Владимира была православная византийская принцесса.

Однако все же династии Рюриковичей удалось «вырастить» выдающихся правителей, в лице которых часть ее сохранила государственную дееспособность. На основе традиционных ценностей они начали синтезировать структу-

ры вечевой демократии и монархии, создав новые социокультурные формы единства народа, выдержавшие проверку в экстремальных условиях XIII в. и ставшие фундаментом строительства Московского государства. Сформулированные положения концепции семейно-родовой целостности человека и результаты ее интерпретации на династию Рюриковичей являются одним из первых опытов осмысления прошлого. Они не бесспорны, но сама возможность применения принципа целостности открывает возможность по-новому взглянуть на исторический процесс, избегая его политизации и субъективизма.

Примечания

1. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. Избр. произв. Т.1. М. 1980, с. 59.
2. СОРОКИН П. Социальная стратификация и мобильность. В кн.: Человек. Цивилизация. Общество. М. 1992, с. 303.
3. ТОЙНБИ А. Постижение истории. М. 1991.
4. ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Европе. М. 2003, с. 90.
5. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. О русской истории. М. 1993, с. 80.
6. СОЛОВЬЁВ В.С. Философские начала цельного знания. Т.1. М. 1992.
7. КАРСАВИН Л.П. Философия истории. СПб. 1993, с. 203.
8. ГУМИЛЁВ Л.Н. Конец и вновь начало. М. 2000, с. 43, 29.
9. Бытие, гл. 9, ст. 6.
10. Исход, гл. 34, ст. 7.
11. ГЕГЕЛЬ Г. Философия природы. Т.2. М-Л. 1934, с. 507.
12. КЬЕРКЕГОР С. Страх и трепет. М. 1993, с. 133.
13. СОРОКИН П. Общая социология.* СОРОКИН П. Человек. Цивилизация. Общество. М. 1992, с. 31.
14. ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Подросток. М. 1985, с. 540, 542.
15. ФЛОРЕНСКИЙ П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М. 1993, с. 216.
16. КАГАН М.С. О структуре современного антропологического знания. Очерки социальной антропологии. СПб. 1995, с. 37.
17. МЫСЛИВЧЕНКО А.Г. Идея создания целостной концепции человека. Человек в системе наук. М. 1989, с. 46.
18. КОГАН В.М. История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования). СПб. 1993.
19. ПЧЕЛОВ Е.В. Рюриковичи. История династии. М. 2002.
20. ПЛАТОН. Сочинения. Т. 3. Государство. М. 1971, кн. 6, 503, а.
21. Там же, кн. 8, 549, с.
22. Там же, 549.
23. Там же, 548.
24. Там же, 55 4, е.
25. Там же, 560, в.
26. Повесть временных лет. Петрозаводск. 1991, с. 109.
27. ШПАНН О. Философия истории. СПб. 2005.

Х.А. Винклер и его взгляды на воссоединение Германии

М.Е. Ерин

Проблема германского единства, пожалуй, одна из самых актуальных и спорных. Историки, политики по-разному оценивают данное историческое событие, по-разному объясняют причины произошедшего объединения. Особенно сильно различаются оценки данного процесса в работах германских и российских историков¹.

Известный немецкий ученый, профессор Х.А. Винклер изложил свое видение данной проблемы, подчеркнув, что само объединение «двух Германий» — ФРГ и ГДР — было сложным, противоречивым и долгим. Винклер является автором множества трудов по истории Германии XIX и особенно XX вв., одним из лучших знатоков Веймарской республики. К его важнейшим произведениям относятся: трехтомная история немецкого рабочего движения в Веймарской республике, история первой немецкой демократии 1918—1933 гг., двухтомник «Долгий путь к Западу. Немецкая история от краха старой империи до воссоединения» и двухтомник «История Запада». В 2009 г. вышел в свет первый том — «С древних времен до XX столетия», в 2011 г. — второй том — «Эпоха мировых войн, 1914—1945». Помимо указанных работ Винклер написал множество других по разным аспектам истории Германии. Он принадлежит к поколению историков, переживших войну и голодные послевоенные годы.

Родился будущий историк в 1938 г. в Кёнигсберге, столице Восточной Пруссии. После войны его семья оказалась в Баварии. Винклер рано увлекся журналистикой, проявил интерес к политике. Учился в разных университетах: в Мюнхене, Гейдельберге и, наконец, Тюбингене, где изучал историю, философию и общественное право. На формирование его взглядов оказали влияние многие известные историки: Х. Ротфельс, Т. Шидер, В. Конце и другие. Долгое время он преподавал во Фрайбургском университете, а с 1991 по 2007 г. был профессором кафедры новейшей истории в Берлинском университете им. Гумбольдта.

Безоговорочная капитуляция нацистской Германии в мае 1945 г. стала отправной точкой в послевоенной истории и новым началом «германского вопроса», который в период 1945—1949 гг. был одним из основных в мировой

Ерин Михаил Егорович — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

политике, а в последующие четыре десятилетия — главной причиной напряженности и конфликтных ситуаций в центре Европы. Крах Третьего рейха положил конец претензиям Германии на мировое господство. После сокрушительного разгрома и капитуляции она оказалась без правительства, без какой-либо системы государственного аппарата. Страны фактически не существовало. Она была разделена на четыре оккупационные зоны. Берлин был также разделен на четыре сектора. Данный раздел страны, как отмечает Винклер, является одним из самых больших отличий второй мировой войны от первой ².

Ученый часто прибегает к сравнению 1918 и 1945 годов. 1945 г. он считает более глубокой всемирно-исторической вехой. Вопрос исторической вины немцев в 1945 г. был неоспорим, а поражение и капитуляция — тотальными. В 1918 г. не произошло полного уничтожения господства юнкерства, крупных предпринимателей и банкиров, крупная промышленность могла сопротивляться социализации. Чиновничество по сути дела оказалось нетронутым революцией 1918 года. Армия должна была считаться лишь с ограничениями, которые были предусмотрены Версальским договором 1919 года. Решительные противники демократии в Германии после 1945 г. не могли играть такую или похожую политическую роль, как в Веймарской республике ³.

Винклер считает, что не существовало «часа ноль» в Германии, но никогда еще не было такого вездесущего хаоса, как в 1945 году. «Общество крушения» было обществом чрезвычайного положения. Легенды о невинности Германии в развязывании второй мировой войны и ударе кинжалом в спину в 1945 г. не находили поддержки в отличие от 1918 года. И в этом Винклер видит огромную разницу между результатами двух мировых войн ⁴. 1945 г., по его утверждению, означал конец одной формы правления тоталитарного господства — фашистской, в то время как другая — коммунистическая — вышла из войны окрепшей ⁵. Война изменила расстановку сил на мировой арене. После окончания первой мировой войны центр мировой политики оставался в Европе. После окончания второй — США и СССР оказались в центре мировой политики, разделив между собой влияние в Европе и на долгие годы определив двухполюсное состояние мира.

Как известно, на Потсдамской конференции лидеров стран антигитлеровской коалиции было принято решение о проведении политики «4 Д»: денацификации, демилитаризации, демократизации и децентрализации. В своих работах Винклер негативно характеризует проводившуюся политику денацификации в Германии. Он пишет, что она в каждой из оккупационных зон проходила по-разному, но везде более или менее схематично ⁶. Ученый признает, что наиболее сурово и произвольно эта политика проходила в советской зоне оккупации. Многие бывшие члены НСДАП вместе с неугодными демократами и социал-демократами и даже оппозиционными коммунистами подвергались аресту и помещению в «специальные лагеря», где до 1950 г. находилось более 120 тыс. пленных, из которых 42 тыс. умерли. В качестве мест заключения использовались бывшие нацистские лагеря, одним из которых был Бухенвальд около Веймара. В ходе денацификации радикальной чистке подвергались преимущественно полиция, юстиция, институты управления государством, школа. В короткое время дипломированные «народные судьи» и «новые учителя» заменяли своих политически отягощенных предшественников. Винклер подчеркивает, что в западных зонах оккупации денацификация была проведена более мягкими методами. Так, Франция сравнительно великодушно вела себя по отношению к бывшим нацистским чиновникам. Во всех зонах оккупации политика денацификации проходила в 2 этапа: первый длился до 1946 г., второй этап начался сначала в британской зоне, а через полгода в американской и французской зонах оккупации ⁷.

По мнению Винклера, политика денацификации в целом не удалась⁸, так как в западных зонах оккупации после 1949 г. большинство из осужденных, отбывших срок наказания, вновь возвращалось на свои прежние должности. В советской зоне чистка была проведена более жестоко. Советская военная администрация в Германии (СВАГ) серьезно подошла к устранению национал-социалистов из политической и общественной жизни. Автор считает, что одной из целей чисток было поставить на важные посты в органах управления коммунистов. В отношении «маленьких» национал-социалистов советская оккупационная власть поступала немного иначе: они могли переучиваться и превращаться в прямых «антифашистов». Самой важной частью денацификации, с точки зрения СВАГ, были не индивидуальные санкции, а структурные вмешательства, под которыми понимался слом власти тех классов, которые содействовали фашизму.

Новым в международном праве было, как подчеркивает автор, проведение первого в истории процесса над военными преступниками, преступлениями против мира и человечности, причем юридически новым было рассматривавшееся понятие преступной организации.

При проведении земельной реформы в советской оккупационной зоне было ликвидировано юнкерство, которое способствовало приходу Гитлера к власти. Земельная собственность подвергалась безвозмездной конфискации и перераспределялась в пользу мелких и средних крестьян. Винклер подчеркивает, что при проведении промышленной реформы, ею были затронуты не только военные преступники и нацисты, но в основном крупные предприятия, которые подвергались национализации. Такая же судьба была и у банков. В западных же зонах вмешательств со стороны оккупационных властей было сравнительно меньше. Аграрная реформа в западных зонах привела лишь к дроблению крупных промышленных хозяйств, не ликвидировав их. В промышленности возрождались предприятия, действовавшие во времена национал-социализма.

В работах Винклера тщательно проанализирован процесс раскола Германии: создание Бизонии (1 января 1949 г.), затем Тризонии (апрель 1949 г.), выступление американского госсекретаря Д. Бирнса 6 сентября 1946 г. в Штутгарте, впервые упомянувшего о возможности существования отдельного западногерманского государства. Историки сходятся во мнении, что особенно жесткое конфронтационное расхождение между СССР и Западными державами началось с середины 1947 г.⁹, после того, как президент США Г.С. Трумэн в марте того же года провозгласил доктрину «сдерживания коммунистической опасности». США объявили об осуществлении «плана Маршалла», а со стороны СССР было создано Коммунистическое Информационное бюро (Коминформ). Сталин был заинтересован, прежде всего, в одном: ослабить позиции США в Европе. Мир, пишет Винклер, раскололся на два лагеря: «империалистический и антидемократический лагерь во главе с США и антиимпериалистический и демократический лагерь во главе с СССР»¹⁰.

Следующим шагом к расколу Германии была Лондонская конференция шести держав (март 1948 г.), сделавшая практически неизбежным создание западногерманского государства. Образовавшийся таким образом «западный союз» был первым европейским послевоенным союзом, который был направлен не против Германии, а против политики Советского Союза¹¹. Ответом Сталина на нарушение союзнического контрольного механизма был выход 20 марта советского военного представителя маршала В.Д. Соколовского из Контрольного совета. Контроль четырех держав над Германией перестал существовать. Винклер разделяет тезис о том, что валютно-денежная реформа в трех западногерманских зонах (20 июня 1948 г.) была важным шагом на пути к расколу

Германии. При этом он отмечает, что реформа покончила с эпохой обесценившихся денег, бартера, черных рынков. Прилавки магазинов наполнились товарами. «Новая валюта» стала переломным моментом после «крушения рейха» и означала в общем и целом поворот к лучшему¹².

Через два дня Советский Союз осуществил валютно-финансовую реформу в своей оккупационной зоне и Берлине. Но настоящий ответ СССР последовал объявлением 23 июня блокады Западного Берлина, которая продолжалась до 12 мая 1949 года. До сих пор ведутся споры среди историков, чего хотел добиться этим СССР¹³. А.М. Филитов предполагает, что цели советского руководства во время берлинского кризиса со временем менялись: поначалу преобладала установка на продолжение попыток сохранить германское единство, но затем возобладала идея признания необходимости раскола Германии¹⁴. Опубликованные недавно документы из российских архивов по германскому вопросу 1941—1949 гг. свидетельствуют о разных подходах российских и немецких историков (дискуссия Филитов — Й. Лауфер) в оценке берлинского кризиса, его последствий, а также в вопросе о том, кто виноват в расколе Германии¹⁵. По убеждению Винклера, Сталин преследовал следующие цели: заставить США отказаться от создания западногерманского государства, освободить и отдать Западный Берлин и отказаться от денежной реформы. Запад не подчинился. Реформа подтвердила, что раскол стал не только политической, но и экономической реальностью, а блокада показала свою неэффективность. Жители Западного Берлина не отступили перед советским шантажом. Немцы, которые там жили, в значительной мере начали чувствовать себя частью Запада¹⁶.

В 1949 г. в центре Европы появились две Германии: ФРГ (с 23 мая 1949 г.) и ГДР (7 октября 1949 г.). Обе пользовались покровительством держав-гегемонов — США и СССР. Таким образом, произошел раскол Германии на два немецких государства. По мнению историка, это было лишь временным решением германского вопроса, который на протяжении 40 лет был частью борьбы между военно-политическими блоками СССР и США. Винклер признает, что оккупационная политика не была успешной, т. к. цели держав-победительниц в отношении Германии были совершенно разными. Но ответственность за раскол он возлагает все же на СССР, считая ФРГ второй немецкой демократией, а ГДР — второй диктатурой на немецкой земле. Более того, он полагает, что ГДР вступила в жизнь как государство тоталитарной партийной диктатуры. Антифашизм был легендой ГДР, он служил для оправдания учреждения новой диктатуры, которая представлялась как единственная поистине демократическая форма государственного правления на немецкой земле и как гарантия против возврата к варварству¹⁷. Продолжая свои рассуждения, Винклер пишет, что, когда была основана ГДР, СЕПГ была партией, которую ничего не связывало с традицией социал-демократии. Коммунистическая партия, которая стала называться СЕПГ, несла свою ответственность за «демократический централизм», последовательное подчинение всех партийных органов вышестоящему руководству, за абсолютную партийную дисциплину и «ключевую роль» Советского Союза.

Негативно ученый оценивает и конституцию ГДР, в которой провозглашались широкие гражданские права и свободы, в том числе гарантированное право на мелкую частную собственность и забастовки. Он считает, что это был обман. Конституция ГДР в смысле классического правового государства не предусматривала даже принципа разделения властей. «Высшим органом республики» формально была Народная палата, что сразу исключало независимость подсудности. На практике же Народная палата не имела фактической власти¹⁸.

Напротив, он положительно оценивает образование ФРГ, где были сделаны «антитоталитарные выводы» из недавнего германского прошлого, разрабо-

тан и принят Основной закон ФРГ, учитывавший последствия ошибок, сделанных при выработке конституции 1919 г. и крахе Веймарской республики. Сравнивая Веймарскую республику и ФРГ, как первую и вторую немецкие демократии, Винклер отмечает, что, если в Веймарской республике правые силы исповедовали национализм, то левые — интернационализм. В ФРГ все поменялось. Правоцентристские умеренные силы во главе с первым бундесканцлером К. Аденауэром выступали за политику привязки страны к Западу и интеграции Западной Европы, в то время как умеренные левые социал-демократы под руководством К. Шумахера и Э. Олленхауэра отдавали предпочтение воссоединению Германии. Они были против интеграции, т. к. считали, что она только углубит раскол. Характеризуя политику Аденауэра, Винклер пишет, что высшей целью бундесканцлера было сделать по возможности из ФРГ в обозримом будущем суверенное, прочно связанное с Западом государство. Ради этой цели он проводил по отношению к западным державам «политику исполнения», которая должна была укрепить доверие к ФРГ¹⁹. Автор перечисляет этапы интеграции Западной Германии. Аденауэра ученый показывает как сторонника различных европейских объединений.

До сих пор не утихают споры о возможности объединения Германии на базе «ноты Сталина» от 10 марта 1952 г., ее истинных целях и о том, насколько советская инициатива была искренней²⁰. Подробный анализ данного документа дан в работе Филитова, где он констатирует, что «нота Сталина» была и остается центральным пунктом дискуссии историков, которая длится и поныне и не имеет признаков окончания²¹. Называя ноту блефом, он в то же время отмечает, что она содержала новации, которые открывали потенциальные возможности для прорыва в «германском вопросе». Рассмотрим точку зрения Винклера, которая как нам кажется, носит скорее «разоблачительный» характер.

Отвечая на вопрос: не пропустили ли страны Запада и ФРГ в то время исторический шанс к воссоединению, ученый пишет, что спорными были намерения Сталина и роль Аденауэра, который убедил западные страны отказаться от переговоров с Советским Союзом. Бундесканцлер видел в «ноте Сталина» попытку вбить клин между западными немцами и западными союзниками и таким образом воспрепятствовать политике западной интеграции. Фактически западные немцы были подлинным адресатом ноты, которая формально была направлена западным державам. Винклер утверждает, что если бы немцы в ФРГ поверили Сталину, это было бы для него большим успехом. Переговоры об интегрированной западноевропейской системе обороны приостановились бы и видимо окончились ничем. Аденауэр не смог бы пережить такой политический провал, а его падение было ближайшей целью Сталина²².

Как показано в работах Винклера, позиция Аденауэра по отношению к ноте Сталина была жесткой и бескомпромиссной. 27 апреля 1952 г. в разговоре с ведущими журналистами бундесканцлер заявил: «содержание ноты для меня по крайней мере не было неожиданным». «... цель СССР уничтожить на пути нейтрализации Германии интеграцию Европы и тем самым вытеснить США из Европы и на пути холодной войны подчинить Германию, ФРГ, а также Европу своему влиянию»²³. Аденауэр считал, что интеграция с Западом должна предшествовать объединению Германии, а его антикоммунизм был определяющим идеологическим компонентом.

По мнению Винклера, ни одному из блоков не нужно было решение германского вопроса. Переговоры в 1952 г. так и не состоялись. Западные державы и ФРГ придерживались мнения, что конференция четырех держав по Германии в данный момент откладывается и, следовательно, поставлена под угрозу, она не может способствовать решению германского вопроса, потому что точки зрения двух сторон несовместимы²⁴. Западные державы не хотели воссо-

единения Германии под знаком нейтралитета — решение, которое в долгосрочной перспективе могло угрожать установлением гегемонии СССР в Европе. По меньшей мере для Франции восстановление германского национального государства по-прежнему являлось кошмарным сном. Воссоединение Германии потребовало бы отмены монополии власти СЕПГ в ГДР, чего не хотел Советский Союз. Таким образом, полагает ученый, ни западные державы, ни СССР и даже ни ФРГ и ГДР не были заинтересованы в воссоединении страны.

Однако не все политики в ФРГ отрицательно относились к «ноте Сталина». Так, Г. Хайнеман, лидер Общегерманской народной партии, и его общество взаимопомощи оценивали советскую ноту как большой шанс добиться германского единства, если только ФРГ откажется от ремилитаризации и западной интеграции²⁵. СДПГ настаивала на том, чтобы рассмотреть степень серьезности ноты. Такого же мнения придерживался федеральный министр по общегерманским вопросам Якоб Кайзер.

Тем не менее, Аденауэр упорствовал, отстаивая свою позицию, твердо придерживаясь западного курса и «политики силы». Винклер констатирует, что западные державы не хотели платить цену, которую требовал Сталин за воссоединение Германии: отказ от политического и военного объединения Западной Европы и ее тесной связи с североамериканским союзником. Отрицательная позиция Аденауэра по отношению к советской ноте 1952 г., была политикой без реалистической альтернативы²⁶. Она диктовалась не только антикоммунизмом, но и боязнью нейтралитета и национализма. Нейтральный статус ФРГ был для Аденауэра шагом к советизации Германии как целого, поэтому ценой ориентации ФРГ на Запад стал неминуем раскол нации²⁷. Таким образом, заключает автор, на политику западной интеграции нота Сталина не оказала влияния. Уже 26 мая 1952 г. был подписан Общий договор, который отменял оккупационный статут и давал ФРГ «полную власть над своей внутренней и внешней политикой»²⁸. В ФРГ против договора выступил лидер оппозиционной СДПГ К. Шумахер, который произнес знаменитую фразу: «Кто соглашается с этим Общим договором, тот перестает быть немцем». Социал-демократы считали, что интеграция будет препятствовать воссоединению Германии.

1952 г. изменил ситуацию. Для Сталина воссоединение Германии больше не было стратегической или тактической целью²⁹, а СЕПГ на своей второй партийной конференции в июле 1952 г. провозгласила планомерное «строительство социализма в ГДР», которое называлось «не преобразованием и реализацией новых идей, а приспособлением к отсталой системе сталинизма». Очевидным следствием этого стало растущее число беженцев из ГДР. Бегство для народной экономики было особенно опасной формой протеста против ухудшения условий жизни и политического давления.

17 июня 1953 г., по мнению Винклера, было днем первого восстания против коммунистического режима в ГДР³⁰. Из забастовки берлинских строителей выросло всеобщее восстание рабочих в ГДР, из социального протеста возникло политическое движение за свободные выборы и германское единство. Для жестокого подавления восстания использовались советские воинские подразделения и танки. Весь мир убедился, что власть коммунистов в ГДР держится на силе СССР.

В своих работах историк много места уделяет ГДР, часто используя негативные характеристики, такие, как «диктаторский коммунистический режим». Крайне отрицательно оценивает он и политику СЕПГ, которая установила «тоталитарную систему» по образцу советской модели. Правда, она не была статичной. В ГДР в поздние 1980-е гг. было намного меньше тоталитарного, чем в ранние 1950-е.

Нацистская диктатура, по мнению Винклера, была отвратительной. Третий рейх ассоциируется в мире с войной. Нацистский режим совершил в пери-

од второй мировой войны преступления в отношении европейских евреев и многих народов Восточной Европы. Но, продолжает ученый, СЕПГ больше угнетала собственное население. Национал-социализм апеллировал к глубоко иррациональному мировоззрению, коммунизм — к научной теории, которая качественно превосходила идеологию национал-социализма и поэтому имела несравненно более привлекательную силу для интеллигенции, чем национал-социализм. Третий рейх был уничтожен через 12 лет, ГДР просуществовала 40 лет. Как считает Винклер, восточногерманское общество образца 1989 г. уже было мало связано с 1945 годом. Оба режима хотели изменить сознание людей, но на совершенно различной основе: ментальное воздействие за 40 лет «реально существующего социализма» было к 1990 г. намного сильнее, чем национал-социализма к 1945 ³¹.

Российские и немецкие историки считали, что возведение Берлинской стены 13 августа 1961 г. стало символом глубокого раскола Германии, «часом великого избавления от иллюзий» ³² и «моментом истины» ³³. Стена стала уродливым и зримым воплощением «железного занавеса» ³⁴. Винклер согласен с негативными оценками событий августа 1961 года. В послевоенной истории Германии он выделяет четыре ключевые даты: наряду с 1945 и 1990, он отмечает 1961 и 1973 гг., называя их важными точками отсчета германской истории. Для немцев 13 августа 1961 г. было самой глубокой раной после безоговорочной капитуляции германского рейха 8 мая 1945 года ³⁵. Оправдывая строительство стены, в официальном заявлении 13 августа 1961 г. Совет министров ГДР назвал закрытие границы между восточной и западной частями Большого Берлина ответом на «обострение политики реваншизма» Западной Германии и «систематическое переманивание граждан ГДР», «настоящую человеческую торговлю». Для Восточной Германии проблема бегства населения на запад была действительно необычайно острой и угрожала ГДР экономическим крахом. Поэтому 5 августа 1961 г. Политбюро СЕПГ получило официальное разрешение ОВД блокировать Западный Берлин. Возведение стены цементировало немецкий раскол в полном смысле этого слова. Будет ли Германия снова национальным государством, в тот момент было сомнительно как никогда прежде ³⁶. ГДР становилась все более чужда немцам в ФРГ. С другой стороны, строительство Берлинской стены сильно ослабило позиции федерального канцлера Аденауэра. Его реакция на это событие раздражала многих его приверженцев.

15 октября 1963 г. закончилась эра Аденауэра. После 34 лет правления он ушел в отставку, передав власть Л. Эрхарду, который был избран новым бундесканцлером. В прощальной речи Аденауэр с гордостью говорил о достигнутом, однако, сожалел о том, что «Мы не приблизились к воссоединению». Стоит отметить, что в декабре 1963 г. был проведен опрос населения, который показал, что почти две трети (63%) западных немцев придерживались точки зрения, что современность — лучшее из всех времен. Ученый полагает, что изменению взглядов общественности способствовал длительный рост экономики и консервативная демократия во главе с Аденауэром. ФРГ стала дееспособной западной демократией ³⁷. После того, как проблема воссоединения отодвинулось на задний план, главным для ФРГ стало сделать последствия раскола более терпимыми и тем самым обеспечить сплочение нации.

В октябре 1969 г. федеральным канцлером стал социал-демократ В. Брандт. Эру Брандта (1969 — 1974) связывают с его новой восточной политикой, в ходе которой были подписаны договоры с СССР, Польшей, по Берлину, с Чехословакией и, наконец, Договор об основах отношений между ФРГ и ГДР (декабрь 1973 г.), по которому оба государства признавали друг друга и нерушимость германо-германской границы. Теперь ФРГ и ГДР не были друг для друга «заграницей». В сентябре 1973 г. оба государства одновременно были приняты

в ООН. После 1961 и 1973 гг. уже никто не надеялся на воссоединение Германии. ГДР в 1970-е гг. провозгласила теорию о двух немецких нациях — новой социалистической и старой капиталистической. Как пишет Винклер, ГДР среди стран Варшавского договора была абсолютно идеологическим государством: государством без национальной идентичности и потому больше других настаивала на «пролетарском интернационализме» как суррогате идентичности. Оба германских государства подчеркивали свой особый путь: ГДР — «интернационалистический», ФРГ — «постнациональный».

Анализируя эпоху Брандта, Винклер считает, что канцлер оставил глубокий след во внешнеполитической области. Фундамент западной интеграции, который заложил Аденауэр, был надежной основой, на которой Брандт осуществил прорыв на Восток. ФРГ в пределах возможного стала «нормальным западным государством». Отставка Брандта была связана с разоблачением его личного референта Г. Гильом как агента разведки ГДР³⁸. А.Ю. Ватлин считает, что «афера Гильома» была лишь поводом, а не причиной отставки. Скорее Брандт устал от бремени власти и уже не успевал реагировать на политические вызовы, идущие извне³⁹.

В 1980-е гг. послевоенный порядок постепенно стал расшатываться. Кризис восточного блока начался в 1980 г. с появлением независимого профсоюза «Солидарность» в Польше и введением чрезвычайного положения в стране в конце 1981 года. В октябре 1982 г. новым канцлером ФРГ стал Г. Коль (ХДС), который сформировал христианско-либеральную коалицию, положившую конец коалиции социал-либеральной, которая находилась у власти 13 лет. Внешняя политика ФРГ с 1982 по 1985 г. осуществлялась в условиях нарастающей конфронтации между СССР и США.

Канцлер Коль был убежден в необратимости западной интеграции и необходимости политического объединения Западной Европы. В 1983 и 1984 гг. ФРГ предоставила ГДР кредиты на 1 млрд и 950 млн ДМ, что позволило ГДР снова стать кредитоспособной. Правительство ФРГ совершенно осознанно стремилось стабилизировать обстановку в ГДР, чтобы предотвратить возможные потрясения в другом немецком государстве, считает историк.

Весной 1981 г. между историками, социологами, публицистами разгорелся спор по вопросу о воссоединении Германии. В этой дискуссии принял участие и Винклер, опубликовавший статью «Нация — да, национальное — нет». В ней прозвучали обидные слова в адрес граждан ГДР. Ученый упрекал восточных немцев в том, что они хотят быть нацией для себя. Винклер считал, что век суверенного национального государства, во всяком случае в Европе, истек. «По опыту, который Европа получила в этом столетии от Германии, Германия не будет претендовать на восстановление германского рейха — а именно в границах 1945 года. Интересы обеих мировых держав, США и СССР, также исключают такую реставрацию... Национально-государственное воссоединение Германии — это нереалистичная политическая цель». Он полагал, что нужно придерживаться идеи одной немецкой нации на оставшейся области прежней империи Бисмарка, однако, не стремиться к государственному объединению этой нации. Его гипотеза заключалась в том, что немецкий вопрос был бы решен в один момент, если бы немцы в ГДР располагали той же «внутренней свободой», что и немцы в ФРГ. Его вывод был следующим: в ФРГ развилась в течение десятилетий «государственная нация», которой не хватало официального сознания быть одной. У ГДР для «государственной нации» не хватало всего, кроме права официальных лиц признавать ее такой⁴⁰.

Винклер пишет, что история двух немецких государств подвергается странному чередованию 12-летних циклов. Через 12 лет после основания ФРГ и ГДР была построена Берлинская стена; через 12 лет после строительства стены

оба государства признали друг друга и были приняты в ООН. 12-ю годами позже, в марте 1985 г., к власти в Москве пришел М.С. Горбачёв, который изменил отношения между Западом и Востоком, а также между обоими немецкими государствами. В СССР началась перестройка, которая, по мнению исследователей, способствовала развитию германо-германских отношений. Население ГДР приветствовало реформы Горбачёва, который в январе 1987 г. высказал революционную мысль: «Демократия нам нужна как воздух»⁴¹. Эта мысль окрылила борцов за гражданские права в Польше и Венгрии, Чехословакии и ГДР. В странах Восточной Европы начались преобразования — «бархатные революции», которые оказали большое воздействие на внутрисполитическое положение ГДР.

Как же проходил процесс объединения, каковы причины «бескровной революции 1989/90 г.» в изложении Винклера? Прежде всего, отметим, что в работах историков ФРГ выделяются две фазы «немецкой революции» 1989—1990 гг.: события до падения Берлинской стены и после ее падения, решающей силой в которых было мощное движение жителей Восточной Германии, требовавших народного суверенитета, и массовое бегство граждан из ГДР, принявшее угрожающие масштабы и добавившее оппозиции моральных сил.

Причинами бегства было не только недовольство экономическим положением, но и отсутствие в стране политических реформ, которые проходили в Советском Союзе, Польше, Венгрии. Бегство было выражением протеста против существующего режима. Осенью 1989 г. демонстрации с требованием политических реформ захлестнули ГДР. Первые публичные выступления проходили под лозунгом: «Мы остаемся здесь!». С сентября 1989 г. протест стал выражаться не только пассивно, но и активно⁴². Историк Рёддер считает, что большинство в оппозиции искало «третий*путь» реформированной ГДР, в то время как массовое движение стремилось к немецкому единству и с этой целью было готово объединиться с канцлером Коелем и федеральным правительством⁴³. В массовых демонстрациях родился лозунг «Мы — один народ».

9 октября 1989 г. партийная и государственная власть отступила перед массовым протестом. Руководство СЕПГ не могло надеяться на военную помощь СССР, что деморализовало большинство партийного аппарата⁴⁴. 18 октября 1989 г. Хонеккер ушел с постов главы государства и руководителя СЕПГ. Его отстранение от власти было представлено как уход по состоянию здоровья. На пост руководителя СЕПГ был выбран Э. Кренц, который в своей первой речи на посту генерального секретаря заверял своих слушателей и зрителей, «что все проблемы политически разрешимы в нашем обществе», подчеркивал решимость партии гарантировать спокойствие и порядок и сохранить «социализм на немецкой земле»⁴⁵. Кренц был типичным представителем аппарата и придерживался прежней партийной линии. Через 48 дней он также ушел с занимаемого поста.

9 ноября 1989 г. — день падение Берлинской стены — по-разному оценивается историками, но все они сходятся во мнении, что это было историческое событие. Открытие границ между ГДР, Западным Берлином и Западной Германией, по мнению Винклера, было капитуляцией СЕПГ. Бесконтрольно тысячи людей пересекали границу разделенного города: с востока на запад, с запада на восток. Люди с востока чувствовали себя освобожденными. Берлин в ночь с 9 на 10 ноября стал единым городом⁴⁶.

В работах Винклера приводятся следующие данные: начиная с 13 августа 1961 г., погибло 239 чел. при попытке пересечь границу на Запад. Падение стены завершило эту мрачную главу немецкой истории. 9 ноября, пишет он, обычно называют «немецким днем судьбы». Так, 9 ноября 1918 г. социал-демократ Ф. Шейдман провозгласил республику в Берлине. 9 ноября 1923 г.

Гитлер совершил путч в Мюнхене. 9 ноября 1938 г. нацистами была устроена «хрустальная ночь» — в Германии пылали синагоги. 9 ноября 1989 г. также попало в историю. Теперь послевоенное время и холодная война окончательно ушли в прошлое. Более счастливого дня, чем 9 ноября 1989 г. немцы еще не испытывали в XX веке ⁴⁷.

Винклер дискутирует с историком Х. Цваром по поводу событий осени 1989 года. Цвар считает, что с «20-ти тысячной демонстрации в Лейпциге в понедельник 2 октября в ГДР началась демократическая революция». Винклер утверждает, что это не была классическая революция. Осенью 1989 г. в ГДР не было баррикадных боев и овладения штурмом центров власти. Это была своеобразная революция, которая сама себя сдерживала лозунгом «Нет насилию» и, поэтому, в конце концов, не достигла своей цели. «Мирная революция» имела сознательных и бессознательных участников: сознательными были учредители правозащитных групп и демонстранты, а бессознательными — те, кто покидал ГДР. Успешные революции всегда идут рядом с крахом. Там, где режим не покорился неизбежности, как в Румынии, «мирной революции» не было, а была кровавая смесь из государственного переворота и массового выступления ⁴⁸.

Прибегая к историческим аналогиям, ученый полагает, что падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. было для ГДР тем, чем был штурм парижской Бастилии 14 июля 1789 г. для французского старого порядка: удар, от которого не смог оправиться прежний режим. Стена была не менее, чем Бастилия, символом несвободы. Когда символ пал, наступил конец прежнего господства ⁴⁹.

Через одиннадцать месяцев после падения стены завершилось воссоединение Германии. Как показано в работах Винклера, оно отвечало воле немцев в германских государствах. При этом ученый заостряет внимание на тех внутри- и внешнеполитических событиях, которые привели к объединению и окончательному решению германского вопроса. Особо подчеркивается, что после падения стены ГДР как государство стало стремительно разрушаться.

Винклер высоко оценивает поступки и инициативы бундесканцлера Коля. 28 ноября 1989 г. тот обнародовал свои знаменитые 10 пунктов развития отношений между ФРГ и ГДР, не поставив об этом в известность даже своих западных союзников. Канцлер тем самым пошел на значительный риск. Президент Франции Ф. Миттеран и премьер-министр Англии М. Тэтчер были озадачены и рассержены. Быстрого воссоединения Германии не хотели ни англичане, ни французы, ни итальянцы. Только президент США Дж. Буш заверил Коля в своей полной поддержке. Американское «да» воссоединению было для правительства ФРГ бесценно. То, что Коля смог достичь от Запада одобрения своей политической инициативы, было большим личным и политическим успехом канцлера. План из 10 пунктов был смелой попыткой, а эффект внезапности был условием успеха ⁵⁰. Москва отреагировала на 10 пунктов весьма недоброжелательно, что было неприятной неожиданностью для Коля, который рассчитывал на положительный ответ. Горбачёв, по воспоминаниям бывшего помощника Президента СССР по международным вопросам А.С. Черняева, устроил буквально скандал министру иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншеру за «10 пунктов». Главный упрек — посягательство на суверенитет ГДР, вмешательство в ее внутренние дела, курс на конфедерацию ⁵¹.

30 января 1990 г. новый премьер-министр ГДР Х. Модров прибыл с визитом в Москву. Результат его беседы с Генеральным секретарем ЦК КПСС, по мнению Винклера, был сенсационным. Горбачёв совершил радикальный поворот в советской политике в отношении Германии. Накануне встречи с Модровым он заявил, что среди немцев и представителей четырех держав есть известное взаимопонимание, что «объединение немцев никогда и никто не подвергает сомнению». А в разговоре с Модровым настраивал его на заключение договора с ФРГ

о сотрудничестве и добрососедстве с элементами конфедерации, а потом — «переходить и к конфедеративным структурам и в отдаленной перспективе — к срастанию двух государств в единое». С конца января больше не могло быть речи о вето Москвы на решение о воссоединении; скорее было признано право ФРГ и ГДР объединиться в одно государство⁵².

Результаты выборов 18 марта 1990 г. в Народную палату ГДР свидетельствовали о победе сторонников скорейшего объединения Германии на основании статьи 23 Основного закона ФРГ. Новым и последним премьером ГДР стал Л. де Мезьер. 18 марта 1990 г., по мнению Винклера, закончился тот период в истории ГДР, который характеризуется обычно как «мирная революция». Результатом стал разрыв с прежним порядком.

Без подстраховки СССР зависимые от него диктатуры не могли продержаться у власти длительный срок. Однако, считает Винклер, советское руководство больше не было готово к интервенции по образцу 1953, 1956 и 1968 гг., поэтому революционные движения 1989 г., начиная с польского, могли побеждать абсолютно мирно. Восток Германии впервые с 1945 г. получил шанс для вестернизации, а валютный и социально-экономический союз между ФРГ и ГДР (июнь 1990 г.) и «политический» курс обмена валют 1:1 были в первую очередь попытками остановить поток переселенцев. По утверждению автора, валютный союз для восточных немцев был таким же глубоким потрясением, как валютно-финансовая реформа 1948 г. для западных немцев⁵³.

Важным шагом к объединению, как полагает Винклер, были переговоры Горбачёва и Коля в Москве и на Северном Кавказе 14—16 июня и 15—16 июля 1990 года. Правительство и, прежде всего, МИД ГДР чувствовали себя отстраненными. Горбачёв своими договоренностями с Колем лишил ГДР самостоятельной внешней политики. Обязательной предпосылкой для воссоединения Германии было признание польской западной границы по Одру-Нейсе. Поэтому параллельно переговорам об объединении проходили переговоры о германо-польской границе. В результате 8 марта 1990 г. бундестаг принял резолюцию о признании нерушимости западной границы Польши по Одру-Нейсе.

Большое место в работах Винклера отводится проблеме вхождения объединенной Германии в НАТО и переговорному процессу по формуле «2+4» (ФРГ, ГДР и четыре державы-победительницы: СССР, США, Великобритания, Франция). При этом он нигде не упоминает, что СССР первоначально был не согласен с принадлежностью объединенной Германии к НАТО. Затем, после переговоров с Миттераном (май 1990г.) и американским президентом Дж. Бушем (начало июня 1990 г.) изменил свою прежнюю точку зрения, согласившись на членство Германии в НАТО⁵⁴. Считается, что встреча Горбачёва с Бушем имела значение «поворотного пункта» в истории германского урегулирования. Винклер убежден, что более сильный Советский Союз никогда бы не согласился с членством Германии в НАТО. Однако, Варшавский пакт к этому времени фактически распался, больше не существовало военного равновесия между Западом и Востоком, поэтому Кремль не мог настаивать на своем «нет». Он даже не мог противостоять аргументу, что интегрированная в Атлантический союз Германия менее опасна для СССР, чем нейтральная Германия. Время, когда разделенная Германия гарантировала относительную стабильность в Европе, окончательно миновало; теперь стабильность Европы требовала объединения Федеративной республики и ГДР.

Тем не менее, предпосылкой изменения точки зрения Советского Союза, считает историк, было то, что сфера действия НАТО не должна была распространяться на территорию ГДР до тех пор, пока там будут расположены советские войска, то есть в течение 3—4 лет. Причем этот срок пребывания советских войск назвал Горбачёв, и Коль с ним согласился. Коль также гарантировал

финансовую поддержку при выводе советских войск с территории Восточной Германии. Российский историк А.А. Ахтамзян убежден, что Горбачев и его команда сдали свои позиции, отказавшись и от «потсдамской системы» соглашений в отношении Германии, и от заключения мирного договора, не говоря уже об идее нейтрального статуса страны. Последняя возможность надежно обеспечить интересы безопасности и имущественные права России была связана с несогласием с требованием включения объединенной Германии в НАТО. Эта возможность была бездарно упущена Горбачёвым и Шеварнадзе⁵⁵.

Ранним утром 23 августа 1990 г. Народная палата подала официальное заявление о вступлении ГДР в состав ФРГ по статье 23 Основного закона, вступившее в силу 3 октября 1990 года. Вечером 2 октября огромная толпа людей собралась в Берлине у Бранденбургских ворот. В полночь раздался звон колокола и над рейхстагом под ликование сотен тысяч людей поднялся большой черно-красно-золотой флаг. 3 октября 1990 г. в 00 час. 00 мин. произошло объединение ФРГ и ГДР. Федеральный президент Р. фон Вайцзеккер сказал перед микрофонами: «Объединение Германии закончено». Черняев считает, что объединение состоялось благодаря появлению в СССР и на международной арене Горбачёва. Он и Коль ликвидировали главный очаг «холодной войны». Существовавшие в ГДР округа упразднились, восстанавливалось деление на земли. Таким образом, к ФРГ присоединялись 5 восточногерманских земель: Бранденбург, Мекленбург-Передняя Померания, Саксония, Саксония-Ангальт, Тюрингия. 3 октября объявлялся днем германского единства. Лотар де Мезьер назвал уход ГДР с мировой сцены «прощанием без слез». Винклер характеризует объединенную Германию как страну с расколотой исторической культурой.

Он полагает, что отказ от ГДР, согласие на объединение Германии и ее членство в НАТО, способствовали падению Горбачёва. Потеря власти СССР потянула за собой и потерю власти его лидера. Винклер следующим образом характеризует Горбачёва: он был одаренным тактиком, но плохим стратегом, олицетворяя собой тип трагического реформатора. Он ликвидировал диктаторское господство коммунизма непосредственно в СССР и на части Европы, но добился не того, чего хотел. Он ускорил закат системы, которую хотел спасти реформами⁵⁶.

До сих пор ведется спор о том, кто способствовал воссоединению, а кто ему мешал. Согласно христианско-демократическому варианту воссоединение 3 октября произошло, как завершение дела, начатого Аденауэром. Винклер соглашается, что решение германского вопроса соответствовало представлениям первого канцлера. Однако он признает, что стратегической целью политики Аденауэра не было объединение Германии. Социал-демократы внесли вклад восточной политикой Брандта в политику воссоединения Германии: без «политики маленьких шагов» недоверие СССР и восточных соседей по отношению к Германии не уменьшилось бы, и не стала бы возможна «мирная революция» 1989—1990 годов. Винклер считает, что западная интеграция и восточная политика были основами немецкого объединения: в этом отношении ХДС и СДПГ были правы⁵⁷.

Ученый считает, что больше не существует германского вопроса. Во-первых, 3 октября 1990 г. он был окончательно решен. С 3 октября 1990 г. считается установленным, где находится Германия, где проходят ее границы, что ей принадлежит, а что нет. Окончательное признание западной границы с Польшей означало решение другого вопроса — польского. Обе проблемы могли быть решены только вместе и одновременно. Во-вторых, больше нет противоречий между единством и свободой. Воссоединение означало исполнение исторического требования 1848 г.: единство в свободе. В-третьих, членством объединенной Германии в НАТО германский вопрос был решен как проблема европейс-

кой безопасности⁵⁸. Как правовое и конституционное, как федеративное и социальное государство воссоединенная Германия продолжает традиции, которые уходят своими корнями в XIX век. Прежде всего это относится к всеобщему, равному избирательному праву и к парламентской культуре, которая получила развитие еще в кайзеровской Германии. Кроме того, прослеживается связь с первым национальным государством. В 1990 г. было воссоединено то, что осталось от империи Бисмарка в 1945 году⁵⁹.

Концепция Винклера, конечно, имеет дискуссионные моменты. Но главный вывод, который делает ученый, о том, что немцы смогли извлечь уроки из трагического прошлого и создать одно из наиболее демократических и динамично развивающихся государств в мире, вопросов не вызывает.

Примечания

1. АХТАМЗЯН А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия: очерки. М. 2008; ПАВЛОВ Н.В. История современной Германии 1945—2005: курс лекций. М. 2006; ПАТРУШЕВ А.И. Германия в XX веке. М. 2004; ЕГО ЖЕ. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М. 2009; ПЕТЕЛИН Б.В. ХДС/ХСС и объединение Германии. Вологда. 2002; ФИЛИТОВ А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941—1990. М. 2009; ЗОНТХАЙМЕР К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. М. 1996; ФЕРЕНБАХ О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М. 2001; ПЛАТО А. фон. Объединение Германии — борьба за Европу. М. 2007; ШУЛЬЦЕ Х. Краткая история Германии. М. 2004.
2. WINKLER H.A. *Der lange Weg nach Westen*. Bd. 2. *Deutsche Geschichte vom «Dritten Reich» bis zur Wiedervereinigung*. München. 2000, S. 118.
3. *Ibid.*, S. 120.
4. *Ibid.*, S. 122.
5. *Ibid.*, S. 117.
6. *Ibid.*, S. 118.
7. *Ibidem*.
8. *Ibid.*, S. 119.
9. ФИЛИТОВ А.М. Советская политика и берлинский кризис. 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19—20 июня 2008 г., Москва. М. 2009, с. 25; БОЛДЫРЕВ Р.Ю. Поворотный год в жизни советской оккупационной зоны: 1947 или 1948? Там же, с. 56.
10. WINKLER H.A. *Op. cit.*, Bd. 2, S. 129.
11. *Ibidem*.
12. *Ibid.*, S. 130.
13. ФИЛИТОВ А.М. Ук. соч., с. 31—33, 41—43.
14. Там же, с. 35.
15. СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из российских архивов. Т. IV. М. 2012, с. 13—102. Лауфер считает, что для советской внешней политики первый берлинский кризис имел катастрофические последствия.
16. WINKLER H.A. *Op. cit.*, Bd. 2, S. 130—131.
17. *Ibid.*, S. 141—142.
18. *Ibid.*, S. 140.
19. *Ibid.*, S. 142.
20. См. подробно: ФИЛИТОВ А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М. 1993, с. 143—149; ЕГО ЖЕ. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941—1990. М. 2009, с. 138—139, 167—171; ПАВЛОВ Н.В., НОВИКОВ А.А. Внешняя политика от Аденауэра до Шредера. М. 2005, с. 78—79.
21. ФИЛИТОВ А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению, с. 138. В статье «Нота 10 марта 1952 г. дискуссия, которая не кончается» Филитов приводит интересный разговор Сталина с В.С. Семёновым. Сталин спросил его: «А вы гарантируете, что Запад отклонит предложения?» Только получив утвердительный ответ, Сталин санкционировал направление ноты. Если это было так, заключает Филитов, то вряд ли можно говорить о серьезности намерений Сталина достичь компромисса по германскому вопросу. ФИЛИТОВ А. Нота 10 марта 1952 года: дискуссия, которая не кончается. Сталин и немцы: Новые исследования. М. 2009, с. 216.

22. WINKLER H.A. Op. cit., Bd. 2, S. 148.
23. Ibidem.
24. Ibid., S. 149.
25. Ibidem.
26. Ibid., S. 151.
27. ПАВЛОВ Н.В., НОВИКОВ А.А. Внешняя политика от Аденауэра до Шредера. М. 2005, с. 78—79.
28. WINKLER H.A. Op. cit., Bd. 2, S. 151.
29. Ibid., S. 154.
30. Ibid., S. 157.
31. Ibid., S. 635—636.
32. ПОТТХОФФ Х., МИЛЛЕР С. Краткая история СДПГ. 1848—2002. М. 2003, с. 227—228.
33. ШУЛЬЦЕ Х. Краткая история Германии. М. 2004, с. 217.
34. ПАТРУШЕВ А.И. Германия в XX веке, с. 356. Из новейших работ по данной проблеме см.: КЕМП Ф. Берлин 1961. Кеннеди, Хрущев и самое опасное место на земле. М. 2013.
35. WINKLER H.A. Op. cit., Bd. 2, S. 204.
36. Ibid., S. 205.
37. Ibid., S. 221—222.
38. Ibid., S. 324.
39. ВАТЛИН А.Ю. Германия в XX веке. М. 2002, с. 230.
40. WINKLER H.A. Op. cit., Bd. 2, S. 437—438.
41. Ibid., S. 447—448.
42. Ibid., S. 489, 491.
43. RÖDER A. Deutschland eining Vaterland. Die Geschichte der Wiendervereinigung. München. 20009, S. 368—369.
44. WINKLER H.A. Op. cit. 2, S. 503.
45. Ibid., S. 505.
46. Ibid., S. 512—513.
47. Ibid., S. 513.
48. Ibid., S. 513—514.
49. Ibid., S. 517.
50. Ibid., S. 526.
51. ЧЕРНЯЕВ А.С. М.С. Горбачёв и германский вопрос. — Новая и новейшая история. 2008, №2, с. 112.
52. WINKLER H.A. Op. cit., Bd. 2, S. 546; ЧЕРНЯЕВ А.С. Ук. соч., с. 113.
53. WINKLER H.A. Op. cit., S. 561, 574.
54. ЧЕРНЯЕВ А.С. Ук.соч., с. 115; За рубежом. 1991, № 29, с. 9.
55. АХТАМЗЯН А.А. Ук. соч., с. 126—128.
56. WINKLER H.A. Op. cit., Bd. 2, S. 627—628.
57. Ibid., S. 637.
58. WINKLER H.A. Der lange Weg nach Westen. Abschied von der deutschen Frage. Diskussion mit Krzeminski. Robert Traba. Klaus Ziemer. Warszawa. 2008, S. 15.
59. Ibidem.

Конклав 1903 г. и российская дипломатия

О.В. Серова

Избрание каждого нового папы в жизни не только Ватикана, но всего мира, а особенно Европы, неизменно становилось важнейшим событием, привлекавшим пристальное внимание дипломатов. Ведь каждый конклав — это подведение итогов деятельности ушедшего наместника Св. Престола, возможность прогнозировать, обсуждать ход и итоги предстоящих выборов, направление деятельности нового избранника, а главное — воспользоваться имеющимися средствами, чтобы повлиять, по мере возможностей, на сам выбор. Довольно часто подготовка к этому событию начиналась задолго до его осуществления. В этом отношении чрезвычайно показателен конклав 1903 года.

За 12 лет до него российский представитель при Св. Престоле А.П. Извольский впервые подробно изложил свои соображения по поводу вероятного скорого избрания нового папы в состоявшейся из трех частей записке, приложенной к донесениям от 15 июля, 28 июля и 11 августа 1891 года.

Ее появление мотивировалось им не только преклонным возрастом Льва XIII (в марте ему исполнился 81 год) и его физической слабостью, а, главным образом, тем, что к его кончине и избранию его преемника весьма деятельно, хотя, по возможности, без шума, готовятся не только в Риме, но и всюду, где придают важное значение вопросу о главе римско-католической Церкви. Извольский предполагал, что на предстоявший конклав со стороны европейских держав «будет обращено гораздо большее внимание и воздействие, нежели на тот, который собрался в Риме в 1878 г.», когда все были заняты исключительно событиями на Балканском полуострове. Кроме того, сравнительно равнодушное отношение правительств и народов тогда к выбору нового главы католической Церкви российский дипломат связывал с самим положением Церкви, которую длительное царствование Пия IX привело, «как в религиозном, так и в политическом отношении почти на край гибели». Такое положение Церкви он подтверждал следующими фактами: Ватиканский собор 1869 г., провозгласивший догмат «безошибочности» папы, «вызвал в католическом мире глубокое раздвоение и неудовольствие; теории «Силлабуса»¹ и необдуманная и порывистая политика по отношению к государственной власти произвели полный разрыв или чувствительное охлаждение между папою и почти всеми

Серова Ольга Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

европейскими державами, не исключая католические. Захват Рима итальянцами в 1870 г. и потеря папою светской власти произошли среди всеобщего равнодушия». Ко времени начала работы конклава 1878 г. вопрос о светской власти папы, «так называемый «римский вопрос» казался устаревшим, раз навсегда решенным и не один только «римский», — но до некоторой степени и весь «папский вопрос». Большинство европейской публики было расположено смотреть на Римскую Церковь, как на учреждение почти отжившее, разлагающееся, не призванное играть никакой роли в политической и общественной жизни будущего». На запрос итальянского правительства по поводу их позиции в отношении избрания нового папы, от европейских кабинетов последовали заверения в намерении воздержаться от всякого вмешательства в этот вопрос. Было выражено также пожелание, звучавшее вполне искренне, чтобы новый папа был склонен к примирению и достижению соглашения с итальянским правительством. Под влиянием надежд именно на такое примирение на основании совершившихся фактов и так называемого «закона о гарантиях» 1871 г.² и произошло избрание Льва XIII. Случилось, однако, отмечал Извольский, что «широко и талантливо задуманная политика нового папы не только разрушила расчеты и надежды партии, способствовавшей его избранию, но также, в изумительно короткое время, возвратила Римскому Престолу необыкновенный блеск и влияние».

Подводя итог деятельности Льва XIII, Извольский писал: «Все усилия ума Льва XIII, отличающегося гораздо более политическими, нежели религиозными наклонностями, были тотчас устремлены к возвращению международного значения Римской Курии. Обманув с первых же дней возлагавшиеся на него надежды партии примирения, он самым решительным образом стал по отношению к Италии в то же положение протеста, что и его предшественник. Но протест Льва XIII отнюдь не носит того же характера узости и бесплодности. За требованием возвращения ему светской власти и Рима, служащим лишь удобопонятной формулой, скрывается более мысль о невозможности для универсальной власти папы допустить собственной конфискации в пользу Италии, о невозможности также признать за юридическую основу своего положения одностороннюю сделку «закона о гарантиях», которая может быть отменена любым итальянским парламентским большинством. Есть много указаний на то, что истинная мысль Льва XIII заключается, на самом деле, в приискании какой-нибудь совершенно новой формы гарантии, но непременно международной, которая поставила бы Римский Престол вне прямого воздействия итальянского правительства и на высоту международного фактора политической и общественной жизни Европы. Поэтому, первую и главную его заботой явилось, тотчас после избрания, восстановление дружественных сношений со всеми державами. В этом направлении успехи его, как известно, превзошли всякое ожидание».

Дипломат отмечает все то, что одновременно с этим было конкретно сделано Львом XIII для католической Церкви в различных странах. Это — учреждение правильной иерархии, перемена в отношениях к различным восточным католическим обрядам (конец схизмы в среде армяно-католиков, почести Святым Кириллу и Мефодию, славянское богослужение в Черногории). Реставрация «томизма», то есть системы Фомы Аквинского с целью объединить и дисциплинировать образование римско-католического духовенства во всех странах, ряд поучений и энциклик, с целью «примирения Церкви с цивилизацией и гражданственностью, с которыми при Пие IX существовал полный разрыв». Наконец, он останавливался на шагах последнего времени — «смелое вступление в глубь социально-рабочего вопроса с заявлением о демократических наклонностях Церкви и открытое примирение с республиканскою формою прав-

ления, тогда как, до сих пор, католицизм отождествлялся почти всюду с интересами монархических партий». За короткий срок своего пребывания на престоле Лев XIII не только смог изменить положение католической Церкви в Европе, но и открыл новое поле деятельности в Соединенных Штатах Северной Америки, в Африке и Азии.

Особо Извольский выделял стремление Льва XIII принимать непосредственное и деятельное участие во всех международных событиях, его готовность при всяком случае стать посредником между державами по чисто политическим вопросам. Он также подчеркивал большое внимание, с которым папа «следит за всеми группировками, происходящими между державами, и, ожидая от будущих европейских событий осуществления собственных планов, принимает по отношению к этим группировкам строго обдуманное и вполне определенное положение». И, наконец, отмечал, открытые высказывания папы против Тройственного союза, гарантирующего столь нежелательное для него статус-кво в Италии.

Из данного им краткого обзора положения «римского» или, как он считал его лучше определить, «папского» вопроса, Извольский делал вывод о том, что смерть Льва XIII и избрание нового папы станет весьма крупным событием для Европы. В свете этого было ясно, почему к нему «с некоторого времени всюду деятельно готовятся», а итальянское правительство открыто признает его первостепенную важность и влияние на его внешнюю и внутреннюю политику. В такой ситуации дипломат не сомневался в возникновении гораздо более острой борьбы «внутри и вокруг будущего конклава», чем это было в 1878 году.

Ознакомившись с этой частью записки, Александр III заметил: «Весьма обстоятельно составлена записка и вся депеша»³.

Вторую часть послания Извольский посвятил вопросу «об общих политических условиях, при которых должно состояться будущее папское избрание».

Прежде всего, он обратился к прошлому опыту — конклаву 1878 г., в первый раз состоявшемуся при установившемся в Италии новом политическом порядке. По поводу отношений Курии с итальянским правительством дипломат заметил, что со времени отказа папы принять изданный 13 мая 1871 г. «закон о гарантиях», которым определялись права Св. Престола по отношению к итальянскому государству, постоянной заботой последнего «было доказать европейским державам, в особенности католическим, с одной стороны, что закон этот вполне достаточен для обеспечения истинной свободы и независимости папы, а с другой — что королевство искренно намерено уважать сказанные гарантии, несмотря на протесты и неприязненные действия Курии». После смерти Пия IX руководители Италии отдавали себе отчет в важности проведения конклава в их стране, и приложили немало стараний, чтобы Священная Коллегия не приняла решения удалиться из Рима, согласно предсмертному желанию Пия IX.

Обратившись к самому конклаву, Извольский выделил несколько моментов, делавших его «весьма редким явлением в истории Римской Церкви». Это — его исключительная краткость (всего три дня — он собрался 18 февраля, а 20 февраля состоялось провозглашение нового папы) и «избрание личности, заранее указанной общественным мнением и почти сразу сделавшейся кандидатом значительного большинства». Из комплекса весьма сложных причин, повлиявших на избрание епископа Перуджи, кардинала Иоакима Печчи, он признает, «необходимость реакции против общей религиозной и политической системы Пия IX», а, главным образом, желания партии, искавшей почвы для примирения в той или другой форме с итальянским правительством. Свою роль, по его мнению, сыграла легенда об умении, с которым в самое трудное переходное время объединения Италии кардинал Печчи «сохранял дружествен-

ные отношения с итальянской властью, не поступаясь собственным достоинством». За либеральные взгляды, которые ему приписывались, Пий IX его не любил и «назначил его намерено камерленгом» (в переводе с итальянского — камерарием, казначеем папского Двора — *О.С.*), писал Извольский, потому что это «по давнишней традиции, должно было бы исключить его из числа кандидатов на тиару». Между тем в период междуцарствия, то есть после смерти Пия IX и до конклава, когда, в качестве камерленга он отвечал за внутренний порядок в Ватикане, он проявил, как твердость, так и такт. К избранию кардинала Печчи положительно отнеслось итальянское правительство и общество.

Особо Извольский остановился на определенном равнодушии, с которым к конклаву 1878 г. отнеслись европейские державы. Разъясняя эти причины, Извольский писал: «Всеобщее внимание было поглощено в то время важными событиями, совершавшимися на Балканском полуострове. Пий IX находился в прямо враждебных или натянутых отношениях почти со всеми государствами, не исключая католические. Римская Церковь казалась, как в религиозном, так и в политическом отношении, в полном упадке. Правительства, утомленные постоянными столкновениями между Церковью и государственной властью, вызывавшимися политикою Пия IX, не были нисколько расположены оказать помощь Ватикану в борьбе с Италией. Поэтому полученные королевским правительством уверения почти всех кабинетов о невмешательстве в вопросе папского избрания и желание видеть на Римском Престоле личность, склонную к примирению с Италией, могут считаться довольно искренними».

Что касалось российского правительства, то оно в 1878 г. «не только воздержалось, по своему обыкновению, от всякого воздействия на конклав, но оно даже не имело непосредственных сведений о его ходе и об обстоятельствах, его сопровождавших», по причине отзыва из Рима дипломатического агента при Ватикане Л.П. Урусова. Сведения, поступавшие в департамент духовных дел иностранных исповеданий от остававшегося там агента по духовным делам Григория Салвиати, были почерпнуты исключительно из клерикальных источников.

Даже о смерти Пия IX российское министерство иностранных дел узнало из письменной ноты итальянского посланника Костантино Нигра, извещавшей, что королевское правительство приняло все надлежащие меры для обеспечения нравственной и материальной свободы будущего конклава. А в депеше своему Двору от 8 февраля 1878 г. он сообщал, что во время аудиенции в тот день император выразил надежду, «что выбор кардиналов падет на личность, одушевленную примирительными и умеренными намерениями». Учитывая «печальный опыт» сношений с Пием IX, желание видеть более умеренного папу, писал по этому поводу Извольский, было «вполне понятным и искренним», но избрание Льва XIII состоялось «без всякого, хотя бы самого отдаленного, участия нашей дипломатии в этом событии».

Однако за 15 лет, прошедших со времени последнего конклава, многое изменилось. Римская Курия, «казавшаяся одно время, учреждением, почти умирившим», обрела при Льве XIII «неожиданный блеск, влияние и международное значение». Но и этим результатом далеко не исчерпывалась «вся сумма необыкновенно успешной деятельности Льва XIII, — подчеркивал Извольский и пояснял. — То, что в глазах католического мира слыло за унижение Римского Престола — потеря светской власти — при талантливой политике приемника Пия IX обратилось в главный элемент его влияния и возрождения. Руководствуясь соображениями высшего свойства, Лев XIII, вопреки ожиданиям избравшей его примирительной партии, не замедлил стать по отношению к Италии в точно такое же положение протеста, как и его предшественник». Говоря затем о разнице между «бесплодными *«non possumus»* ⁴ Пия IX и вполне ос-

мысленною системою нынешнего папы», Извольский подчеркивал понимание «проницательным умом» последнего, с одной стороны того, что «потеря горстки подданных, находившихся в состоянии хронического мятежа, и границы, охранявшейся лишь с помощью иностранных штыков, не может ослабить нравственного могущества Св. Престола», а, с другой — того, что “универсальный” характер этого Престола не позволяет ему принять за основание собственного существования внутренний итальянский закон, подверженный всяким случайностям и зависящий от того или другого настроения парламента».

Извольский видел немало указаний на то, что сам Лев XIII рассчитывал на появление в будущем международной политической комбинации, которая действительно обеспечивала бы полную независимость папской власти. По мнению дипломата, ее появление было явно «несовместимо с единством Италии, в том смысле, как оно понимается нынешним Итальянским королевством». Ведь интересы Курии и королевства слишком расходятся, так что между ними невозможно никакое серьезное соглашение. Курия будет всегда непримиримым врагом существующего политического устройства Италии, причем «врагом в высшей степени терпеливым», который поддержит любое движение внутри или вовне страны, угрожающее этому порядку, что является конечной целью Льва XIII.

В полном соответствии с пониманием этого «с обыкновенною итальянскою гибкостью, Ватикан покуда применяется ко всем фазисам внутренней политической жизни Италии, дозволяя католикам одно, воспрещая другое, допуская их к административным выборам, удерживая от политических, пользуясь каждою ошибкою итальянского правительства. Но в тот день, когда для Италии наступит какой-нибудь решительный кризис, можно, не ошибаясь, сказать, — говорилось в записке, — что папа явится одним из важнейших его участников». В подтверждение такого заключения Извольский ссылаясь на серьезно встревожившие умеренный лагерь Италии заявления папы в пользу республиканской формы правления. Он находил одновременно весьма правдоподобным выступление в данное время Ватикана на стороне республиканского движения в Италии, успех которого, вероятно, привел бы к желательному для папы распадению королевства и его переустройству на основах федерации. Итальянские государственные деятели «вполне отдают себе отчет в том, что конфискация папской области создала для монархии постоянного и трудно уязвимого внутреннего врага; многие из их откровенно признаются, что перенесение столицы в Рим было неисправимою ошибкою, последствия которой еще не исчерпаны; в случае, как внутренних затруднений, так и внешней войны, противник итальянской монархии, по выражению одного из здешних публицистов, непременно “отыграет папский козырь”».

Испробованные же итальянским правительством по отношению к Курии за последние 20 лет несколько систем не дали желаемого результата. Одинаково несостоятельными оказались «примирительная политика г-на Депретиса, антиклерикализм г-на Криспи, “лицемерный консерватизм” маркиза Рудини». Государственные деятели были вынуждены признаться в необходимости отказаться от официально провозглашенного принципа о полной свободе и независимости папы в стенах Рима в случае внутренних беспорядков или нападения извне. Но одновременно они были заинтересованы в сохранении за папским вопросом исключительно внутреннего, итальянского характера, в том, чтобы помешать вмешательству в него иностранных держав. А произойти это могло бы в случае изгнания или отъезда папы из Рима, или каких-либо насильственных акций в отношении Ватикана, что поставило бы «папский вопрос» на международную почву.

Полагая, что этот вопрос влияет на всю политику итальянского правительства, как внутри, так и вне страны, российский дипломат не сомневался,

что он сыграл «немаловажную роль в его решении примкнуть к Тройственному союзу».

Из всего изложенного Извольский делал вывод о первостепенном интересе для Италии перемены на Папском Престоле и неизбежных, со стороны ее правительства, попытках повлиять на выбор Священной Коллегии.

Что касалось политики Льва XIII, то он отмечал, что, встав в непримиримую позицию по отношению к Италии, папа направил усилия на то, чтобы восстановить дружеские отношения с правительствами, с которыми враждовал Пий IX. Одновременно он стремился поднять международное значение Римского Престола, сделать папский вопрос не чисто итальянским, а европейским. Именно для достижения этой своей стратегической цели он порвал с традициями Пия IX, примирился с государственной властью и стал другом правительств. «Самою эффектною и блестящею страницей этой деятельности» стало казавшееся совершенно невозможным примирение Курии с Германией, из которого Лев XIII извлек выгоды для римско-католической Церкви не только в Германии, но и для положения Папского Престола вообще.

Последовавшее затем смещение Льва XIII в сторону Франции Извольский находил «вполне последовательным действием». Поскольку он видел в Тройственном союзе гарантию существовавшего в Италии политического порядка и невозможность реализации его собственных планов, то полагал, что лишь с помощью Франции, ставшей в будущей борьбе противницей Италии, окажется возможным добиться изменения этого порядка. Отсюда — его враждебное отношение к Тройственному союзу и сближение с Францией, осложнявшееся тем фактом, что речь шла об антиклерикальной республике. Но Лев XIII с присущей ему «обычной его смелостью и твердостью» решил эту трудную задачу, открыто порвав с традицией союза католической Церкви во Франции с монархическими партиями. Он высказался через примаса Алжира кардинала Лавижери, возглавившего движение среди французского духовенства, в пользу открытого признания республиканской формы правления, а затем через своего статс-секретаря — за признание республиканской формы правления. Одновременно папа неизменно поддерживал реализацию традиционного права Франции покровительствовать католическим миссиям на Востоке, независимо от их национальной принадлежности. По этим причинам, полагал Извольский, Франция, не проявившая заинтересованности во время конклава 1878 г., теперь готова была принять активное участие в нем и тщательно разрабатывала план действия, который будет неизбежно опираться на ее право вмешательства в вопрос об избрании папы, так называемым правом «вето». Таким правом отвода при избрании папы по традиции пользовались три католические державы — Франция, Испания и Австрия.

Между тем, обладающая этим же правом Испания могла, считал Извольский, играть лишь второстепенную роль в силу особенности ее интересов, а ее голос важен лишь в плане поддержки той или другой из главных партий.

Что касалось Австро-Венгрии, то она была призвана играть важную и довольно трудную роль на будущем конклаве. Хотя после утраты своих итальянских владений ее интерес к избранию нового папы несколько понизился, однако она сохраняла неизменно дружеские отношения с Курией, в стране не существовало расхождений между Церковью и государством, а на Балканах Курия являлась ее естественною союзницей. Этим в значительной мере определялась ее позиция при избрании папы в 1878 году. Но после вступления на престол Льва XIII возник немаловажный вопрос о «возможном союзе католической Церкви с национальными стремлениями славян, проживающих на территории Австро-Венгрии». Это выразилось в поддержке и одобрении папой епископа Й.Ю. Стросмейера, под влиянием которого в 1886 г. была восстанов-

лена дарованная Бенедиктом XIV привилегия употребления древнеславянского языка в католическом богослужении в Черногории и началось движение в среде всего римско-католического духовенства. Это серьезно встревожило австрийское правительство, опасавшееся, что возросшее влияние Стросмейера в ватиканских кругах скажется и на выборах нового папы.

Кроме того, было очевидно, что немаловажным фактором, определявшим позицию Австро-Венгрии на конклаве, становилось ее членство в Тройственном союзе. Ведь оно налагало на нее обязательство ограждать интересы Германии и, в особенности Италии, в качестве единственной его участницы, обладающей влиянием на значительную часть Священной Коллегии и традиционным правом формально вмешиваться в ее решения, от которого она, судя по настроению и словам ее посла в Ватикане, не намерена была отказываться.

Общее заключение Извольский сформулировал следующим образом: «По поводу будущего конклава в Риме обнаружится весьма деятельная борьба между двумя главными влияниями и партиями: с одной стороны, явится партия “непримиримых”, ныне господствующая в Ватикане, в высшей степени враждебная итальянскому правительству. Заодно с нею будет действовать французское правительство и доверенные кардиналы французского правительства. С другой стороны, под покровительством, может быть, и не гласным, австрийского правительства составится партия, склонная к соглашению с Италией, резко враждебная французским интересам и подверженная косвенному влиянию всего Тройственного союза».

На эту новую часть записки дипломата Александр III отреагировал пометой: «Замечательно добросовестный и интересный труд»⁵.

Обрисовав ситуацию, сложившуюся на предыдущем конклаве, и высказав предположения об общих политических условиях, в которых состоится предстоящий конклав, и степень вероятного участия в этом событии наиболее заинтересованных держав, третью часть записки Извольский посвятил вопросу об обстоятельствах, касающихся конклава, которые, как он полагал, затрагивали интересы России. Конкретно в этой связи он ставил перед собой задачу найти ответ на следующие два вопроса. В какой мере избрание нового папы может иметь непосредственное отношение к государственным интересам России, и не следует ли со стороны России заранее принять какие-то меры предосторожности?

Как «всякое важное политическое событие, отражающееся на ходе европейских дел», предстоявшая перемена на Римском Престоле заслуживала, по его мнению, серьезного внимания российского правительства. Тем более, что речь шла «об избрании духовного главы нескольких миллионов католических подданных Империи, имеющего бесспорное нравственное и опасное влияние на развитие того польско-католического вопроса, который до сих пор еще составляет одну из труднейших наших государственных задач». Не ставя задачи рассмотреть «неисчерпаемую тему» отношений России к католицизму и Римской Курии, Извольский счел необходимым, оставаясь на чисто практической почве, постараться осветить вопрос о том, в чем заключалось в течение XIX в. участие российского правительства в событиях, сопровождавших конклавы. Сделать это он находил тем более важным, что в Риме сложилось преувеличенное представление о воздействии российских посланников при Папском Престоле на решения Священной Коллегии.

Свое суждение по этому поводу он основывал на официальных источниках, то есть на хранившейся в архиве миссии переписке. Из нее следовало, что, в соответствии с позицией полного невмешательства, императорское правительство неизменно предписывало своему представителю заявлять, что его единственным желанием «было видеть вполне независимое избрание достойного лица». Но вместе с тем в С.-Петербурге «имели полное основание рассчитывать

на нравственное влияние и личный вес» таких посланников, как А.Я. Италинский, князь Г.И. Гагарин и А.П. Бутенев, и «возможность пользоваться этим орудием сообразно с теми или другими требованиями нашей политики», — отмечал Извольский. При этом он ссылаясь на формулировку, содержащуюся в одной из депеш Италинским: «Основу моего плана поведения составляло бездействие, но не неспособность; я желал сочетать мое бездействие с поведением, которое посланник великого монарха должен всегда сохранять, чтобы дать почувствовать, что его влияние было бы значительно весомее, если бы он имел случай его осуществить».

На основании архивных данных и различных изданных за границей материалов, Извольский составил краткую историческую справку о пяти последних конклавах и сделал следующий вывод: положение и деятельность российских посланников всегда определялась общим направлением политики правительства, «причем их действия иногда не только проявлялись в осязательной форме, но и имели немаловажное влияние на исход избирательной борьбы». Особенно примечательными в этом плане были конклавы 1829 и 1830 годов. Хотя в силу политических обстоятельств российский посланник Гагарин занимал разную позицию в каждом из двух случаев, тем не менее, оба раза он деятельно помог достижению цели в первом случае французского, а затем австрийского коллеги. В 1878 г. во время конклава, как уже отмечалось, в Риме не было даже официального представителя России и министерство иностранных дел не могло не только оказать никакого влияния на ход этого события, но даже не получало о нем никаких сведений.

Общее суждение по поводу отношения России к конклавам Извольский формулировал так: «Едва ли нужно доказывать, что положение наше по отношению к римскому вопросу таково, что никакие положительные действия с нашей стороны в пользу какой-либо кандидатуры на Папский Престол, в одно и то же время и невозможны и нежелательны; у нас вряд ли могут даже быть категорические пожелания об успехе той или другой личности: между папскою властью и нашими государственными и национальными задачами существует коренная и неизгладимая противоположность, исключаяющая всякое помышление о возможности их действительного согласования; наше отношение к этой власти может носить лишь, так сказать, отрицательный характер. Поэтому, императорское правительство даже в ту эпоху, когда оно имело обыкновение принимать указанное косвенное участие в событиях конклава, никогда не имело в среде кардиналов собственных партий или кандидатов. Но, принимая за непреложную истину принципиальный антагонизм наш с Куриєю, остается широкое поле для политических комбинаций, осуществление которых может в значительной степени ослабить вред, наносимый нам Римом. Само папство, соединившее в себе идею духовной и светской власти, способствовало тому, что на деле никогда не был осуществлен столь опасный для нее отвлеченный идеал папской власти. Папа, как мелкий итальянский государь, поддавался самым разнообразным воздействиям извне и опыт научает нас, что если он когда-либо соглашался умерять свои абсолютные требования по отношению нашей государственной власти, то это всегда происходило вследствие заботы о своем политическом и светском положении».

Изменение положения папы в связи с утратой им светской власти, по мнению Извольского, не повлекло положительных для России перемен. Более того, полагал он, «Римский Первосвященник, как его представляет новая зарождающаяся здесь католическая школа, отрекшийся от притязаний на светскую власть, признавший совершившиеся в Италии политические перемены, движущийся в материальных пределах Ватикана под гарантиєю и защитою Италии, но пользующийся неограниченным владычеством над миллионами ка-

толических совестей, для нас неминуемо опаснее, нежели политический претендент, ищущий союзников и покровителей с целью вернуть себе утраченные области. Поэтому, существующее в настоящее время в Риме положение острой борьбы между Курией и итальянской королевской властью, должно быть признано, как наиболее для нас выгодное. При этом Льву XIII, сделавшему много для возвеличества всемирного значения католичества, мы должны, очевидно, предпочесть папу с более узкими взглядами, еще более проникнутого чисто политическими идеями, и занятого исключительно заботой об утраченных светских правах». Поэтому из двух главных партий, между которыми будет происходить борьба во время будущего конклава интересам России, — находил Извольский, — больше отвечала партия, определенная им «непримиримую», насчитывавшая в своих рядах больше кардиналов из Курии. Ибо по сложившемуся в Риме убеждению, при победе этой партии, на ком бы ни остановился окончательный ее выбор, «новый папа будет принадлежать именно к последнему типу, явится, так сказать, среднюю величиною между Пием IX и Львом XIII и скорее усилит, чем ослабит протесты последнего против Италии».

Подтвердив уже сказанное в предыдущей части записки о том, что французское посольство и его доверенные кардиналы выскажутся в пользу непримиримой партии, Извольский подчеркивал, что «хотя побуждения Франции, при этом, очевидно, не имеют ничего общего» с целями России, он не сомневался, «что наши и ее интересы по поводу будущего конклава вполне совпадают».

Что касалось личности папы, то главе непримиримой партии кардиналу Монако-ла-Валетта он находил предпочтительным кого-нибудь из второстепенных кандидатов этой партии, хотя полагал, что российское правительство гораздо больше должен занимать вопрос о том, кто займет пост государственного секретаря при новом папе. По его мнению, интересам России, например, отвечала бы комбинация, при которой этот пост был бы обещан кардиналу Винченцо Ваннутелли. Вероятно, Извольский исходил из благоприятного впечатления, произведенного кардиналом во время пребывания летом 1883 г. в России, куда он прибыл в качестве папского представителя на коронацию Александра III.

Признавая невозможность, с российской стороны, положительных пожеланий в пользу того или другого кандидата, Извольский считал необходимым привлечь внимание императорского правительства к серьезной опасности, которую представлял явно долженствовавший играть важную роль в ходе конклава кардинал Ледоховский, олицетворявший «идею слепой национальной вражды к России, соединенной с самым крайним религиозным фанатизмом». Во время конклава 1878 г. его влияние было весьма ничтожно, он был известен как сторонник борьбы, предпринятой Пием IX против государственной власти Германии; к партии, избравшей Льва XIII, он, очевидно, не принадлежал, а после примирительных шагов папы в отношении Бисмарка он отошел на второй план. Однако, этот «бывший познанский архиепископ, одаренный выдающимся умом и большой вкрадчивостью и ловкостью, устремил все свои усилия к приобретению влиятельного положения в среде высшего римского духовенства. С талантом славянина к иностранным языкам и гибкостью поляка, он вскоре сделался современным римлянином по речи, привычкам и связям, что не мешает ему, однако, быть центром и душой здешнего польского кружка. Объявив себя ревностным сторонником непримиримых идей по отношению к Италии, окончательно восторжествовавших в Ватикане, он мало-помалу возвратил себе выдающееся положение между приближенными папы и приобрел бесспорное влияние, как на Льва XIII, так и на статс-секретаря. Императорскому министерству хорошо известно, до какой степени это влияние беспрепятственно парализует исполнение возложенных на меня поручений», — писал дипломат.

По всеобщему убеждению, на будущем конклаве он будет играть «весьма важную роль», что было тем более прискорбно, что он принадлежал к партии, имевшей наибольшие шансы на успех, и победа которой была наиболее выгодна для России.

Сам Извольский считал совершенно невероятной, но не невозможной его кандидатуру на папский престол. Зато его влияние на ход избирательной борьбы и на различные комбинации Священной Коллегии для него не подлежало сомнению. Отказавшись от тиары для себя, он мог приложить все усилия для получения ее лицом, находившимся под его влиянием, или на назначение государственного секретаря, «вполне разделяющего его образ мыслей относительно польских дел». Чтобы противостоять этому, нужно было ослабить его влияние в самой партии, но «дело это весьма нелегкое, и я спешу признаться, что в собственных моих руках не имеется к тому абсолютно никаких средств», — сообщал Извольский.

Что касалось средств для обеспечения интересов России и возможности принятия каких-либо мер предосторожности ввиду предстоявшего конклава, Извольский должен был констатировать, что российский посланник будет вынужден ограничиться весьма скромною ролью и не будет располагать «никаким действенным оружием для защиты интересов» своей страны. Он сможет лишь наблюдать за ходом событий и своевременно информировать свое правительство о том, что могло для него иметь значение.

Однако, поскольку интересы России в отношении будущего конклава вполне совпадали с интересами Франции, а за последние три года у него установились близкие отношения с французским послом Лефевром де Бегэно, Извольский надеялся, что при открытии конклава сможет получать точные сведения о ходе дел. К тому же, хорошо зная о «личных взглядах и симпатиях» посла, Извольский не сомневался в его расположении принять во внимание пожелания и опасения российской стороны. Вместе с тем, он отдавал себе отчет, что этого было недостаточно, ибо Лефевру требовались соответствующие указания французского правительства, имея которые, посол «мог бы с полным доверием и без всякого опасения обсудить со мной, в данную минуту и сообразно с обстоятельствами, при которых откроется конклав, наилучшие средства предотвратить все, что покажется нам опасным», — полагал Извольский. Заранее ставя этот вопрос, он делал оговорку, что в интересах дела было не приступать к его рассмотрению слишком преждевременно, чтобы не дать повода к разглашениям, толкам или интригам. Учитывая, что конклав может оказаться еще не близким, он предлагал отложить приведение в исполнение этих соображений в случае их одобрения до сочтенного более удобным времени.

Ознакомившись с этой последней частью записки император начертал: «буду ждать заключений обоих министров внутренних и иностранных дел»⁶.

В депеше от 28 апреля 1892 г. Извольскому были сообщены заключения министра иностранных дел Н.К. Гирса. Он уведомлял, что его соображения «о значении для нас будущего конклава для избрания папы и об участии, которое предстоит принять нам в этом собрании», были рассмотрены в министерствах внутренних и иностранных дел и высказанный им взгляд «вообще одобряется». «Ожидаемая перемена на Римской кафедре имеет несомненное политическое значение, и мы не можем оставаться безучастными зрителями оной, — излагал он позицию российского правительства. — В наших интересах, чтобы с избранием нового главы католичества не изменились отношения, существующие в настоящее время между Курией и итальянскою королевскою властью. Поэтому папа, избранный из партии непримиримых, стремящийся, главным образом, вернуть утраченную политическую власть и ищущий с этой целью союзников, нам менее опасен».

Из выдающихся кардиналов этой партии Гирс признавал одну лишь личность Ледоховского, известного симпатиями к Польше и враждебностью к России, «для нас крайне неудобной и нам надлежит заблаговременно озаботиться об устранении его кандидатуры и умалении его влияния на будущем конклаве».

Министр признавал справедливость замечания Извольского о том, что за отсутствием средств непосредственного воздействия на будущий конклав желательно было заручиться поддержкой французского посла, тем более что интересы Франции по этому вопросу представлялись совпадавшими с интересами России ⁷.

А в отчете о деятельности министерства за 1891 г. прямо указывалось, для решения какой конкретной задачи мог быть полезен французский посол. Ею было признано устранение возможности выбора в папы Ледоховского, который был, «хотя и мало вероятен, но не может считаться вполне невозможным» ⁸.

Свое заключение министр внутренних дел И.Н. Дурново представил в форме всеподданнейшего доклада от 23 сентября 1891 года. Он разделял мнение Извольского о том, что «наше правительство, не будучи заинтересованно ближайшим образом в предстоящем избрании преемника папе Льву XIII и не имея непосредственного влияния на это избрание, тем не менее, не может отнестись безразлично к такому акту уже по одному тому, что в среде русских подданных насчитывается до 10 миллионов католиков». Он был согласен и с тем, что «наиболее желательным, с нашей точки зрения, кандидатом на папскую тиару являлся бы кардинал, принадлежащий к партии “непримиримых”». Будучи глубоко убежден в том, что, кто бы ни был папой, правительство его не отрешится от стремления поддерживать в наших подданных, путем религии, национальные сепаратистские идеи, я не могу, вместе с тем не признать, — писал министр, — что названная партия, по составу своему, представляет более гарантий к умеренному в этом отношении образу действий. Вышеизложенное не может, несомненно, относиться к кардиналу Ледоховскому, польские симпатии которого и враждебность к нашему правительству достаточно известны». Признавая желательным устранение этого кардинала, соглашаясь с указанным Извольским способом воздействия на конклав через Лефевра де Бегэно и находя его «единственно удобным», министр, однако, затруднялся высказать свое «заключение по сему вопросу, так как окончательное его разрешение, в том или другом смысле, может быть, известно министерству иностранных дел».

Резолюция императора на докладе гласила: «Об этом еще переговорим» ⁹.

Со своей стороны, Дурново нашел, чем может помочь и его министерство Извольскому. Поскольку у него будет необходимость получать для сообщения правительству сведения о происходящем на конклаве, в условиях отсутствия на нем представителя от римско-католических епархий России, он будет вынужден прибегать к «тайным услугам разных лиц, имеющих то или другое отношение к конклаву, оплата коих вызовет, несомненно, значительные расходы». При этом, однако, требовать предоставления отчетности в таких расходах «едва ли удобно, а иногда и прямо невозможно». Поэтому министр испрашивал у императора разрешения на предоставление в безотчетное распоряжение Извольского двух тысяч пятисот рублей из остатков от доходов института Св. Станислава в Риме, которых числилось на то время пять тысяч рублей. Александр III дал свое согласие ¹⁰.

Новый повод для оценки возможностей Ледоховского на конклаве дало Извольскому неожиданное его назначение на один из самых важных постов римской иерархии — префекта конгрегации Пропаганды веры. Он (донесение от 8 марта 1892 г.) посчитал несовместимым с достоинством российского правительства вступить в обсуждение с государственным секретарем кардиналом

Мариано Рамполла назначения на такой пост «известного и страстного врага России». Но кардинал сам дал ему разъяснения через французского посла, которому поручил передать, что в этом назначении не следовало видеть враждебных намерений Св. Престола, поскольку префект этой конгрегации не имеет никакого отношения ни к обсуждаемым на переговорах с Извольским вопросам, ни, вообще, к российским делам. «То же самое передал мне вчера Монтебелло, французский посол в России», — заметил Гирс на донесении.

По существу Извольский и сам весьма трезво оценил это событие. Он обращал внимание Гирса на то, что произошедшее назначение обрело особую значимость в связи с возможной близостью будущего конклава, поскольку пост префекта конгрегации Пропаганды веры воспринимался часто ведущим к папскому престолу. Вместе с тем он не считал, что шансы Ледоховского на избрание особенно увеличились, тем не менее, для него было очевидно, что он явно обретал возможность играть еще более важную роль при избрании будущего папы¹¹.

До того как оставить в начале 1897 г. свой пост в Риме, Извольский еще дважды возвращался к теме конклава, что диктовалось состоянием здоровья понтифика. В депеше от 4 января 1896 г. он по существу лишь повторил изложенные в записке соображения и признал их сохраняющими силу. «Взаимное положение партий, соответствующая ему группировка иностранных держав, наши специальные интересы, — все это представляется мне не только в том же свете, но, пожалуй, еще более резко обрисованным, а увеличивающаяся с каждым днем дряхлость Льва XIII, более чем когда-либо, выдвигает на первый план всеобщую заботу о конклаве», — подчеркнул он.

Не меняя своего мнения относительно бесполезности оценки отдельных кандидатов, Извольский и на этот раз предпочел ограничиться общей характеристикой борющихся партий. Он особо подчеркивал значительное усиление «непримиримой партии», по причине того, что открывавшиеся кардинальские вакансии замещались по преимуществу сторонниками статс-секретаря. В то же самое время «либеральная партия», к которой принадлежало большинство кардиналов, занимающих итальянские епархиальные кафедры, приобрела «нескольких выдающихся по своему таланту членов, таких как Свампа (Болонья), Феррари (Милан). Число иностранных кардиналов увеличилось на два, но соотношение их с числом итальянцев осталось почти прежним. После предстоящего возведения в кардинальский сан четырех нунциев, Священная Коллегия станет почти полностью укомплектованной, потому что останется всего две вакансии, которые по традиции всегда должны быть, чтобы новый понтифик «тотчас имел в распоряжении, по крайней мере, три шляпы».

Извольский не скрывал своего удовлетворения по поводу серьезной перемены в положении кардинала Ледоховского, поскольку в отношениях между ним и папой наступило значительное охлаждение «вследствие разномыслия по восточно-униатским делам», что в свою очередь отдалило его от Рамполла, чем не преминули воспользоваться сторонники «примирения» и Тройственного союза. В 1891 г. его сближение с Германией представлялось невозможным, а теперь — это совершившийся факт. Одновременно, хотя не исключительно по этой причине, возникли серьезные разногласия между ним и французским посольством, недовольным отношением конгрегации Пропаганды веры к французскому протекторату над католическими миссиями на Востоке. Что касалось специально российских интересов, Извольский был по-прежнему убежден, «что для нас весьма желательно своевременно озаботиться о том, чтобы лишить кардинала Ледоховского, всяких, даже самых отдаленных шансов, на избрание и, вообще, по возможности, ослабить его влияние на конклав. Задача эта ныне

представляется мне несколько более легкою, чем 5 лет тому назад, вследствие вышеописанной мною перемены в положении этой личности».

Что касалось такого важного изменения в отношениях России со Св. Престолом, как произошедшее в 1894 г. восстановление дипломатического представительства России при Ватикане, то он вынужден был признать, что оно «не дает нам в руки никакого нового средства воздействия». Поэтому по-прежнему единственный способ оградить себя от этой опасности он видел в том, чтобы вступить в соглашение с Францией, интересы которой в этом вопросе, как и раньше, совпадали с интересами России¹².

В последний раз к проблеме предстоявшего конклава Извольский обратился непосредственно перед отъездом из Рима в депеше от 16 февраля 1897 г. и сделал это, по собственному признанию, вследствие сознания того, что на нем «лежит ответственность за всякий вред, могущий произойти для государства от недостаточного освоения настоящего вопроса»

Он напоминал о заинтересованности России в победе на конклаве партии «непримиримых». И вновь подчеркивал, что разделение членов избирательной коллегии на «непримиримых» и «умеренных» указывало на разницу не их религиозных воззрений, а на расхождения в чисто политическом вопросе отношения Курии к Итальянскому королевству. Умеренная же партия имеет на своей стороне симпатии держав Тройственного союза и, вероятно, выставит одного из епархиальных кандидатов. Защита интересов Италии и всего Тройственного союза падет на Австро-Венгрию, располагающую голосами своих коронованных кардиналов и пользующуюся правом исключать неугодного ей кандидата на тиару. «Непримиримую» партию поддерживает Франция, пользующаяся также правом вето. К ней принадлежат все кардиналы, «симпатизирующие России и склонные продолжать по отношению к нам доброжелательную политику Льва XIII». Ее кандидат будет выбран из кардиналов Курии. Между этими двумя партиями «стоит кардинал Ледоховский, кандидатура которого должна считаться для нас, — писал он, — безусловно, нежелательной и самое влияние которого на конклав, с нашей точки зрения, крайне опасно».

Хотя в общих чертах положение с января 1896 г., когда Извольский излагал свою программу действий, осталось прежним, по его мнению, в пользу России произошло серьезное изменение. Поддерживавшая Тройственный союз партия понесла весьма чувствительные потери со смертью нескольких кардиналов. Партия непримиримых, то есть сторонников Франции, напротив, пополнилась несколькими «крупными личностями, сознательно проведенными в Священную Коллегию кардиналом Рамполла». Более того, в этой партии образовалась целая группа, особо интересовавшаяся сношениями с Россией, и открыто проявлявшая дружеские чувства к ней.

Положение кардинала Ледоховского серьезно покачнулось, его влияние постепенно падает, правда, ему удалось вернуть себе расположение Германии и Австро-Венгрии, но в отношении Франции и группы римских кардиналов он занял недружественную позицию.

Исходя из изложенного, Извольский шел к заключению, «что не только предложенная мною программа остается в полной силе, но есть основание несколько более чем прежде рассчитывать на согласный с нашими видами исход конклава».

Вновь вернувшись к факту учреждения три года назад российской миссии в Риме, он признавал, что это несколько изменило ситуации. Оно, «конечно, несколько усилило наше влияние в Ватикане, и от умения и такта нашего представителя будет зависеть оказать некоторую нравственную поддержку той или другой группе кардиналов», писал он, но одновременно был вынужденным признавать крайнюю недостаточность этого. Он указывал на единственный способ, могущий обеспечить интересы России, — это предварительное согла-

шение с французским правительством, с которым «у нас существует по этому вопросу полное тождество взглядов и целей». Он надеялся, что депеши Лефевра, разделявшего его взгляды, несколько подготовили в этом отношении французское правительство. Он сожалел об отозвании этого опытного и искусного дипломата, что значительно ослабило влияние Франции в Ватикане. Тем не менее, он не сомневался, что французское правительство в существующих условиях «захочет и сумеет в широкой мере воспользоваться имеющимися в его распоряжении средствами воздействия на избрание будущего папы; а при существовании между этим правительством и нами нынешних тесных и доверчивых отношений, мне кажется, что в Париже не откажутся предписать французскому послу при Ватикане действовать по этому случаю в полном согласии и единении с русским министром-резидентом»¹³.

Вопросу об избрании нового папы было отведено значительное место в инструкции от 5 июня Н.В. Чарыкову, сменившему Извольского в Риме. В ней тот факт, почему «вопрос об избрании нового папы самым существенным образом затрагивает наши интересы», объясняли, ссылаясь на опыт переговоров его предшественника, позитивный результат которых в «значительной степени зависел от личных качеств и взглядов первосвященника». Затем следовали уже известные из депеш Извольского разъяснения причин желательности для России победы «непримиримой» партии. При этом особо подчеркивалось, что в нее входили «все кардиналы, сочувствующие России и согласные продолжать доброжелательную по отношению к ней политику Льва XIII, а в последнее время среди этой партии образовалась даже целая группа, специально интересующаяся сношениями с Россией, и открыто нам дружественная».

Отмечалось определенное усиление влияния России с учреждением миссии в Риме, вследствие чего оказание Чарыковым «нравственной поддержки той или другой группе кардиналов может подействовать на исход конклава». Но, тем не менее, вновь приходилось признать, «что в виду отсутствия в непосредственном нашем распоряжении средств воздействия на папское избрание, вернейшим способом для обеспечения наших интересов является предварительное соглашение с французским правительством, с которым у нас существует по этому вопросу полное тождество взглядов и целей». Перед Чарыковым ставилась задача «установить основы соглашения по этому вопросу». В С.-Петербурге учитывали, что почти все население Франции исповедует римско-католическую веру, и она гораздо больше заинтересована в избрании на папский престол отвечающего ее интересам лица, чем Россия, имеющая сношения с Курией исключительно из-за подданных Царства Польского и западных областей России. Поэтому там находили уместным предоставить инициативу в этом деле французскому правительству, «предупредительно оказывая ему совместимую с нашими интересами поддержку»¹⁴.

При первой же беседе с французским послом Пубеллем Чарыков приступил к исполнению предписаний инструкции. Об итоге он сообщал депешей от 6 июля. Из обстоятельного разговора с ним Чарыков пришел к следующим выводам «относительно его взгляда, как на общий характер наших отношений на римской почве, так и, в частности, на вопрос о будущем конклаве».

Находя здоровье папы настолько хорошим в данное время, что нельзя исключить, что «кончина Его Святейшества не застанет в Риме уже» ни его, ни Чарыкова, Пубелль считал, что, тем не менее, двум правительствам следовало бы договориться по этому вопросу, в котором интересы Франции значительнее таковых России.

Посол полагал, что на практике «наше взаимодействие могло бы выразиться обоюдным осведомлением относительно кандидатур на Папство, которые возникали бы среди сторонников Тройственного союза».

Чарыков, со своей стороны, известил посла о предписании действовать совместно с ним и просил его располагать им в случае необходимости. На последовавшее затем его замечание о вероятном сохранении Францией за собой в полном объеме исторических прав во время конклава, Пубелль поведал ему о сделанном некоторое время тому назад «окольным путем» Рамполла сообщении о желательности для Св.Престола, чтобы французское правительство отказалось от исключительного права и тем подало бы пример прочим государствам, находящимся в сходном положении. Ибо таким путем было бы утверждено и обеспечено начало «свободного» конклава. Но, по мнению посла, даже в случае отказа Франции от этого права, у нее не было никакой гарантии в таком же решении Австро-Венгрии.

Находя эту проблему очень сложной, Чарыков считал тем более желательным достижение договоренности по этому поводу между правительствами Франции и России. Для такого обмена мнениями, полагал он, можно было бы воспользоваться предстоявшей поездкой в С.-Петербург французского министра иностранных дел Габриеле Аното.

Посол не высказал отношения к самому этому предложению, и осталось неясно, даст ли он ему дальнейшее развитие, но проявил большой интерес к выяснению способа воздействия на конклав российского правительства, не имевшего своих кандидатов.

Чарыков разъяснил, что эти способы носят лишь нравственный характер, но что в Курии имеются лица, весьма заинтересованные в положении римско-католической Церкви в Российской империи, в частности, в Польше. «Если этим лицам будет известно, что, содействуя избранию кандидата, пользующегося сочувствием Франции, они будут тем самым способствовать упрочению и на время правления будущего папы того благоприятного положения католической Церкви в России, которое достигнуто благодаря политике Льва XIII, то соображение это, вероятно, будет не лишено значения», — сказал он¹⁵.

Хотя, по причине удовлетворительного состояния здоровья папы, вопрос о конклаве не стоял на повестке дня, Чарыков весной 1898 г. считал небесполезным продолжить при удобном случае обмен мнениями по этому поводу с французским послом. И должен был признать, что предложения Пубелля, особенно после недавнего пребывания в Риме новых французских кардиналов, стали более определенными. Он, по-прежнему, считал вопрос о личности папы важным не только для «сплошь католической» Франции, но и для России. А посему находил желательным для обеих стран, чтобы преемник Льва XIII, «по возможности, следовал направлению, выражающемуся в области внешней политики, главным образом, в том, что он чуждается Тройственного союза и оберегает свою независимость от короля Италии». Оценивая деятельность нынешнего папы, посол видел его главную заслугу в том, что он отделил политику от религии, поставив последнюю вне зависимости — во Франции от династических вопросов, а в России — от польских противогосударственных притязаний».

Тактика на будущее французской стороны представлялась Чарыкову следующим образом: не намечая своего кандидата, опереться на кардинала Рамполла, предоставив ему организацию этого дела соответственно обстоятельствам, а также возможность располагать голосами французских кандидатов и влиянием французского правительства. Эта тактика и расчет на ее успех основывались на том, что кардинал Рамполла был носителем идей Льва XIII, и вокруг него существовала сплоченная группа кардиналов, большинство которых составляли итальянцы, назначенные нынешним папой, а также испанцы, с которыми у кардинала сохранились прочные связи со времен, когда он был нунцием в Мадриде. К тому же к этому лагерю, по мнению Пубелля, должны

были примкнуть те кардиналы Англии и Америки, которые «желают видеть в Папстве не узко итальянское, а мировое свободное учреждение».

Чарыков согласился с Пубеллем, что для Франции этот вопрос имеет большее значение, чем для России, заверил, что их интересы совпадают, и что ему было поручено оказывать послу полную поддержку.

Николай II одобрил шаги Чарыкова: «Все, что он пишет, мне кажется справедливым»¹⁶.

Как следует из доверительного письма министра иностранных дел М.Н. Муравьева от 19 апреля 1898 г., в С.-Петербурге положительно отнеслись к высказанной французским послом мысли о том, чтобы заручиться содействием такого влиятельного лица, как кардинал Рамполла, для выбора лица, удовлетворяющего С.-Петербург и Париж, не намечая заранее кандидата на Св. Престол. «Не имея лично шансов на тиару, и будучи в то же время проникнут направлением папы Льва XIII в смысле строгого разграничения политики от религии, — говорилось в письме, — кардинал статс-секретарь может служить ценным сотрудником для поддержания желательной для нас кандидатуры».

Информируя Чарыкова о данном российскому послу в Париже предписании подготовить почву для солидарных действий двух правительств на будущем конклаве, министр предписывал ему самому путем переговоров с Пубеллем «выработать такую программу, которая представляла бы в известном смысле, наибольшие задатки успеха в смысле преследуемых нами целей»¹⁷.

Получив эти указания Муравьева, Чарыков постарался, прежде всего, осторожно прозондировать кардинала Рамполла, воспользовавшись прекрасными с ним отношениями, и смог с удовлетворением констатировать проявленную им большую открытость, чем французским послом в беседах с ним. Заверив в искреннем сочувствии политике Льва XIII, проводимой Рампола, в беседе с кардиналом Чарыков выразил озабоченность, которую разделяло и французское правительств, по поводу того, не изменится ли проводимая политика «при неизбежной, хотя и через много лет, перемене лица, занимающего папский престол». Кардинал, сосредоточенно его слушавший, ответил, что, «видя папу близко и работая с ним каждый день, он уверен, что правление Льва XIII продолжится еще долго». Однако он не уклонился от обсуждения поставленного вопроса. «Мы желаем развивать еще больше и укреплять нынешние отношения с Россией и Францией», — сказал он, в частности. А в ответ на слова Чарыкова: «мы доверяем лично Вам и Вашему здравому смыслу и желаем вместе с Францией, чтобы при новом правлении нынешняя политика продолжалась», последовали заверения: «она продолжится».

Чарыков знал, что «страстная и увлекающаяся натура сицилианца, которая у кардинала скрыта под вылощенным обликом ватиканского дипломата, заставляет его иногда принимать желаемое за существующее». Тем не менее, он вынес из разговора с ним впечатление, что кардинал «связал свою политическую будущность с программой Льва XIII, что он трудится над этой задачей и надеется на успех, и даже, что он — и в этом крылась бы слабая сторона его планов — считает как будто возможной свою собственную кандидатуру».

Со своей стороны, Чарыков полагал: «как бы ни сложились обстоятельства в будущем, сочувствие наше кардиналу статс-секретарю в этом капитальном вопросе может лишь послужить на пользу нашим обыденным делам и сношениям с Курией».

В ходе последовавшей после этого разговора беседе с Пубеллем Чарыков изложил суть доверительного письма Муравьева и поделился впечатлением, вынесенным из беседы с кардиналом. Затем он высказал пожелание, чтобы Пубелль во время предстоявшей, по семейным делам, поездки в Париж исполнил инструкции по поводу программы действий на конклаве, учитывая состо-

явшийся предварительный обмен мнений. Пубелль поведал о своем намерении сделать это. В ходе беседы выяснилось, что посла особо занимал вопрос о намерениях германского правительства, которое, по его словам, «не остановится ни перед какими — даже денежными — средствами, лишь бы достигнуть избрания лица, соответствующего его интересам». Посол рассчитывал получить информацию на этот счет от Чарыкова, который был вынужден признаться, что не располагал таковой¹⁸.

Новым свидетельством позиции российского правительства в вопросе о конклаве стала инструкция от 21 января 1901 г., данная новому министру-резиденту при Св. Престоле К.А. Губастову. В ней, в частности, обращалось особенно серьезное внимание «на угрожающую со дня на день возможность утраты Римской Церковью ее нынешнего, просвещенного и миролюбивого Первосвященника, личные качества коего в значительной степени способствовали установлению между нами и Курией правильных и доверчивых отношений». В случае конклава Губастову предписывалось воспользоваться указаниями, содержащимися в инструкциях, данных его предшественникам Извольскому и Чарыкову. Ему указывалось на необходимость «заранее подготовить почву для совместного с французским представителем при Ватикане действия», дабы при выборах нового папы «с наибольшим успехом содействовать выбору кандидата, соответствующего нашим интересам. По имеющимся сведениям, Тройственный союз заблаговременно принимает меры к обеспечению тиары за одним из тех кардиналов, партия коих сочувствует его видам. Поэтому и Вам надлежит, не теряя времени, установить с Вашим французским товарищем программу действий, постепенно подготавливаясь к защите наших интересов на новом конклаве».

Для большей убедительности ссылались на два случая, когда правительство «косвенно влияло иногда на избрание именно тех кандидатов, которых мы находили желательными. Так, например, на конклаве 1829 года кардинал Кастильони (Пий VIII) обязан был своей победой поддержке, которую наш посланник в Риме, князь Гагарин, оказал французскому послу Шатобриану. На следующем конклаве кардинал Капеллари (Григорий XVI) был избран также благодаря нашему содействию. Так как, по изменившимся политическим обстоятельствам, мы в то время вошли в виды австрийского правительства».

Считая излишним делать предположения относительно конкретных лиц, избрание которых было бы желательным (учитывая тот факт, что группировка партий в Ватикане меняется очень часто), в С.-Петербурге находили для себя принципиально важным лишь помешать выбору кандидата из польского лагеря. И выражали желание, чтобы выбор пал на представителя «непримиримых» по отношению к Италии партий¹⁹.

Летом 1903 г. поводом для усиления внимания к предстоявшему конклаву и для размышлений Губастова над связанными с этим проблемами послужила болезнь папы. В обширной депеше от 18 июля 1903 г. он подробно остановился на перспективах взаимоотношений Ватикана с итальянским государством. Он разделял положения записки Извольского о невозможности для Св. Престола в силу его универсального характера принять за основание своего существования закон о «гарантиях» и несовместимость любой формы примирения с Италией, вследствие чего интересы Курии и королевства резко расходятся и никакое серьезное соглашение между ними немыслимо. Он также напоминал о соображении Извольского о борьбе на конклаве двух партий: «непримиримой», которая избрет своего кандидата из среды кардиналов Курии, и «умеренной», которая выдвинет одного из епархиальных кандидатов. Губастов признавал, что общие соображения Извольского, изложенные в записке, сохраняли свою ценность, несмотря на прошедшие 12 лет со времени ее написания, и «невзирая на

то, что все почти кардиналы, слывшие тогда за *parabill* (могущих быть избранными папой — *O. C.*), умерли».

Он напоминал и о положении инструкции Чарыкову, говорившей о желательности для России победы на выборах «непримиримой» партии, пользовавшейся поддержкой Франции, в то время, как «умеренная» партия будет пользоваться симпатиями держав Тройственного союза.

Однако в эти положения он считал нужным внести диктуемые новой ситуацией некоторые уточнения. Так, в данное время становилось вполне очевидным, что вероятными кандидатами, как Франции, так и держав Тройственного союза, скорее всего, будут принадлежащие к Курии кардиналы, причисляемые Извольским к партии «непримиримых». Губастов представил министру некоторые, как он сам признавался, ... не лишённые интереса соображения в доказательство того, что новый папа, будет ли он избран из среды непримиримых или умеренных, по самой силе вещей, будет неуклонно следовать в вопросе о признании существующего порядка в Италии непримиримой политики своих предшественников».

Поясняя свои соображения, он ссылаясь на принятое издавна католической Церковью правило избегать всевозможных раздоров и соперничества на национальной почве, а посему комплектовать свой высший персонал из нейтральных элементов. Это касалось, прежде всего, итальянского элемента, не возбуждавшего ни зависти, ни подозрений у иностранных правительств. До возникновения единого государства итальянские интересы для папства были так ничтожны, что итальянские кардиналы воспринимались католиками исключительно в качестве служителей Церкви, а их принадлежность по рождению к одному из мелких итальянских государств Апеннинского полуострова «не внушала никому и тени подозрения; происхождение это было совершенно безразлично.

Быть итальянцем означало для французов, для немцев, для испанцев и др. обладать ценным отрицательным качеством, не принадлежать ни к одной из соперничающих наций. Итальянский кардинал был только кардиналом. То же соображение применялось и к папе».

Сохраняющееся до сих пор значительное преобладание итальянцев в коллегии кардиналов создавало большое преимущество для католической Церкви, «избавляя ее от внутренних раздоров в эпохи национальных распрей, как например, в настоящее время, в виду происходящей борьбы французской нации с германской».

С другой стороны, Губастов привлекал внимание к роли папства в истории итальянских народов, которая была «не только не патриотической, но зачастую весьма неблагоприятной». Ведь оно ссорило между собой мелких правителей, обращалось за помощью к иностранным государям и делало это, чтобы «помешать объединению Италии, из опасения потерять светскую власть, и из боязни проявления враждебных себе национальных политических итальянских стремлений».

После образования Итальянского королевства «первою заботой папства было приискать какое-либо, хотя бы временное средство, избавляющее его от наступившей для него опасности». Им стал разрыв с королевством, который выразился в добровольном заключении папы и в периодически появлявшихся речах и газетных статьях, в настояниях о восстановлении светской власти пап.

В случае примирения Ватикана и Квиринала ситуация с численным преобладанием итальянцев в высшей церковной иерархии должна будет резко измениться, ибо оно возбудит недовольство католических стран, которые потребуют более справедливого распределения должностей в церковной иерархии. Кардинал или нунций — итальянец не будет больше восприниматься католика-

ми, как нейтральное высшее духовное лицо, они увидят в нем также патриота-итальянца. Развиваясь, эта зависть постепенно во всех католических странах «приведет, несомненно, к требованиям о более справедливом распределении высших должностей в церковной иерархии, по количеству католического населения в государствах».

Исходя из этих соображений, Губастов приходил к заключению, что «новый папа, независимо от его личных взглядов и убеждений, принадлежности к умеренной или противной ей партии, не решится вступить на опасный путь примирения с Королевством. К этому его не допустят окружающие его кардиналы и католические державы, желающие иметь папу — итальянца, но при одном непременном условии, чтобы он оставался в открытой, но тупой и пассивной вражде с итальянским правительством», — писал он.

Наряду с таким моментом психологического свойства, побуждающим папство пребывать во враждебных отношениях с Королевством, по мнению Губастова, существовали и другие, из которых главным являлось сокращение доходов. Размеры жертв, приносимых католиками папе, бывшему «ватиканским узником», лишенным средств к существованию, значительно сократится, а затем и прекратится, как только он перестанет быть узником, а станет свободным папой, получающим ежегодную сумму на свое содержание от итальянского правительства.

Губастов откликнулся на утверждения римских газет о том, что, будто бы многие кардиналы осознавали, что папство обязано принять во внимание перемены, происходившие в современном обществе, в его воззрениях и стремлениях, а потому считавших, что новый папа, «кто бы ни был, не в силах будет держаться программы, установленной Пием IX, и которой мог еще следовать Лев XIII». Он признавал возможность высказывания некоторыми кардиналами подобных общих соображений. Но при этом, предполагал он, вероятно, они «не договаривают вполне своей мысли и те уступки, которые новый папа, пожалуй, и сделает духу времени, окажутся вовсе не те, на которые надеются итальянские журналисты и их единомышленники». Не боясь ошибиться, он считал возможным утверждать, что, «если не выберут на папский престол случайно какого-нибудь чудака или оригинала, как Орелья, все прочие кандидаты — Готти, Ваннутелли, Альярди, Ди Пьетро, не говоря уже о Рамполла, — будут придерживаться в общем направлении политической деятельности главнейших течений, установленных Львом XIII»²⁰.

В депеше, направленной на следующий день, 19 июля, Губастов довел свои соображения до логического конца. Он напоминал о признании того, что, в виду отсутствия у российского правительства средств воздействия на избрание папы, единственным способом обеспечения российских интересов было достижение соглашения с французским правительством, кандидаты которого «будут и нашими».

Если считать основательными доводы, изложенные им в предыдущей депеше, то нужно было признать не отвечающим действительности сделанное произвольно Извольским разделение Священной Коллегии на две партии: непримиримых по отношению к итальянскому правительству и умеренных, склонных к соглашению с ним. А также согласиться с тем, что новый папа обязательно пойдет по пути, установленному его предшественником. Взглянув на проблему «без предвзятого намерения угодить нашей союзнице», то есть Франции (в чем он, таким образом, обвинял Извольского), а с точки зрения интересов России, Губастов утверждал, «что, если бы существовали теперь эти партии на самом деле, то для нас было бы, кажется, естественнее желать избрания не кардинала di Curia (то есть поддерживаемого Курией — О.С.), а, напротив, именно такого, который бы постарался устроить соглашение с Италией и через

это умалил бы значение Папства, лишил бы его поддержки католических государств и внес бы в Римскую Церковь небывалые еще в ней национальные раздоры». Даже если бы такой кардинал принадлежал к партии «умеренных» и был кандидатом держав Тройственного союза, можно было бы «с этим обстоятельством легко примириться».

Переходя от теории к практике, Губастов признавал счастливой случайностью, что наиболее желательный для французских правительственных и общественных сфер кандидат является одновременно лицом, пользующимся и наибольшими симпатиями в России, имея в виду кардинала Рамполла. Допуская, что он не сможет победить на выборах, Губастов надеялся, что со своими сторонниками он станет «одним из влиятельнейших избирателей и, конечно, постарается провести на Папский Престол кого-либо из своих единомышленников».

Он сожалел, что газеты уже оповестили всех, что Рамполла является «излюбленным» кандидатом российской стороны. Дело в том, что какой-то российский дипломат заявил об этом редактору берлинской «Tageblatt». К тому же, в «Новом времени» появилась статья «Лев XIII и кардинал Рамполла». В ней перечислялись оказанные последним услуги России. Разумеется, что римские газеты поспешили на видном месте поместить перевод этих статей.

Губастов находил, что правительство России занимает по отношению к Папству исключительное положение, ибо ее государственный механизм не требует, как это происходит, например, в Германии, поддержки со стороны католического элемента, и лишь в вопросе назначения епископов Курия принимает участие в государственной жизни России. Он признавал, что поддержка папы была очень важна в разрешении проблем Польши. А посему, «когда на Папском Престоле такой искусный политик, как Лев XIII, решающийся отрешиться от узких взглядов традиционного ватиканизма и стать на сторону русской государственной власти, то наше правительство силою вещей идет ему навстречу и поддерживает с Курией дружественные сношения». Поэтому Губастову казалось, что «мы, можем совершенно хладнокровно выждать результата избрания. Даже самый нежелательный для нас выбор может иметь более невыгодные последствия для самой Курии, чем для русского правительства»²¹.

Наконец, ситуация с конклавом полностью прояснилась. Известив накануне телеграммой о кончине Льва XIII на 94 году жизни, в депеше от 21 июля 1903 г., Губастов отмечал: «Лев XIII займет, конечно, одно из видных мест в истории не только всех пап, но и государей XIX века. Он не был в строгом смысле церковник и лично отличался всегда некоторой сухостью и суровостью, но, превосходно понимая и зная политику, он оказал необыкновенную услугу Римскому Престолу тем, что сумел возвысить международное его значение, возратить ему почет, блеск и влияние, утраченные силою исторических обстоятельств и личными ошибками его предшественников... За долголетнее управление папы Льва XIII коллегия два раза возобновила полностью состав свой... В настоящее время в ней 64 члена, но ни один из них не приближается к покойному по уму или характеру, и ни на кого нельзя указать, как на достойного его преемника и продолжателя его предначертаний»²².

Избрание нового понтифика заняло немного времени. 5 августа Губастов сообщил об избрании на седьмом туре голосования папой патриарха Венеции, кардинала Иосифа Сарто, принявшего имя Пия X. В этом Губастов увидел указание, «что он скорее желает взять себе в образец не Льва XIII, стяжавшего себе славу как политика, а Пия IX, занимавшегося догматическою стороною католичества»²³. В своем прогнозе российский дипломат не ошибся.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 04-01 — 00040 а).

1. Обнародованным 8 декабря 1864 г. приложением к энциклике «Куанто кура» «Силлабусом» был нанесен сильный удар папством либеральным католическим течениям, попыткам теоретически примирить католическую веру с философией того времени и, особенно, с либеральной политической доктриной.
2. Его полное название «Закон о гарантиях прерогатив Верховного Первосвященника и Святого Престола и об отношениях между Государством и Церковью». Был подписан итальянским королем 13 мая и обнародован 15 мая 1871 года. Он обеспечивал папе неприкосновенность личности; монарший почести; право держать вооруженную гвардию. Им папе предоставлялись Ватиканский и Латеранский дворцы, палаццо делла Канцеллерия и вилла Кастель-Гандольфо с правом экстерриториальности; ежегодная дотация в размере 3250 тыс. лир; свобода почтовой и телеграфной связи; право на активное и пассивное дипломатическое представительство. Пий IX отказался признать этот закон и объявил себя пленником в стенах Ватикана.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Канцелярия. 1891, оп. 470, д. 85, л. 83—89.
4. «Не можем» — лат. Такими словами Пий IX категорически отклонил 10 сентября 1870 г. предложение итальянского короля о переговорах, сопроводив их резкими выражениями в адрес итальянского правительства, ответом, со стороны которого, стала оккупация им папских государств.
5. АВПРИ, ф. Канцелярия. 1891, оп. 470, д. 85, л. 130—151, 206.
6. Там же, л. 175—190.
7. Там же, ф. Канцелярия. 1892, оп. 470, д. 79, л. 196.
8. Там же, ф. Отчет МИД. 1891, л. 32—33.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 11, д. 66, л. 59—62.
10. Там же, л. 63—64.
11. АВПРИ, ф. Канцелярия. 1892, оп. 470, д. 79, л. 7—11.
12. Там же, 1895, оп. 470, д. 96, л. 341—352.
13. Там же, ф. Ватикан, оп. 890, д. 3, л. 35—40.
14. Там же, л. 253—256.
15. Там же, л. 98—100.
16. Там же, д. 5, л. 174—177.
17. Там же, л. 239—240.
18. Там же, л. 178—183.
19. Там же, д. 11, л. 121, 123—125.
20. Там же, л. 128—130.
21. Там же, ф. II Департамент, оп. 701, д. 23, л. 18, 20.
22. Там же, ф. Ватикан, оп. 890, д. 11, л. 152, 154.

Уильям Пенн, Яков II Стюарт и движение якобитов

К.Н. Станков

Уильям Пенн широко известен как проповедник британских квакеров и основатель колонии (позднее — штата) Пенсильвания. Гораздо меньше сохранилось сведений о нем как о соратнике и близком друге британского монарха-католика Якова II Стюарта, свергнутого в ходе «Славной революции» 1688—1689 годов.

Вопрос о связях У. Пенна с Яковом II и его принадлежности к движению якобитов, поставивших своей целью реставрацию на британском престоле низложенного Стюарта, до настоящего времени остается спорным в историографии. Сведения о личных взглядах и деятельности Пенна в качестве политика крайне скудны и разбросаны по разным публикациям. Большое количество книг, изданных о нем квакерами и другими протестантскими авторами, отличается апологетическим характером и далеки от научной объективности¹. В то же время их заслугой является публикация большого количества документальных материалов об их прославленном единовеце². В историографии подробно рассмотрена ранняя биография Пенна³, детально исследована колониальная деятельность лидера квакеров, в частности, основание им Пенсильвании и отношения с индейцами⁴. Дж.У. Грэм рассмотрел перипетии политической борьбы в североамериканских колониях в конце XVII в. и роль в ней Пенна⁵. Ряд авторов посвятили свои труды деятельности Пенна в качестве публициста, религиозного полемиста и проповедника, а также его религиозно-философским взглядам⁶. Э.Л. Хейс исследовал историю организации Пенном британской общины квакеров⁷. Отдельного упоминания заслуживает работа М. Гриффина, посвященная отношениям Уильяма Пенна с британскими католиками⁸. Детальные сведения о жизни Пенна сообщает один из лучших его биографов — британский историк начала XX в. Дж. Хоуджс, который опирался, в том числе, на недошедшие до нашего времени источники. Однако он обходит вниманием участие Пенна в политической жизни Англии, рассматривая его исключительно как религиозного и колониального деятеля⁹. Дж. Пэджет, Дж. Стоутон, Х.А. Фейербирн, Дж. Фрост подробно исследовали вклад квакерского лидера в политическую борьбу в Англии в эпоху Реставрации¹⁰. Британский ученый

Станков Кирилл Николаевич — кандидат исторических наук, ассистент Волгоградского государственного университета.

Р.С. Холлард и итальянский историк В. Буранелли предприняли попытку рассмотреть взаимоотношения Якова II и У. Пенна до «Славной революции». Но оба автора ошибочно утверждают, что после событий 1688—1689 гг. лидер квакеров полностью отошел от поддержки своего патрона¹¹. Американский исследователь М.К. Гейтер предприняла попытку обобщить сведения о деятельности Пенна в качестве представителя якобитского движения после низложения Якова II. Ей удалось выявить факты заключения Пенна под стражу в период правления Вильгельма III Оранского, однако вследствие узкой источниковой базы некоторые важные события выпали из поля зрения автора¹². У.Х. Диксон и С.Дж. Фишер осветили участие Пенна в жизни двора королевы Анны и подробно остановились на его религиозной и общественной деятельности в последние годы жизни¹³. Таким образом, биография Уильяма Пенна и его религиозно-философские взгляды получили всестороннее освещение в историографии. Однако отдельные сюжеты остались слабо затронутыми и среди них — вопрос о деятельности Пенна в качестве одного из лидеров якобитского движения и близкого соратника Якова II Стюарта. Этот вопрос остается открытым в историографии. Кроме того, вне поля зрения исследователей остались мотивы, побудившие Пенна примкнуть к партии сторонников низложенного Стюарта.

Уильям Пенн (1644—1718) принадлежал к незнатному, но известному дворянскому роду, тесно связанному с двором Стюартов. Его отец, также Уильям Пенн (в историографии его принято называть Пенном-старшим), был известным британским адмиралом. Пенн-старший был не только талантливым военачальником, но и тонким политиком, свидетельством чему явилось то, что он смог удержать за собой ведущие позиции в британском военно-морском флоте и при Карле I, и при О. Кромвеле, и при Карле II после Реставрации Стюартов. Вероятно, политическую гибкость, которой отличался Пенн-младший, он унаследовал от отца. По матери Пенн имел голландские корни, связывавшие его с семьей торговцев в Роттердаме.

Пенн-старший надеялся на то, что сын сделает блестящую карьеру при дворе и поэтому в 1660 г. отправил его на обучение в Оксфордский университет, где его отпрыск поступил в Колледж Христа. Однако тогдашняя университетская атмосфера мало вдохновляла Пенна. Во всем наблюдалось засилье англиканской церкви. Между тем, будущий якобит симпатизировал подвергавшимся преследованиям пуританам. Вскоре большое влияние на юношу приобрел один из неконформистских проповедников — квакер Томас Ли. В 1662 г. Пенн был исключен из университета за свои пуританские взгляды. По всей видимости, именно в тот период зародилась заветная мечта Уильяма Пенна — создать общество всеобщей веротерпимости. Саму эту идею впервые высказал его учитель Т. Ли. Из всех учеников проповедника-квакера осуществить эту мечту выпало Уильяму Пенну.

Приняв новую веру, Пенну пришлось вынести суровые испытания. Переход в квакерство вызвал острый конфликт в семье, его преследовало государство, в те годы крайне негативно настроенное в отношении диссентеров. Несколько раз Пенна за его убеждения заключали в Тауэр¹⁴.

Покинув Оксфордский университет, Пенн отправился в годичное путешествие по Франции. Этот шаг был предпринят по настоянию его отца, надеявшегося, что впечатления от посещения Европы изгладят из памяти его сына новые религиозные идеи. В Париже юный квакер едва не был убит во время случайной уличной драки. Из Франции Уильям Пенн вернулся галантным кавалером и в высшем обществе демонстрировал самые изысканные манеры, однако в глубине души остался верен заветам Ли. Более того, находясь во Франции, он посещал по совету своего наставника протестантский колледж в

Сомюре, чтобы точнее узнать основы реформационного учения. В этот период своей жизни Пенн также изучал труды первых христианских богословов, пытаясь уяснить религиозные основы раннего христианства. В целом, для своего времени Пенн, несмотря на то, что так и не окончил университет, был чрезвычайно образованным человеком. Он читал Аристотеля, греческих стоических философов, св. Августина Блаженного, нидерландского мыслителя Г. Гроция, английского философа Т. Гоббса.

Когда Пенн вернулся в Англию в 1664 г., отец отправил его учиться праву в одну из четырех корпораций барристеров в Лондоне, а в 1665 г., когда в английской столице вспыхнула эпидемия чумы, Пенн-старший отослал сына в Ирландию, где у его семьи были богатые владения. Здесь Пенн — изысканный аристократ, носивший прическу и одевавшийся по моде старых кавалеров, стал желанным гостем при дворе лорда-наместника Ирландии герцога Ормонда и даже получил офицерскую должность в ирландской армии.

Вместе с тем, в Ирландии Пенн открыто посещал моления квакеров, и на него обрушились гонения. В 1665 г. он был арестован за свои религиозные убеждения. После освобождения разгневанный отец выгнал его из дома. Его приютили братья по вере — квакеры. Среди них Пенн вскоре стал духовным лидером и одним из их главных проповедников. Кроме того, Пенн много писал. Он провел огромную работу по разбору религиозных воззрений квакеров и привел их в единую систему.

1670 г. Пенн провел в Ирландии, управляя обширными семейными имениями. Затем, используя связи отца, занялся делами британского военноморского флота. Благодаря этому он смог сблизиться с Яковом Стюартом, носившим тогда титул герцога Йорка и занимавшим пост лорда — верховного адмирала Англии. В. Бураннели относит знакомство пламенного проповедника-квакера с его будущим патроном к концу 1670-х годов¹⁵. Однако в своей переписке герцог Йорк упоминает о контактах с Пенном еще в 1668 году¹⁶.

У герцога Йорка и Пенна было много общего. Прежде всего, несмотря на разницу в вероисповедании, у них были близкие взгляды на религиозно-общественную жизнь. Оба были новообращенными (Яков Стюарт был воспитан в англиканстве, однако в годы изгнания во Франции во время Английской буржуазной революции под влиянием эмигрантской среды перешел в католицизм), ненавидели кальвинизм, были сторонниками монархии, сильной централизованной власти и выступали за прекращение преследований тех, чьи религиозные взгляды расходились с догматами англиканской церкви¹⁷. Из протестантских сект католик герцог Йорк испытывал особые симпатии к квакерам, по всей видимости, уважая их аскетизм, трудолюбие и стремление к активной преобразовательной деятельности.

В историографии традиционно утверждается, что Яков II пришел к решению о поддержке нонконформистов только в 1686 г. после провала своей политики создания союза католиков и англикан-«высокоцерковников». Однако анализ мемуаров монарха позволяет утверждать, что Яков Стюарт стал противником преследований на религиозной почве людей любых убеждений намного ранее. Не оставляет сомнений тот факт, что в значительной степени подобные взгляды будущего британского монарха сложились под влиянием Пенна¹⁸.

В 1673 г., используя свои связи при британском дворе, в частности, в ближайшем окружении герцога Йорка, Пенн ходатайствовал об освобождении известного проповедника квакеров Дж. Фокса, заключенного за свою религиозную деятельность под стражу. Историк Дж. Ноудж сообщает, что на официальной аудиенции у будущего британского монарха герцог Йорк обещал Пенну повлиять на короля, и, как известно из последующих событий, сдержал свое

слово: Дж. Фокс был освобожден из-под ареста. С этого времени Пенн стал выступать при монаршем дворе в качестве заступника своих единомышленников.

В 1677 г. Пенн с другими лидерами квакеров совершил поездку по Нидерландам и Германии. В Республике Соединенных провинций он своими проповедями приобрел немало сторонников, которые впоследствии поселились в колонии Пенсильвания и получили название «пенсильванских голландцев». Во время путешествия Пенн наладил контакты с видными политическими и религиозными деятелями Европы, в частности, курфюрстом Пфальца Карлом I Людвигом и польским королем Яном III Собеским. Вернувшись в Британию, Пенн свел знакомство с рядом известных людей, в частности, философом Дж. Локком, которого квакер спас от опалы со стороны короны¹⁹.

В итоге, благодаря своим связям, Пенн стал чрезвычайно важной фигурой для герцога Йорка, уже в то время развернувшего активную борьбу за восшествие на престол ввиду бездетности своего старшего брата короля Карла II. Несомненно, что в это время Пенн был не только близко знаком с Яковом, но и вошел в его ближайшее окружение и начал вести жизнь придворного. Последнее вынудило Пенна теснее соприкасаться с большой политикой и публично высказывать свое мнение по важнейшим событиям общественной жизни. Одним из них стал «исключительный кризис» 1679—1681 гг., когда вигская группировка во главе с графом Шефтсбери попыталась провести через парламент билль о лишении герцога Йорка прав на британскую корону как католика. Пенн выступил в защиту своего патрона и отстаивал его право на престол Британии²⁰.

Первоначально Пенн был настроен резко против католицизма и первые трактаты посвятил критике «папизма». В своих ранних произведениях он призывал всех протестантов Англии объединиться перед лицом общего врага — католицизма. Однако дружба с герцогом Йорком заставила квакера изменить свои взгляды, и вскоре он стал известен как автор полемических трудов, защищавших права католиков на совершение своих богослужений и участие в общественной и политической жизни Британии. В 1680-е гг. Пенн даже состоял в переписке с иезуитами и представителями римской курии²¹. В своих трактатах лидер квакеров заявлял, что веротерпимость является необходимым для Британии явлением не только с религиозно-нравственной стороны, но и с точки зрения политических интересов и экономической выгоды. Пенн уверял, что преследования способствуют лишь развитию теневых сторон общественной жизни, что, в конечном счете, вредит и экономике, и государству как стражу порядка²².

Убедившись в невозможности осуществления планов веротерпимости в Англии при короле Карле II, так и не решившимся гарантировать свободу веры неконформистам, Пенн обратился к колониальным проектам, конечным результатом которых стало основание колонии Пенсильвания. Примечательно, что земли под колонию были выделены герцогом Йорком из собственных владений в Северной Америке. Яков Стюарт прибавил к этому земельному пожалованию еще один округ из подвластных ему владений, которые теперь занимает штат Делавэр. В результате земли в Северной Америке, собственником которых стал Пенн, по площади превышали территорию Англии²³.

Приход к власти в Британии Якова II в 1685 г., одним из первых актов которого стало освобождение 1,2 тыс. квакеров из тюрем Англии и Шотландии²⁴, вновь вдохновил Пенна на идею создания общества всеобщей веротерпимости в метрополии. Для достижения этой цели он стремился в полной мере воспользоваться своим положением при дворе нового монарха. Буранелли утверждает, что при дворе Якова II Уильям Пенн играл ключевую роль в принятии государственных решений и мог соперничать с первым министром короля — госу-

дарственным секретарем графом Сандерлендом, хотя на протяжении всего правления своего патрона официально не имел никакой придворной должности, поскольку для этого было необходимо принесение клятвы верности англиканской церкви, что Пенн как квакер сделать не мог. Дж. Хоуджс сообщает, что Пенн специально купил в Лондоне дом недалеко от дворца Уайтхолла ²⁵, чтобы иметь возможность ежедневно встречаться с королем.

Пенн снискал себе славу защитника притесняемых, и при королевском дворе его ежедневно ожидали до нескольких сотен просителей, надеявшихся при его содействии решить свои проблемы. Большинство из них были единоверцами Пенна и добивались отмены приговоров, которые им вынесли за их религиозные убеждения. В частности, Пенн добился возвращения из ссылки известного проповедника квакеров Дж. Тренчарда.

Следует отметить, что Пенн защищал интересы не только квакеров, но и всех, кто к нему обращался. Так, например, он вступился за шотландца — пресвитерианина Роберта Стюарта из Колтнесса, чье поместье присоединил к своим землям крупный шотландский магнат граф Эрран. Пенн во время личной встречи с Эрраном добился решения этих земельных споров в пользу обделенного Р. Стюарта. Во время подавления восстания герцога Монмаута (май-июль 1685 г.), который пытался оспорить британскую корону у Якова II, Пенн выступил за смягчение наказания в отношении повстанцев. В частности, в одном из писем он упоминал, что ходатайствовал перед британским монархом о двадцати участниках восстания. Позднее Пенн часто посещал политических заключенных в тюрьмах.

Однако это не помешало Пенну поддержать Якова II в его борьбе с герцогом Монмаутом. Данный случай, представляющий в историографии как противоречивый, характерен в целом для Пенна. Чтобы это понять, необходимо посмотреть на него сквозь призму религиозных воззрений Пенна. Для квакера политическая борьба и судьба обездоленных людей, которых тяжелые условия жизни толкнули на мятеж, были строго разграничены. Пенн поддерживал угнетенных, но в то же время решительно выступал против политических амбиций герцога Монмаута и его ближайших сподвижников, которые стремились низложить законное, по мнению квакера, правительство.

Пенн имел значительное влияние на формирование религиозной политики Якова II. Этот британский монарх, придя к власти, одной из своих главных задач поставил улучшение положения своих единоверцев, которые в Британии того времени подвергались суровым гонениям: им было запрещено занимать государственные должности, получать образование, иметь оружие, католики были лишены права голоса. Притеснение приверженцев престола св. Петра было закреплено карательными законами, многие из которых были приняты еще в эпоху Реформации, и «Тест-Актами», вошедшими в силу в период Реставрации. Яков II был намерен отменить эти законы. Для этого он использовал присвоенную им через верных юристов «разрешительную власть» и издал в Англии и Шотландии несколько «Деклараций о веротерпимости», даровавших свободу в совершении богослужений и других обрядов и гарантировавших равные гражданские права представителям всех христианских конфессий. Современные исследования доказывают, что одним из авторов «Декларации о веротерпимости» 1687 г. являлся Уильям Пенн. Кроме того, он представил Якову II коллективное послание от британских квакеров, которые благодарили короля за предоставление религиозной свободы и выражали надежду на то, что эти начинания короля будут закреплены актами парламента ²⁶.

Яков II сам давно желал провести свои решения через сословное представительство, дабы придать им большую прочность. Уильям Пенн убеждал Якова II вынести на парламентские дебаты только вопрос об отмене каратель-

ных законов, которые касались и католиков, и протестантских нонконформистов, считая, что это не вызовет такой острой реакции как вопрос о «Тест-Актах», изначально направленных, в первую очередь, против католиков ²⁷. Возможность того, что парламент поддержит подобный проект, была вероятной, поскольку после осуществленных королем реформ доля сектантов в нижней палате должна была оказаться гораздо большей, чем обычно. Впрочем, сам Пенн был заинтересован в том, чтобы использовать свое влияние на Якова II в целях отмены тех юридических ограничений, которые подвергали притеснениям, прежде всего, его единоверцев. Как осторожный и тонкий политик лидер квакеров пытался удержать Якова II от слишком радикальных действий, которые бы привели к его свержению, а значит — и потере нонконформистами всех тех послаблений, которые они получили в его правление. Кроме того, Пенн, несмотря на свои либеральные взгляды, как и все протестанты того времени негативно относился к католикам и не желал улучшения их положения. Пенн был недоволен тем, что приверженцы престола св. Петра, которые в то время составляли от 1 до 4 % населения Англии, получили столь значительное количество «должностей в армии, флоте, при дворе» ²⁸. Лидер квакеров, хорошо знавший религиозную ситуацию в Британии, осознавал, что английское общество не скоро созреет для того, чтобы дать католикам равные с протестантами права ²⁹, и отсрочить вопрос о «Тест-Актах» значит, фактически, отказаться от их отмены. Однако это также хорошо понимал и Яков II. Именно поэтому король остался непреклонным. Путем различных манипуляций он стремился подобрать такой состав парламента, через который можно было бы провести отмену законов, ущемлявших свободу религиозных меньшинств. Открытие сессии дважды переносилось сначала на апрель 1688 г., затем на осень того же года. Но «Славная революция» нарушила эти планы Якова II.

Король высоко ценил Пенна, поскольку прекрасно понимал, что диссентеры, опора на которых стала важным тактическим шагом Якова II, не будут слушать ни католика, ни англиканина. Британский монарх осознавал, что в лице проповедника квакеров, пользовавшегося, благодаря своим трактатам, высоким авторитетом у сектантов, получил ценного союзника. Яков II активно привлекал Пенна как в самой Британии, так и за ее пределами к пропагандистской деятельности при подготовке к выборам в парламент. В сентябре 1687 г. Яков II совершил поездку по западным графствам, где проживала основная масса сектантов. Король призывал их на грядущих выборах отдать голоса за кандидатов, которые вместе с королем установят «эту свободу настолько же прочно, как была установлена «Великая хартия вольностей»» ³⁰. Таким образом, король пытался представить установление свободы вероисповедания не как свою личную инициативу, а как общенародное дело. В поездку Яков II взял своего близкого друга и соратника Пенна, который, выступая перед нонконформистами вместе с королем, обеспечивал своему патрону огромную аудиторию.

Годом ранее Пенн по распоряжению Якова II посетил Гаагу. Британский монарх, учитывая силу авторитета, которым пользовались среди английских протестантов его старшая дочь (и, на тот момент, наследница престола) Мария Стюарт и ее муж, нидерландский статхаудер Вильгельм Оранский, пытался добиться того, чтобы Мария и Вильгельм выступили с публичной поддержкой религиозной политики, проводившейся в Англии. Однако миссия Пенна в Республику Соединенных провинций потерпела фиаско.

В период правления Якова II обострились отношения Пенна со своими единоверцами. Находясь при королевском дворе, он вынужден был вести дорогостоящую жизнь придворного, и многие квакеры находили это нарушением строгих правил поведения, принятых в их общине. Кроме того, Пенну как

феодалному владельцу колонии Пенсильвания, пришлось пересмотреть свои взгляды на отдельные стороны общественной жизни. В частности, он решил сформировать из колонистов вооруженный отряд для защиты Пенсильвании от индейцев и поддержания порядка. Между тем, согласно правилам, принятым среди квакеров, им запрещалось ношение оружия и, тем более, несение военной службы. Опыт колониальной деятельности наложил значительный отпечаток на личные воззрения Пенна. В частности, столкнувшись с проблемами управления далекой Пенсильванией, он стал более последовательным сторонником сильной централизованной власти и укрепления позиций короны в политической системе Британии, целиком поддерживая политический курс Якова II ³¹.

Лидер квакеров выступил на стороне короля во время скандала, возникшего из-за споров вокруг вакантного поста президента Колледжа св. Марии Магдалины, входившего в состав Оксфордского университета. Король назначил на это место католика. Однако преподаватели и студенты Колледжа оказали отчаянное сопротивление. В Оксфорд были направлены регулярные войска. Активисты из числа преподавателей и студентов университета были исключены, а их место заняли католики. После длительной борьбы под давлением судей Духовной Комиссии на очередных выборах Советом Колледжа президентом был избран Самюэль Пэркер — католический епископ Оксфорда ³². Пенн, сам бывший некогда студентом Оксфордского университета, призывал учащихся и преподавателей Колледжа св. Марии Магдалины подчиниться распоряжениям монарха. Он встречался с членами совета колледжа и пытался играть роль посредника между ними и королем. Пенн считал несправедливым, что англиканская церковь полностью контролирует всю систему образования в Англии, и настаивал на том, что «в двух или трех колледжах Оксфордского университета должны иметь возможность обучаться католики» ³³.

Вместе с тем, Пенн выступил против заключения в Тауэр Яковом II шести англиканских епископов и архиепископа Кентерберийского, выступивших против его «Декларации о веротерпимости» в 1688 г., и просил короля, воспользовавшись в качестве предлога рождением наследника престола принца Уэльского, прекратить преследование прелатов. В данном случае следует учитывать то, что Пенн в действительности не был против наказания епископов, однако он полагал опасным для правительства Якова II действовать столь жесткими и непопулярными мерами, и предлагал королю исправить свою ошибку, сохранив при этом лицо. Однако король отказался прислушиваться к увещаниям своего верного сторонника ³⁴.

Тем не менее, Пенн продолжал поддерживать Якова II и накануне «Славной революции». Об этом свидетельствует ряд важных назначений. В частности, в августе квакеру была пожалована важная финансовая должность инспектора по сбору акциза и подушного налога. В сентябре 1688 г. он вместе с еще несколькими сектантами был назначен членом корпораций городов Уорик и Норич ³⁵. В это время Пенн вступил в полемику с памфлетистом маркизом Галифаксом — сторонником Вильгельма Оранского и одним из организаторов переворота 1688 года. В течение всего политического кризиса 1688 г. Пенн находился в Лондоне рядом со своим патроном. После бегства Якова II он осудил «Славную революцию», поскольку, по его мнению, она привнесла хаос в политическую жизнь Англии и опиралась на войска, которые привел с собой Вильгельм Оранский, сопровождая насилием и проскрипциями. Кроме того, Пенн был категорически против «Акта о веротерпимости» 1689 г., который, по его мнению, ущемлял права диссентеров по сравнению с «Декларациями о веротерпимости» Якова II. В частности, он обращал внимание на то, что Вильгельмом III Оранским были возобновлены преследования католиков и унитариев ³⁶.

Пенн был широко известен своей преданностью Якову II, поэтому в период правления Вильгельма III квакер постоянно находился под пристальным наблюдением правительства как «чрезвычайно опасная фигура» и пять раз арестовывался властями.

Первый раз Пенн был заключен под стражу в декабре 1688 г. — как только он появился в Уайтхолле после бегства Якова II во Францию. Впрочем, тогда квакеру удалось быстро выйти на свободу под залог. Однако вскоре после коронации Вильгельма Оранского и его супруги Марии Стюарт королем и королевой Англии — 27 февраля 1689 г. — вновь был выдан ордер на арест Пенна³⁷. На этот раз он провел в заключении в Тауэре несколько месяцев. В данном случае показательным является то, что лидер квакеров был арестован вместе с ближайшими соратниками Якова II — бывшим главнокомандующим английскими вооруженными силами графом Фивершемом, известным благодаря жестокому подавлению восстания герцога Монмаута, лордом — верховным судьей Англии Дж. Джеффрисом, а также тайным советником и личным духовником детронизированного монарха иезуитом Э. Питром. Новые власти подозревали Пенна в причастности к подготовке Яковом II на территории Франции интервенции в Британию. В дальнейшем эти слухи оказались ложными, поскольку низложенный Стюарт не собирался вторгаться в Англию и в тот период борьбы за власть сделал ставку на вооруженное восстание в Ирландии, где у него было много сторонников. Действительно, в марте 1689 г. Яков II с грузом оружия и французскими военными специалистами прибыл в южно-ирландский порт Кинсейл. Примечательно, что низложенный король выбрал в качестве места высадки земли, расположенные в семейных владениях Пеннов.

Едва оказавшись на свободе, 22 июня 1689 г. Пенн вновь был арестован вместе с бывшим государственным секретарем Якова II виконтом Престоном. Причиной заключение послужило перехваченное агентами Вильгельма Оранского письмо Якова II, адресованное ему лично. На этот раз допрос квакера-якобита вел король Вильгельм III³⁸. Как сообщает Н. Латтрелл, 23 октября 1689 г. Пенн вместе с еще несколькими якобитами, среди которых были виконт Престон, генерал Дж. Фенуик и служивший при Якове II комендантом Тауэра Э. Хэлс, предстал перед Судом королевской скамьи. Однако уже через два дня он вместе со своими сообщниками был вновь отпущен под крупный залог³⁹.

Выйдя на свободу, Пенн уже через несколько месяцев принял участие в якобитском заговоре, во главе которого стоял шотландец Дж. Монтгомери — радикальный виг, оставшийся недовольным итогами «Славной революции» и переметнувшийся на сторону Якова II. Этот заговор стал результатом политического союза якобитов и крайнего крыла шотландских пресвитериан. Возникла чрезвычайно опасная для правительства Вильгельма III Оранского политическая ситуация.

Однако заговорщикам мешала действовать разобщенность. Так, английские якобиты вскоре создали собственный комитет в Лондоне и фактически вышли из-под контроля Монтгомери и его шотландских соратников. В состав комитета, созданного в Лондоне, наряду с такими яркими деятелями якобитского движения как шурина Якова II графа Кларендон и бывшая фаворитка короля графиня Дочестер вошел и Пенн. Кроме того, к заговору в качестве одной из ключевых фигур примкнул давний соратник Пенна — квакер Ф. Греймс, а также барон Дартмут, генерал Дж. Фенуик, полковники Э. Сэквилл и Т. Оглторп. В своих показаниях агент правительства М. Кроун, внедрившийся в тайную якобитскую сеть, сообщал, что на собраниях лондонских якобитов присутствовали агенты Якова II из Ирландии и Франции.

Рестаурационный заговор приобрел угрожающие для правительства масштабы. Источники свидетельствуют, что нити якобитского заговора пронизывали важные политические институты Англии: парламент, государственную церковь, армию. Согласно данным следственных материалов, граф Кларендон и другие заговорщики вошли в сношения с бывшими соратниками Якова II герцогами Бьюфортом и Ньюкаслем, графами Рочестером и Эйлсбери, епископами англиканской церкви и членами парламента. Кроун сообщал на судебном процессе, что к заговору был причастен известный торийский лидер Э. Сеймур. Якобиты также установили контакты с вдовствующей королевой — матерью Якова II ⁴⁰.

Относительно участия Пенна в этом заговоре имеются лишь обрывочные сведения. Так, например, известно, что один из главных конспираторов полковник Т. Оглторп сообщил ему, что «даже в личной гвардии короля Вильгельма есть люди, которые при первой возможности готовы снести ему голову» ⁴¹. Известно также, что Пенн в связи с планами реставрации Якова II возлагал большие надежды на регулярные войска, набранные низложенным Стюартом в Ирландии. Только в случае их применения в Британии, по мнению квакера, можно было рассчитывать на успех предприятия. В частности, в период заговора Монтгомери Пенн советовал детронизированному монарху высадиться с 30 тыс. ирландских солдат на западе Англии в устье р. Северн ⁴². М.К. Гейтер предполагает, что летом 1690 г. накануне своего четвертого ареста Пенн активно действовал в Шотландии, где готовил высадку Якова II с ирландской армией ⁴³. 14 июля 1690 г. был выдан орден на арест ключевых представителей партии Якова II, в том числе Пенна. Вместе с ним были взяты под стражу известные деятели якобитского движения: граф Эйлсбери, Монтгомери, Э. Хэлс, полковники Э. Саквилл, Т. Оглторп и два видных аристократа, входивших ранее в ближайшее окружение Якова II лорд Беллесайс и граф Каслмен ⁴⁴.

Известно, что Пенн с большой теплотой отзывался о руководителях якобитских восстаний 1689—1691 гг. в Шотландии и Ирландии. Так, он считал героем полковника П. Сарсфилда — руководителя ирландских сторонников Якова II и с восхищением говорил о виконте Данди — командире шотландских повстанцев, боровшихся за реставрацию низложенного Стюарта ⁴⁵.

В конце 1690 г., едва оказавшись на свободе, Пенн принял участие в заговоре виконта Престона. На этот раз якобиты надеялись добиться реставрации Якова II при помощи армии, состоящей из шведских наемников, набранных на деньги французского двора. Конспираторы встречались в таверне «Семь звезд» в Ковент-Гардене. Здесь планы восстановления власти низложенного Стюарта над Британскими островами Пенн обсуждал вместе с такими видными представителями якобитского движения, как бывшие государственные секретари Якова II граф Мидлтон и виконт Престон, бывший командующий военноморскими силами барон Дартмут, личный паж низложенного Стюарта и его близкий друг граф Эйлсбери, «неприсягнувший» епископ Или Ф. Тернер и граф Фивершем ⁴⁶. По предположению английского историка Дж. Кэллоу во главе этого заговора в действительности стоял не виконт Престон, а известный якобитский деятель граф Кларендон ⁴⁷. Также из известных нам фигур к антиправительственной конспирации примкнули графиня Дочестер, один из видных торийских лидеров Э. Сеймур и неумный заговорщик — шотландец Монтгомери. Из документов известно, что Пенн был одной из ключевых фигур якобитского заговора. Данный факт позволяет предположить, что квакер входил в контакты со всеми ведущими представителями якобитской конспирации.

На рубеже 1690—1691 гг. заговор был раскрыт властями. В руки правительства попали письма якобитов, адресованные Якову II во Францию. Одно или два письма были написаны непосредственно Пенном. Кроме того, виконт

Престон, желая спасти свою жизнь и имущество, согласился выдать всех своих сообщников и в их числе Пенна⁴⁸. 5 февраля 1691 г. были выданы ордера на арест «епископа Или, сэра Уильяма Пенна и Джемса Грэма». Но когда начались аресты, лидеру квакеров вместе с епископом Ф. Тернером и еще десятью якобитами удалось скрыться во Фландрии⁴⁹. Вскоре, впрочем, Пенн вернулся в Англию и сдался властям, однако отказался выдать своих соратников. Так, квакер был арестован в пятый раз.

В апреле 1691 г. Пенн был отпущен на свободу. И с этого времени его след теряется вплоть до ноября 1692 года. В Англии его в это время никто не видел. Последние упоминание о лидере квакеров относится к апрелю 1691 г.: епископ Норича сообщал архиепископу Кентерберийскому о том, что видел его в Нориче. М.К. Гейтер предполагает, что в это время Пенн ездил во Францию, чтобы встретиться с Яковом II, чей эмигрантский двор размещался во дворце Сен-Жермен недалеко от Парижа⁵⁰. По некоторым данным, жена Уильяма — Джулия Пенн — ежегодно посещала чету изгнанных Стюартов во Франции со знаками почтения и преданности от английских якобитов⁵¹.

По возвращении Пенна в Англию власти еще долго вели тщательное наблюдение за квакером, которого они по-прежнему подозревали в том, что он является одной из ключевых фигур в тайной якобитской сети в Британии. Действительно, Гейтер удалось установить, что в этот период Пенн поддерживал отношения с графами Кларендоном и Эйлсбери, виконтом Престоном, епископом Или Ф. Тернером. Известно также, что он состоял в переписке с супругой низложенного Якова II — королевой Марией Моденской, которая принимала самое активное участие в реставрационных предприятиях своего мужа. Пенн находился в сношениях с агентами Якова II, прибывавшими из Франции в Англию, чтобы разведать политическую обстановку в Британии⁵².

После провала заговора виконта Престона Пенн потерял надежду на реставрацию Якова II в Британии, а вместе с ней — и создание общества всеобщей веротерпимости в метрополии — и вновь обратился к колониальным проектам. В 1699 г. он предпринял новую длительную поездку в Пенсильванию. Впрочем, и в Новом Свете он продолжал свою деятельность в качестве якобита. Так, британский историк Ч. Петри сообщает, что «квакеры Пенсильвании все до одного были якобитами»⁵³. В течение длительного времени заместитель губернатора Пенсильвании в 1714—1718 гг. был сэр Уильям Кейт, являвшийся ярым якобитом в Англии. Однако после переезда в Северную Америку он отошел от своей активной якобитской деятельности. К якобитам принадлежал также священник одной из крупнейших церквей столицы Пенсильвании — Филадельфии. Пенн в начале 1690-х гг. временно был отстранен от управления Пенсильванией, поскольку король Вильгельм III Оранский полагал, что ситуация, когда колонией управлял якобит, является чрезвычайно опасной для правительства и угрожает переходом Пенсильвании под контроль Франции⁵⁴.

Сторонники Якова II, очевидно, были и в других колониях Нового Света. В частности, Б. Ленмен сообщает, что, например, в Нью-Йорке в результате «Славной революции» по политическим мотивам погибло несколько человек⁵⁵. К началу XVIII в. другими крупными центрами поддержки якобитов в Северной Америке стали Каролина и Нью-Джерси. Отчасти это объясняется тем фактом, что в последней проживало немало квакеров⁵⁶. Несколько позднее центр американского якобитизма переместился в Бостон. Во время войны за независимость США местные монархисты предлагали американскую корону внуку Якова II принцу Чарльзу Эдуарду Стюарту⁵⁷.

В Англию глава квакерской колонии вернулся лишь в ноябре 1701 г.⁵⁸ — два месяца спустя после того, как в изгнании скончался его венценосный патрон Яков II Стюарт.

Таким образом, Пенн был не только крупным религиозным, но и политическим деятелем. Он был тесно связан с режимом Якова II, а после его свержения — с движением якобитов. Он принял участие в двух крупных заговорах сторонников низложенного Стюарта: Дж. Монтгомери в 1689—1690 гг. и виконта Престона в 1690 году. Был в близких отношениях со многим видными деятелями якобитского движения, состоял в переписке с детронизированным британским монархом и его двором во Франции. Активная политическая деятельность квакера на стороне его патрона привела к тому, что Пенн неоднократно подвергался арестам правительством, пришедшим к власти в результате «Славной революции». Главным мотивом участия Пенна в перипетиях политической борьбы в Британии в конце XVII в. было стремление создать общество всеобщей веротерпимости. Когда лидер квакеров понял, что ему не удастся осуществить свои планы в метрополии, он окончательно сосредоточился на деятельности в Новом Свете.

По возвращении в Англию в 1701 г. Пенн несколько раз появился при дворе королевы Анны Стюарт. Однако теперь жизнь придворного претила ему, и лидер квакеров активно занялся проповеднической деятельностью. Он часто посещал западные графства Англии, где находил поддержку среди местных диссентеров. Пенн также продолжал много писать на религиозные темы. Однажды он был заключен в долговую тюрьму из-за финансовых проблем, связанных с содержанием колонии Пенсильвания. В конце жизни якобит-квакер удалился из Лондона сначала в Бристоль, а затем в одно из своих поместий в восточном графстве Бекингемшир. В 1711 г. У. Пенн опубликовал свой последний труд⁵⁹. Последние годы своей жизни лидер квакеров посвятил борьбе с работорговлей. Умер Уильям Пенн, в 1718 г. спустя три года после второго крупнейшего восстания якобитов на Британских островах, которое как и предыдущее потерпело фиаско.

Примечания

Автор выражает глубокую признательность Дэвису Хогарду и всему коллективу Исторического общества Пенсильвании за предоставленные уникальные материалы о якобитизме в Америке.

1. См. напр.: BUELL A. William Penn as the founder of two Commonwealths. N.Y., S.a.; CLARKSON T. Memoirs of Private and Publick Life of William Penn. Philadelphia. 1814, vol. 1—2; A Memorial of William Penn. Association of Friends for the Diffusion of Religious and Useful Knowledge. Philadelphia, 1870; A Sketch of Life and Character of William Penn. Association of Friends. Philadelphia. S.a.
2. Advice of William Penn to his Children, relating to their civil and religious life. Philadelphia. 1881; A collection of Works of William Penn. L. 1726, vol. 1—2; Correspondence between William Penn and James Logan, secretary of the province of Pennsylvanis, and others (1700—1750). Philadelphia. 1882, vol. 1—2; Extracts from the writings of William Penn and Richard Claridge of the Death and Sufferings of Lord Jesus Christ. L. 1817; Journal of William Penn while visiting Holland and Germany in 1677. Philadelphia, 1878; Select Works of William Penn. L. 1802, vol. 1—5; William Penn's letters to his Wife and Children. N.Y. 1826.
3. BAKER J. Life of William Penn, the Celebrate Quaker and Founder of Pennsylvania. L. 1847; BAKER W.K. Penn the Statesman and Gulielma, a Quaker Idyll. Edinburgh-L. S.a.; COPE W.T. Passages from the Life and Writings of William Penn. Philadelphia. 1882; GRANT C. Quaker and Counter. The Life and Work of William Penn. L. 1907; JANNEY S.M. The Life of William Penn. Philadelphia. 1853; WEEMS L.M. The Life of William Penn the Settler of Pennsylvania. Philadelphia. 1836.
4. ЖУК С.И. Вильям Пенн и основание Пенсильвании. — Вопросы истории. 2000, № 1, с. 115—127; BUCK W.J. William Penn in America. Philadelphia. 1888; BURDETTE R.J. William Penn (1644—1718). N.Y. 1882; EVANS C. A Concise Biographical Sketch of William Penn. Philadelphia. S.a.; HUGHS M. The Life of William Penn. Philadelphia. 1828; KEYSER C.S. Penn's Treaty with Indians. Philadelphia. 1882; LUCY B.R. William Penn Founder of Pennsylvania.

- Philadelphia. 1919; ROBERTS L.B. William Penn, founder of Pennsylvania. Philadelphia. 1919; SPECK F.G. The Penn Wampum Belts. N.Y. 1925; UPTON G.P. William Penn. Chicago. 1911.
5. GRAHAM J.W. William Penn, Founder of Pennsylvania. L. S.a.
 6. CORBYN E., BEATTY O. William Penn as Social Philosopher. N.Y. 1939; ELLIS G.E. Makers of American History: William Penn. N.Y. 1905; MARTIN E. Remember William Penn, 1644—1944. Philadelphia. 1944; PATTON B. Character of William Penn. Pittsburgh. 1849; SWEETER E.C., ST.-JOHN C.E. Penn and Religious Liberty. Philadelphia. 1908.
 7. HAYES A.L. Biographical Sketch of William Penn the Founder of Pennsylvania. Lancaster. 1873.
 8. GRIFFIN M. William Penn the Friend of Catholics. Philadelphia. 1886.
 9. HODGES J. William Penn. Cambridge. 1901.
 10. FAIRBAIRN H.A. Defense of William Penn from the charges contained in the History of Thomas Babington Macaulay. Philadelphia. 1849; FROST J. The Life of William Penn with a sketch of the Early History of Pennsylvania. Philadelphia. 1839; PAGET J. The New «Examen» or A Inquiry into the Evidence relating to certain Passages in Lord Macaulay's History. Edinburg-L. 1861; STOUGHTON J. William Penn, the Founder of Pennsylvania. L. 1932.
 11. BURANELLI V. The King and the Quaker: A Study of William Penn and James II. Philadelphia. 1962; HOLLARD R.S. William Penn. N.Y. 1915.
 12. GEITER M.K. William Penn and Jacobitism: a Smoking Gun? — Historical Research. 2000, vol. 73, № 181, p. 213—218.
 13. DIXON W.H. A History of William Penn Founder of Pennsylvania. Philadelphia. S.a.; FISHER S.G. The True William Penn. Philadelphia. 1899.
 14. ЖЫК С.И. Ук. соч., с. 115—117; HODGES J. Op. cit., p. 1—2, 10—25.
 15. ЖЫК С.И. Ук. соч., с. 116—117; HOGDES G. Op. cit., p. 22—27, 30, 36, 48—49; BURANELLI V. Op. cit., p. 49—51, 104.
 16. Original Papers; containing the Secret History of the Great Britain, from the Restoration, to the Accession of the House of Hanover. L. 1775, vol. 1, p. 43.
 17. BURANELLI V. Op. cit., p. 68—77.
 18. Original Papers, vol. 1, p. 75, 81—83.
 19. HODGES G. Op. cit., p. 53—61; PAGET J. The New «Examen» or an Inquiry in to the Evidence relating to Certain Passages in Lord's Macaulay's History. Edinburgh-L. 1861, p. 259.
 20. BURANELLI V. Op. cit., p. 61.
 21. A Collection of Works of William Penn, vol. 1, p. 127; Select Works of William Penn. L. 1772, vol. 4, p. 377—435.
 22. BURANELLI V. Op. cit., p. 56—57, 99, 112—117; HODGES G. Op. cit., p. 62—63.
 23. HODGES G. Op. cit., p. 62—63, 66.
 24. ASHLEY M. The Glorious Revolution of 1688. Panther. 1968, p. 64.
 25. Уайтхолл — резиденция британских монархов.
 26. BURANELLI V. Op. cit., p. 49—82, 103; HODGES J. Op. cit., p. 99—101; PAGET J. Op. cit., p. 281, 286.
 27. RERESBY J. Memoirs of the Honorable Sir John Reresby, bart. L. 1734, p. 297—298.
 28. Цит. по: HODGES G. Op. cit., p. 98.
 29. Terriesi to Duke of Cosimo, June 1, 1688. HAILE M. Queen Mary of Modena: Her Life and Letters. L.-N.Y. 1905, p. 183.
 30. BURNET G. Bishop Burnet's History of His Own Time. L. 1753, vol. 2, p. 428.
 31. BURANELLI V. Op. cit., p. 54, 65; HODGES G. Op. cit., p. 101; SOWERBY S. Of Different Complexions: Religious Diversity and National Identity in James II's Toleration Campaign. — The English Historical Review. 2009, vol. 124, № 506, p. 31.
 32. Духовная Комиссия — созданный Яковом II высший церковный суд, в компетенцию которого тогда входил и вопрос об образовании. См.: Magdalen College and King James II, 1686—1688: A Series of Documents, With Additions. Oxford. 1886, p. 14—82.
 33. PAGET J. Op. cit., p. 306—313.
 34. HODGES G. Op. cit., p. 106; PAGET J. Op. cit., p. 306—313, 331.
 35. EVELYN J. The Diary of John Evelyn. L.-N.Y. 1906, vol. 3, p. 235; LUTTRELL N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford. 1857, vol. 1, p. 462.
 36. BURANELLI V. Op. cit., p. 121—125, 171, 178, 180—184.
 37. Ibid., p. 171; PAGET J. Op. cit., p. 332.
 38. A Memorial of William Penn, p. 113.
 39. LUTTRELL N. Op. cit., vol. 1, p. 486—488, 493—496, 594—596.
 40. Report of Manuscripts of late Allan George Finch esq., of Burley-on-the-Hill Rutland. L. 1957, vol. 3, p. 311—312, 321—323, 325—326, 329—345.
 41. Ibid., p. 325.
 42. Ibid., p. 321—323; A Memorial of William Penn, p. 164.

43. GEITER M.K. *Op. cit.*, p. 215—216.
44. Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of William and Mary. May 1690 — October 1691. L. 1898, p. 65 (CSPD); LUTTRELL N. *Op. cit.*, vol. 2, p. 77.
45. PAGET J. *Op. cit.*, p. 338.
46. LORD E. *The Secret Stuart Army. English Jacobites, 1689—1752.* Harlow. 2004, p. 54—55.
47. CALLOW J. *King in Exile. James II: Warrior, King and Saint.* Thrupp. 2004, p. 164.
48. CSPD. *William and Mary. 1690—1691*, p. 219, 224, 228, 246; *A Complete Collection of the State Trials and Proceeding for High Treason and other Crimes and Misdemeanors from the Earliest Period to the Year 1783, with Notes and Other Illustrations.* L. 1816, vol. 12, p. 645—822; EVELYN J. *Op. cit.*, vol. 3, p. 280, 282—283; *Report on the Manuscripts of the Late Allan George Finch...*, vol. 3, p. 308—310, 314—317.
49. CSPD. *William and Mary. 1690—1691*, p. 246; LUTTRELL N. *Op. cit.*, vol. 2, p. 172.
50. GEITER M.K. *Op. cit.*, p. 214.
51. HOLLARD R.S. *Op. cit.*, p. 120.
52. GEITER M.K. *Op. cit.*, p. 214—216; PAGET J. *Op. cit.*, p. 367—368.
53. PETRIE C. *The Jacobite Movement: the First Phase, 1688—1716.* L. 1949, p. 73.
54. HOLLARD R.S. *Op. cit.*, p. 122.
55. LENMAN B. *The Jacobite Cause.* Glasgow. 1986, p. 7.
56. PETRIE C. *Op. cit.*, p. 73.
57. LORD E. *Op. cit.*, p. 229.
58. ЖЫК С.И. *Ук. соч.*, с. 124—125.
59. *A Memorial of William Penn*, p. 143—152.

Операция «Уран» и взаимодействие союзников осенью 1942 г.

Д.Б. Хазанов

Операция союзников по высадке войск в Западной Европе, первоначально называвшаяся «Раундап», а затем «Следжхэммер», начала обсуждаться весной 1942 года. Президент США Ф. Рузвельт и его военные советники полагали: успех вполне возможен. Но премьер Великобритании У. Черчилль решительно возражал, считая, что надо накопить дополнительные силы, а провал десанта может решительно изменить баланс сил не в пользу союзников. Гораздо более реально, по мнению британского лидера, было спланировать и осуществить высадку во французской Северной Африке, оттянув значительные силы стран Оси от других направлений, позволив через год действительно высадиться на континенте. Этот план получил название «Джимнаст».

Бурные дебаты, которые проходили между членами делегаций и лидерами западных государств антигитлеровской коалиции в конце июня того же года во время Второй Вашингтонской конференции закончились победой точки зрения Черчилля. «Очень маловероятно, чтобы возникли условия, которые сделали бы “Следжхэммер” надежным и разумным предприятием (в 1942 г.)», — писал он позднее президенту США. «Я уверен, что “Джимнаст” — это гораздо более надежный шанс для эффективного облегчения действий на русском фронте в 1942 г... Это настоящий второй фронт»¹.

В это время президент Рузвельт прилагал значительные усилия по расширению американского участия в вооруженной борьбе в Европе. Теперь направляемые в Великобританию по плану «Болеро» для будущего вторжения на континент войска США были перенацелены для действий в Северной Африке, а назначенный на должность Главнокомандующего силами в Европе генерал Д. Эйзенхауэр утвержден Главнокомандующим объединенными силами США и Великобритании в Североафриканской кампании. Ее общий план был утвержден 25 июля в Лондоне на заседании англо-американского комитета начальников штабов. Как отмечал американский историк С. Морисон, «США и Великобританию чрезвычайно беспокоила перспектива захвата странами Оси обширной территории Северной Африки с ее огромными запасами сырья, продовольствия и новыми базами для ведения “неограниченной подводной войны”»².

Советский вождь узнал о том, что второго фронта в Европе в 1942 г. не будет, в августе, когда британский премьер и специальный представитель президента США У.-А. Гарриман посетили Москву. Сталин с подобной позицией категорически не согласился и в меморандуме, направленном Черчиллю 13 августа, буквально сразу

Хазанов Дмитрий Борисович — кандидат технических наук, научный сотрудник МГТУ им. М.А. Шолохова.

после отлета из Москвы транспортных самолетов с высокими гостями, посчитал ее противоречащей духу складывающегося сотрудничества и, в частности, соглашениям между Молотовым и западными лидерами, англо-советскому коммюнике от 12 июня, другим документам, и заявлял: «Отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 г. в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского командования»³.

В ответ Сталин получил «памятную записку» из Лондона, где были такие слова: «Самым лучшим видом второго фронта в 1942 г., единственно возможной значительной по масштабу операцией со стороны Атлантического океана является «Факел» (английское наименование «Торч», как мы знаем сегодня, название, пришедшее на смену «Джимнаст». — Д.Х.). Если эта операция сможет быть осуществлена в октябре, она окажет больше помощи России, чем всякий иной план. Эта операция подготовит также путь на 1943 г... Британское Правительство и Правительство Соединенных штатов приняли решение об этом, и все приготовления идут самым ускоренным темпом». Из документа следовало: высадка во Франции небольшими силами станет как бы отвлекающей операцией перед операцией «Торч»⁴.

Этой разведывательно-диверсионной операцией стал рейд на Дьепп, совершенный 19 августа по плану «Джубили». Предусматривалось произвести «разведку боем», продемонстрировать возросшую мощь англо-американских сил, а попутно уничтожить ряд германских береговых батарей, радиолокационных станций, нанести в воздушных боях существенный ущерб люфтваффе. Но союзники потерпели полное фиаско. Немцы встретили противника во всеоружии, нанесли большие потери его живой силе и технике (эсминец, 33 единицы десантно-высадочных средств, 33 танка, 106 самолетов, 4360 человек) при незначительных собственных⁵. Отдельные западные авторы даже высказывали предположение, что истинная цель рейда на Дьепп состояла в показе невозможности открытия второго фронта в Европе в то время⁶.

Но ввести в заблуждение Сталина, издаലെка наблюдавшего за происходящим, рейд, конечно, не мог. Между СССР и западными союзниками «пробежала черная кошка», почти месяц раздраженный вождь не отвечал на различные послания из-за Ла-Манша, «держал паузу». В это время положение Красной Армии ухудшилось, противник продолжал наступать, особенно осложнилась ситуация на юге советско-германского фронта. Героическая оборона Сталинграда, за которой с тревогой и волнением следили как в нашей стране, так и во всем мире, вселяла оптимизм, но не было ясно: как долго еще смогут продержаться его защитники. Не считаясь с потерями, войска генерала Паулюса при энергичной поддержке с воздуха продвигались вперед, занимая с упорными боями квартал за кварталом; отрезанные в городе части Красной Армии удерживали к середине октября только небольшую полоску суши и заводские кварталы Сталинграда.

Из воспоминаний выдающихся советских полководцев Г.К. Жукова и А.М. Василевского, других достоверных источников известно, что с сентября началась подготовка к нашему контрнаступлению в районе Сталинграда. В Ставке ВГК хорошо знали, что главные силы противника были сосредоточены в районе города, а фланги прикрывали румынские войска. Не было сомнений: враг во что бы то ни стало решил полностью овладеть Сталинградом, сбросить остатки наших войск в Волгу. «Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта, — вспоминал А.М. Василевский. — Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озер Цаца и Барманцак (южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрированные удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы — 6-ю и 4-ю танковые немецкие армии»⁷.

Планировалось, что контрнаступление под Сталинградом будет иметь широкий размах и преследовать решительные цели: готова наступательную операцию на фронте 650 км, советское командование собиралось задействовать три фронта, в ко-

торые входили 14 общевойсковых, одна танковая и четыре воздушных армии со значительным числом различных соединений. От предыдущих масштабных операций Красной Армии данную отличали тщательность и скрытность подготовки, удачный выбор направлений главных ударов, своевременный, как и в ходе Московской битвы, момент перехода от обороны к контрнаступлению.

Первоначально советское руководство запланировало начать контрнаступление под Сталинградом 9 ноября 1942 г., затем, как часто указывалось в различных исследованиях и мемуарах, из-за неготовности эту дату передвинули на 4 дня. Прилетев в Житкур, командующий ВВС КА генерал А.А. Новиков вместе с другими представителями Ставки и заместителями Верховного Главнокомандующего генералами Н.Н. Вороновым и Я.Н. Федоренко приступили к обсуждению деталей предстоящей операции. В своих неопубликованных воспоминаниях Александр Александрович писал: «Мы вместе просмотрели план наступления и установили, что авиация и артиллерия к 12 ноября, намеченному дню начала “Урана”, готовы не будут. Авиация будет готова только через неделю, и придется просить И.В. Сталина отложить начало наступления»⁸.

Далее генерал Новиков вспоминал, как нелегко было принять подобное решение, как не любил Сталин вносить коррективы, тем более повторные, в уже утвержденные документы. Однако главнокомандующий ВВС в обращении к вождю указал на необходимость обязательно завоевать в первые же дни господство в воздухе, что является одной из важнейших предпосылок победы над врагом, убедил всех «посвященных» в своей правоте. Сделать это, впрочем, было не сложно: все рода войск находились в схожей ситуации, всем командующим не хватало времени для приведения войск в полную готовность и приема всех пополнений. После обмена мнениями генерал Жуков направил в Москву шифровку с просьбой отложить срок наступления.

Георгий Константинович также упоминал о неготовности войск к указанному Ставкой сроку. Находясь в те ноябрьские дни в штабе Сталинградского фронта, он вечером 11 ноября сообщил Верховному о проведенной работе, отметив и ряд трудностей: «Плохо идет дело со снабжением и подводом боеприпасов. В войсках снарядов для “Урана” очень мало. К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г. Необходимо немедленно подбросить Еременко 100 т антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед»⁹.

Получив шифровку, в ночь на 12 ноября И.В. Сталин дал по телефону указание Жукову: «Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Иванова и Федорова (Верховный имел в виду недостаточную степень готовности частей и соединений ВВС КА Сталинградского и Юго-Западного фронтов; указывались условные фамилии командующих генералов А.И. Еременко и Н.Ф. Ватутина. — Д.Х.), то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи:

Первое — сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе — пробить дорогу нашим наступающим частям путем сосредоточенной бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье — преследовать отступающие войска противника путем сосредоточенной бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации. Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите Ваше общее мнение»¹⁰.

В ответ Жуков и Новиков заверили Верховного в том, что уж к этому сроку все будет в полном порядке, выделенные для участия в операции части и соединения ВВС успеют завершить приготовления в полном объеме. Будут готовы к наступательным действиям танковые войска, кавалерия, включая входившую в конно-механизированные группы, обеспечены достаточными запасами снарядов артиллерийские орудия и минометы, развернуты дополнительные госпитали, решены многие другие вопросы.

Наконец, 13 ноября Ставка ВГК окончательно утвердила план контрнаступления. И здесь надо указать на еще одно, весьма важное обстоятельство, позволяющее объяснить, почему советский вождь столь легко согласился на неоднократную корректировку сроков «Урана». Именно в этот период он получил подтверждение по линии НКВД и разведки информацию, изложенную в «памятной записке» премьер-министра Великобритании У. Черчилля — приготовления к высадке во французской Северо-Западной Африке развернулись полным ходом. А 5 ноября британский лидер с пометкой «Строго секретно. Только для Вас лично» сообщил Иосифу Виссарионовичу: «“Факел” развернется в самое ближайшее время и в весьма значительном масштабе»¹¹.

К этому времени итаलो-немецкие войска под командованием Э. Роммеля проиграли сражение на подступах к Каиру. Перед началом летней кампании 1942 г. Гитлер стоял перед дилеммой: задействовать все силы, предназначенные для этого театра, для поддержки наступления на Александрию или захватить Мальту. Выбрав первое, германо-итальянское командование, казалось, было близко к успеху. Но преодолеть последние оборонительные позиции англичан у Эль-Аламейна они не смогли. «Неудача была вызвана главным образом потоплением немецких и итальянских танкеров (ввиду господства британской авиации и флота. — Д.Х.), уже подходивших к тобрукскому рейду, — отмечал бывший гитлеровский генерал З. Вестфаль. — Из-за отсутствия горячего атакующего войска Роммеля в течение шести дней не могли сдвинуться с места»¹².

Хотелось подчеркнуть — победу союзников у Эль-Аламейна, важную и своевременную, нельзя поставить в один ряд с окружением и разгромом армии Паулюса под Сталинградом. Последнее событие буквально потрясло Германию, лишившуюся в «котле» одной из лучших своих армий, насчитывающей 22 дивизии с частями усиления. В то время в Северной Африке действовали ограниченные немецко-итальянские силы, причем эта группировка, хотя и понесла потери, с боями отошла из Египта в Тунис, сохранив все 4 немецких и половину итальянских дивизий.

Операция «Торч» застала неприятеля врасплох, прежде всего, из-за промахов германской разведки. Фюрер и Главное командование не имели достоверной информации о планах англо-американского десантного соединения. «Немцы быстро оправились от первоначального потрясения, вызванного внезапностью действий союзников, — писал видный британский историк М. Говард. — Уже 9 ноября в Тунис были переброшены первые немецкие части. На следующий день Гитлер издал директиву, согласно которой все усилия на Средиземном море подчинялись одной цели — создать плацдарм в Тунисе»¹³. Был введен в действие план «Антон», согласно которому началась оккупация Южной Франции — французские армия и флот не оправдали немецких ожиданий и практически не оказали противодействия высадке.

Если усилить флот на Средиземном море немцы не могли иначе, чем направив туда несколько дополнительных подводных лодок, то с авиацией дело обстояло иначе. Казалось, господство в воздухе на театре союзников вполне можно оспорить. Причем, боевые самолеты направляли в Южную Францию и Италию, затем в Сицилию и Сардинию, поскольку в Северной Африке они бы стали малополезны ввиду все более возрастающих проблем с горючим — существенно увеличить количество все равно бы не удалось. Еще до высадки союзников в Тунисе началась переброска туда немецких авиационных частей с разных направлений, прежде всего с советско-германского фронта.

Так, к 20 октября на Ближний Восток отсюда направили три первых авиагруппы, за ними последовали другие. Британские историки детально проанализировали маршруты перемещений, включая перелет групп торпедоносцев из Баннака и Наутси (Северная Норвегия) в Катанию и Комисо (Сицилию). Увеличив за месяц с небольшим примерно вдвое авиационную группировку (с 400 до 850 самолетов), создав «Авиаконандование Тунис», «выполнявшее однако лишь задачи по непосредственной поддержке наземных итало-немецких войск и разведке, немцы смогли на некоторое время на равных вести борьбу с численно превосходящими силами союзников»¹⁴.

В середине ноября, за несколько дней до начала операции «Уран», еще шесть авиагрупп двухмоторных бомбардировщиков, включая 76-ю бомбардировочную эс-

кадру в полном составе, были выведены из России. Общее количество самолетов, которых лишилась группировка Восточного фронта в конце осени, можно оценить в 400 боевых машин. Если в августе — сентябре 1942 г. в составе 8-го авиакорпуса, ответственного за сталинградское направление, действовало 700—750 боевых самолетов, то на 19 ноября их осталось 441 (219 боеготовых) ¹⁵.

В свете полученной по всем каналам информации, взвесив все обстоятельства, наше руководство поняло: у немцев не останется другого выхода, как и дальше усиливать свою группировку, прежде всего авиационную (наиболее мобильную), на Североафриканском театре для парирования наступления союзников. А сделают они это не иначе, как за счет переброски части сил с Восточного фронта. Следовательно, противник уже не сможет, как это происходило в сентябре — октябре 1942 г. к северу от Сталинграда, парировать наши наступательные действия мощными ударами с воздуха. Как только «Факел» запылает поярче, люфтваффе увязнет в этих боях.

После победоносного завершения боев и капитуляции Паулюса, штаб ВВС КА так прокомментировал ситуацию в воздухе: «Первый этап операции, завершившейся оперативным окружением Сталинградской группировки противника, был проведен наземными войсками без активного участия нашей авиации. Отсутствия ударов с воздуха вражеской авиации, также скованной плохими метеоусловиями, предоставило свободу действий и маневра нашим наземным армиям» ¹⁶. С.И. Руденко, командовавший в годы войны 16-й воздушной армией вспоминал: «Некоторые общевойсковые командиры были даже довольны тем, что хорошей погоды не предвидится. Мол, будет выключена из работы и вражеская авиация. Сказывалась привычка. Ведь до этого противник всегда имел численное превосходство в воздухе и держал инициативу в своих руках. Нашлись и такие “теоретики”, которые утверждали, что немецкая авиация опаснее для нас в наступлении, чем наша для оборонявшегося противника. Почему? Да потому, мол, что атакующие войска выйдут из укрытий и станут более уязвимыми с воздуха. Критикуя такую близорукость, К.К. Рокоссовский объяснил ее непониманием роли авиации в наступлении» ¹⁷.

Последние исследования позволяют прийти к выводу: наше численное превосходство в боевых самолетах на сталинградском направлении на 19 ноября 1942 г., когда развернулась операция «Уран», было почти трехкратным (даже если приплюсовать к самолетам 8-го авиакорпуса машины румынской и итальянской авиационной группировки).

На второй день контрнаступления под Сталинградом Сталин направил президенту США Рузвельту и премьеру Великобритании Черчиллю послание с кратким изложением первых результатов, заключив: «Операция идет неплохо». Порадовавшись успехам армий союзников, Сталин в письме Рузвельту от 28 ноября, когда окружение армии Паулюса стало свершившимся фактом, следующими словами оценил положение: «В Сталинградской операции мы добились известных успехов, причем нам немало помогли снегопад и туманы, которые помешали немецкой авиации развернуть свои силы» ¹⁸.

Контрнаступление под Сталинградом, ставшее поворотным событием в войне, явилось первой масштабной операцией, в которой при планировании учитывались замыслы наших союзников по антигитлеровской коалиции. Несомненно, и операция «Торч» готовилась и осуществлялась с учетом сложившейся обстановки, занятости большинства дивизий на советско-германском фронте, напряженного многомесячного сражения на берегах Волги. В результате выиграли и Красная Армия, и англо-американские войска.

Примечания

Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 14. В37. 21.0967.

1. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М. 1995, с. 258—259.
2. MORISON S. Operation in North African Waters, October 1942 — June 1943. Boston. 1947, p. 11—12.

3. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. Т. 1. М. 1986, с. 72—73.
4. Там же, с. 73—75.
5. РОСКИЛЛ С. Флот и война. Т. 2. М. 1970, с. 224.
6. HIGGINS T. Hitler and Russia. The Third Reich in a Two Front War 1937—1943. New York. 1966, p. 217—218.
7. ВАСИЛЕВСКИЙ А.М. Дело всей жизни. М. 2002, с. 219.
8. ХОРОБРЫХ А.М. Главный маршал авиации А.А. Новиков. М. 1989, с. 116.
9. ЖУКОВ Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М. 1988, с. 299—300.
10. Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М. 1968, с. 361—362.
11. Переписка Председателя Совета министров СССР..., с. 87.
12. ВЕТФАЛЬ З. и др. Роковые решения. М. 1958, с. 119.
13. ГОВАРД М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. Т. 4. М. 1980, с. 131.
14. Подлинная история люфтваффе. Взлет и падение детища Геринга. М. 2006, с. 200—206.
15. HOOTON E.R. The Luftwaffe: A Complete History 1933—45. Hershham. 2010, p. 170.
16. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), ф. 35, оп. 11285, д. 799, л. 121.
17. РУДЕНКО С.И. Крылья Победы. М. 1976, с. 129.
18. Переписка Председателя Совета министров СССР..., с. 37.

Абсолютизм в России

К.С. Чернов

Российский абсолютизм не есть абсолютизм классического западноевропейского образца. Он обладает другими характеристиками и лишь по названию сопоставим с европейским, прежде всего континентальным абсолютизмом французского типа.

До сих пор не дано четкого определения абсолютизма, не определены ни критерии, ни хронологические рамки этого явления, не предложена его периодизация. Цель данного краткого очерка состоит в том, чтобы за счет восполнения этого пробела посмотреть на историю России XVIII—XIX вв. как на единый, взаимосвязанный процесс генезиса, расцвета и упадка абсолютизма. Высказываемая автором точка зрения является, прежде всего, приглашением к дискуссии и ни в коем случае не носит окончательного характера.

Абсолютизм в России есть форма централизованного государства, при которой монарх обладает неограниченным суверенитетом, реализуемым через сословный строй, бюрократизированные исполнительские институты и систему кодифицированного права.

Исходя из такого определения, критериями, отличающими русскую версию абсолютизма от других форм русского централизованного государства, являются:

1) доминирование в экономике (с/х и промышленности) феодального способа производства и хозяйства, основанного на внеэкономическом принуждении;

2) институционализация самодержавия, как формы политической организации персонализированного института верховной власти, узурпация самодержавием прав суверенитета;

3) «всословность» (патернализм) самодержавия, реализуемая посредством институционализированного сословного строя, основанного на имущественных правах, порождающих права сословные, отсутствие гражданских прав (институт подданства);

4) бюрократическая система исполнительной власти, как механизм реализации суверенных прав самодержавия;

5) кодифицированная правовая система.

Для точного понимания позиции автора, перечисленные критерии должны рассматриваться как единое целое, поскольку именно совокупность указанных факторов создает принципиально новое экономическое, политическое, административное и социальное содержание абсолютизма как формы централизованного государства. Постепенное и, зачастую, последовательное возникновение, развитие и существова-

Чернов Кирилл Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Первого московского государственного медицинского университета им. И.М.Сеченова.

ние отдельных составляющих само по себе может рассматриваться лишь как процесс генезиса. Беглое рассмотрение каждого из критериев позволит определить хронологические рамки абсолютизма и предложить его периодизацию.

Становление экономического базиса абсолютизма — феодального хозяйства, основанного на внеэкономическом принуждении в форме «крепостного права» — порождено фискальными и служебными интересами русского государства, то есть процессом складывания русского централизованного государства — процессом политическим, а не экономическим. Во второй половине XV в. параллельно с присоединением новгородских земель оформились податные интересы московского государства во всех их разновидностях: черного (фискальные интересы государства) и служилого (преимущественно военные интересы государства) тягла. В результате стала широко применяться практика поземельных описей в форме писцовых книг, ставшая механизмом распространения московских служилых отношений на присоединяемые при Иване III и Василии III земли¹. В середине XVI в. начался процесс унификации системы налогообложения. В 1550 г. была установлена единообразная податная единица («большая московская соха»). Переходной формой от «сохи» к подворному обложению стала широко распространенная во второй четверти XVII в. «живущая четверть»². С середины XVII в. на основании переписных книг началось введение подворного обложения, завершившееся в 1676—1678 годах³. Подворное обложение породило такие социально-экономические формы, как запись дворян в холопство и захребетники. С целью их преодоления в 1714 г. были введены майоратные отношения, а в 1724 г. — подушная подать.

В XVI в. появилась военно-служилая форма феодального земельного держания — поместья. В результате деятельного участия дворянства в событиях смутного времени его политическая роль в середине — второй половине XVII в. резко возросла. Результатом этого стало стремление дворянства трансформировать свои поместные земли в вотчинные. Поместье же, напротив, продемонстрировало свою экономическую несостоятельность. Процесс слияния вотчинного и поместного землевладения протекал на протяжении большей части XVII в., решительный шаг к их слиянию был сделан в 1649, а окончательная юридическая фиксация состоялась в 1714 году. В результате возникла новая форма собственности с правом передачи по наследству, но со значительными ограничениями в области свободного отчуждения и юридической фиксацией служилых обязанностей за собственником населенной земли, то есть почти полной утратой помещиком прав в имущественной и полной утратой — в личной и общественной сферах. Майоратные ограничения были отменены в 1730 г., который можно считать датой рождения имущественных прав дворянства.

Прикрепление крестьянства одновременно к земле и личности помещика было предопределено как появлением поместий, так и фискальными потребностями централизующегося и централизованного государства, таким образом, крепостное право — это результат политического процесса формирования централизованного государства. В 1649 г. крестьяне были прикреплены к земле⁴, что предопределило отсутствие рынка свободных рабочих рук. После обретения дворянством в 1730 г. имущественных прав собственности на землю на первый план выступил вопрос об имущественных правах феодала на рабочие руки. Указы второй четверти — середины XVIII в. оформили монополию дворянства на населенные земли⁵ и личность крестьянина⁶, что стало основой для появления, начиная с 40-х гг. XVIII в., феодально-барщинного хозяйства. Проходивший параллельно процесс утраты крестьянством прав личности и собственности завершился только в 1760-е гг., что привело к пугачевщине, в результате чего установился своеобразный социальный баланс между феодалами и крестьянством.

Таким образом, период генезиса экономической основы абсолютизма в форме феодально-барщинного хозяйства представляет собой трехсотлетний процесс, прошедший на вторую половину XV — середину XVIII века.

Первая четверть XIX в. стала преимущественно временем территориального расширения границ феодально-барщинного хозяйства (Черноземье, Украина, Крым, Поволжье) и его утверждения на присоединенных в XVII — XVIII вв. землях. Товаризация помещичьего хозяйства, начавшаяся в 60—80-е гг. XVIII в., стала основным

содержанием русской аграрной экономики первой половины — середины XIX в., продолжившись и в пореформенное время. Статистические данные экспорта товарного зерна показывают его устойчивый рост в 30—70-е гг. XIX в., вплоть до «европейского хлебного кризиса» 1870-х годов. Таким образом, расцвет экономической основы абсолютизма в форме феодально-барщинного хозяйства пришелся на первую половину XIX века.

Кризис феодально-барщинного хозяйства был спровоцирован реформой 1861 года. Сохранение внеэкономического принуждения в виде «временно-обязанного положения» и правительственное манипулирование землей в виде «минимальных», «максимальных», «указных» наделов, «отрезков» и «прирезков» позволило правительству успешно поддерживать экономическую основу абсолютизма и конкурировать на внешнем рынке, постепенно уступая позиции, еще 20 лет, вплоть до 1881 г., когда под давлением внешнеэкономической конъюнктуры и внутривластного кризиса временно-обязанные отношения были ликвидированы. 1880—1910-е гг. — период экономического разложения феодально-барщинного хозяйства, его медленной трансформации в капиталистическое производство, завершившееся ликвидацией помещичьего землевладения в 1917 году.

Таким образом, период существования экономической основы абсолютизма хронологически представляет собой почти 450-летний процесс его генезиса, расцвета и кризиса.

«Россия знала не две, а три разновидности монархической формы государства — сословно-представительную (с середины XVI по конец XVII в.), самодержавную (XVIII — первая четверть XIX в.) и абсолютистскую (середина XIX — начало XX века)»⁷. Для понимания позиции автора необходимо четко разделять термины «самодержавие» и «абсолютизм». Устоявшаяся в литературе точка зрения, говорящая об идентичности этих понятий, представляется не вполне корректной. Самодержавие есть одновременно форма организации верховной власти и один из этапов формирования абсолютизма. Абсолютизм же → это форма централизованного государства, при которой монарх обладает неограниченным суверенитетом (самодержавием), реализуемым через сословный строй, бюрократизированные исполнительские институты и систему кодифицированного права. Самодержавная форма организации верховной власти — важнейшее, но не единственное условие возникновения абсолютизма. Самодержавная форма монархического государства — важнейший, но не единственный этап формирования абсолютизма. Таким образом, абсолютистскую форму монархического государства отличает от самодержавной наличие в руках самодержца институционализированных механизмов реализации своих самодержавных прав.

Неограниченность верховной власти монарха была отвоевана русскими царями в многовековой борьбе с феодальной знатью и местным сепаратизмом. «Становление самодержавия в России нельзя оторвать от процесса формирования централизованного государства. ... Генезис самодержавия охватывает время от рубежа XV—XVI веков до начала XVIII-го», то есть от Ивана III до Петра I. Неограниченность монархической власти была философски осмыслена Ф. Прокоповичем в 1722 г., который, в полном соответствии с наиболее передовой для своего времени политико-философской теорией договорного происхождения власти, провозглашал власть императора суверенной, неограниченной и независимой. «С Петра I верховная власть становится в полном объеме самодержавной, то есть независимой ни от кого — ни от каких-либо групп населения, ни от государственных учреждений, ни от церкви»⁸.

Период дворцовых переворотов стал временем формирования идеологии самодержавия как политического института. Опора трона на поместное дворянство в борьбе с аристократией имела два последствия. Во-первых — существенное ограничение политического всевластия аристократии. Во-вторых — расширение имущественных прав поместного дворянства (монополия на землю и крестьян), то есть углубление процесса формирования феодально-барщинного хозяйства. Таким образом, наличие барщинного хозяйства является обязательным условием трансформации самодержавия.

Результатом победы союза самодержавия с поместным дворянством над аристократией стало превращение под влиянием просветительства идеологии «самодер-

жавия Ф. Прокоповича» в русскую версию теории «мудреца на троне» Екатерины II и ее последующую консервацию Н.М. Карамзиным, провозгласившим самодержавие «палладиумом России». Таким образом, формирование идеологии самодержавия как социально-политического института прошло два этапа и хронологически пришлось на XVIII — первое десятилетие XIX века.

Оформление идеологии самодержавия продолжалось весь XIX в., подстраиваясь под конкретные исторические внешние и внутренние социально-политические условия. В 20-е г. это была доктрина «легитимизма»; в 30—50-е — «теория официальной народности»; в 60—70-е — «правительственный либерализм», ставший началом кризиса идеологии самодержавия; в 80—90-е — доктрина «народного самодержавия», окончательно деградировавшая в начале XX века. Последовательная смена этих доктрин в рамках процесса становления и последующего развития абсолютизма объясняется тем, что единственной целью их существования было обеспечение доминирования в политической сфере самодержавия как персонализированного института верховной власти с эксклюзивным правом суверенитета.

Идеологическое оформление самодержавия, однако, не означало автоматического превращения монархической формы правления из самодержавия в абсолютизм. Для институционализации самодержавия было необходимо создать социальные и государственные институты, навязать обществу определенные правила взаимоотношения как между собой, так и с верховной властью. Только наличие таких институтов обеспечивало монарху доминантное положение в государстве и обществе. Механизмом создания этих институтов стала доктрина «законной монархии», трансформированная усилиями М.М. Сперанского в систему «законов непременных».

Формирование сословного строя — это 150-летний процесс, в котором можно выделить четыре этапа.

Первый этап пришелся на вторую четверть — середину XVIII века. В рамках деятельности П.И. Шувалова по подготовке Уложенной Комиссии была предпринята первая попытка кодификации дворянских прав. Петр III даровал указ о вольности дворянской. В результате дворянство из служилого сословия, тянувшего в пользу государя и государства «служилое тягло», превратилось в неподатный привилегированный слой, обладавший рядом гражданских прав, важнейшим из которых было освобождение от службы и податей (подушной и постоя). Следует особо подчеркнуть, что освобождение дворянства лишало царизм механизмов непосредственного контроля над ним, что в корне противоречило процессу трансформации самодержавия в социально-политический институт и объективно тормозило генезис абсолютизма. Выход дворянства к середине XVIII в. за пределы патерналистской модели взаимоотношений монарха с подданными вынуждал самодержавие искать опору не только у дворянства, а это вело к необходимости одновременной кодификации прав всех сословий.

Неудавшимися крайностями стали, во-первых, «павловский деспотизм» — стремление вновь поставить дворянство в зависимость от верховной власти, во-вторых — широко распространившиеся в правительственных кругах первой четверти XIX в. идеи народного представительства, то есть проекты превращения самодержавия в третейского судью, примиряющего в интересах всего государства разнонаправленные социальные стремления в рамках законосовещательного представительного органа, своего рода постоянно действующей Уложенной Комиссии⁹.

Реализовавшейся следует признать модель «истинной монархии», которая философски оформилась в споре Н.М. Карамзина и Сперанского¹⁰ — двух наиболее крупных русских политических философов рубежа XVIII—XIX вв. — и реализовалась в действующую русскую политическую модель в первой половине XIX века. «Истинная монархия» — своеобразный «синтез абсолютизма и гражданского общества, единовластия и правового, законодательного регулирования социальных отношений, совмещение сословно-иерархического строя и свободной личности». Формой этого синтеза стала бюрократия, представляющая собой социально-правовой механизм реализации принципа уважения в форме субординации всех членов сословных корпораций к закону и его субъекту-самодержцу. В результате сложилась «концепция правового государства в рамках феодального общества. В нем личные вещественные и

гражданские свободы оказывались средством создания государственного единства и укрепления самодержавия»¹¹.

Создание подобной политической модели было невозможно без оформления сословного строя, которое пришлось на вторую половину XVIII в., став содержанием второго этапа. Жалованные Грамоты дворянству и городам 1785 г. кодифицировали до того разрозненное законодательство о сословиях и существенно расширили его, даровав дворянству и городскому населению личные и общественные права (сословное самоуправление). Сословная стратификация общества была реализована самодержавием в двух плоскостях — горизонтальной и вертикальной. Целью горизонтальной стратификации было определение отношений между сословиями. Механизмом ее реализации царизм избрал путь разделения сословий по принципу имущественных прав, что, безусловно, было значительным шагом вперед по сравнению с предшествующей практикой. Таким образом, критерием горизонтальной сословной идентификации стало отношение к собственности (экссклюзивное право владения землей или занятия торговлей). Целью вертикальной стратификации была регламентация отношений сословий с верховной властью, а ее механизмом стал принцип отправления или неотправления податей, что было, безусловно, возвращением к временам средневековья.

Имущественный принцип горизонтальной сословной стратификации исключал крестьянство из числа сословий. Монопольное право дворянства владеть населенными землями и крайние формы дворянского патернализма в отношении помещичьего крестьянства препятствовали и наделению крестьянина собственностью, и дарованию ему личных и общественных прав. Это сужало социальную базу абсолютизма и делало невозможным завершение процесса социальной институционализации самодержавия, его трансформации в надсословный институт власти и предопределило рождение крестьянского вопроса, который стал основным содержанием третьего и четвертого этапов. Крестьянский вопрос — это результат правительственной политики сословной регламентации, навязанной обществу сверху. Он не объясняется экономическими причинами или кризисом феодально-барщинного хозяйства, говорить о котором ни в середине XVIII, ни в первой половине XIX в. не приходится. Зарождающийся в конце XVIII в. и отчетливо наблюдаемый в первой половине XIX процесс районирования, выделение черноземья и нечерноземья со свойственным первому барщинным хозяйством, а второму — одновременно отходничеством и мясчиной, рациональным помещичьим хозяйством и падением доходности помещичьего хозяйства — результат, в первую очередь, углубления, интенсификации процесса складывания всероссийского аграрного рынка, то есть феодального рынка товаров¹².

Хотя впервые крестьянский вопрос был сформулирован еще в рамках Вольного Экономического Общества, третий этап пришелся на первую половину XIX века. Попытки самодержавия законодательно определить права крестьянства (проект жалованной грамоты крестьянству, указ о трехдневной барщине 1797 г., указ о разрешении казенным поселянам покупать ненаселенные земли 1801 г., указ «о вольных хлебопашцах» 1803 г., история секретных комитетов по крестьянскому вопросу при Николае I (идея двуединой реформы), реформа П.Д. Киселева 1837—1838 гг., указ об обязанных крестьянах 1842 г., инвентарные правила 1845—1847 гг.) наглядно свидетельствуют одновременно об осознании верховной властью необходимости включения крестьянства в сословную структуру общества, и о невозможности завершить процесс строительства сословного строя, не затронув интересов дворянства, не разрушив имевшуюся сословную конструкцию.

Единственное, чего удалось достигнуть в крестьянском вопросе — это интегрировать крестьянскую общину в систему бюрократического аппарата управления империи в рамках реформ Киселева и местного управления 1837 и 1845 годов. В юридической плоскости это означало кодификацию общественных прав крестьянства.

Одновременно с безуспешными попытками решения крестьянского вопроса, в первой половине XIX в. шел процесс адаптации имущественных прав дворянства и городов к менявшейся экономической ситуации, к поступательному развитию феодально-барщинного хозяйства (указ 1801 г., разрешивший купечеству и мещанству

покупать ненаселенные земли; указ 1807 г. по делу Вердеревского (родовое имение, проданное в тот же род, не переменяет своего свойства, оставаясь родовым); указ 1814 г. о запрете личным дворянам покупать населенные земли, и запрете разночинцам, купцам и мещанам покупать крестьян; указ о майоратах 1845 г., запретивший дробление имений размером не менее 400 крестьянских дворов). В это же время продолжалась правительственная политика уточнения общественных прав дворянства и городского населения. Одновременно подтверждалось отсутствие общественных прав у крестьянства.

Четвертый этап пришелся на 50—60-е гг. XIX века. Поражение в Крымской войне и угроза утраты статуса великой европейской державы, то есть сугубо внешнеполитические причины, выдвинули на первый план необходимость создания новой армии на основе идеи «вооруженного народа», выразившейся во всеобщей воинской повинности. Это неизбежно повлекло за собой необходимость предоставить крестьянину права личности. В модели русского сословного строя гражданские права были следствием имущественных прав, а потому встал вопрос о наделении крестьянина землей. В рамках реформы 1861 г. был найден выход из, казалось бы, тупиковой ситуации. Формально наделив крестьянина землей, но в столь малом объеме, чтобы не подорвать дворянской монополии и при сохранении общины, либеральная бюрократия *de jure* предоставила крестьянству имущественные права (ничего не дав *de facto*) и, как следствие, права личности. В результате стало возможным формировать армию из крестьянского сословия целиком, а не частично, как это было ранее на основе рекрутчины. Всеобщая воинская повинность, градуированная правительством по принципу образовательного ценза, стала, прежде всего, крестьянской воинской повинностью. Армия приобрела свойства социального института, превратившись наравне с бюрократией, в социальный лифт. Реформа 1861 г. завершила процесс формирования сословного строя, добавив к ранее кодифицированным общественным правам крестьянина права имущественные и личные, в результате чего крестьянство превратилось в третье по счету сословие Российской империи, а самодержавие приобрело надсословный статус и, тем самым, трансформировалось в персонализированный институт верховной власти.

Объективно исторический процесс становления и развития русской государственности с фатальной неизбежностью вел к существенному расширению исторического ядра. Причиной этого стал малый объем производимого обществом совокупного прибавочного продукта, что предопределило появление натурального и экстенсивного типа хозяйства, поступательное развитие которого требовало интегрирования в состав государства новых территорий. Рост территории способствовал увеличению совокупного прибавочного продукта, но объективно тормозил развитие торговых и товарных связей. Включение новых земель в состав страны требовало проведения активной внешней политики. В результате под властью русских царей оказались территории, различные по географическому положению, а значит, и по доминирующему типу хозяйства, который определял типологию социальных отношений.

Формирование системы государственного управления было первоочередной задачей на всех этапах генезиса централизованного государства, особенно в начале XVIII в. в связи с Северной войной. По этой причине петровские административные реформы оказались недостаточными для решения исключительно локальной задачи — победы в войне. В свою очередь это стало причиной постепенного, но целенаправленного демонтажа петровской управленческой модели, начавшегося сразу же после его смерти. Елизаветинский «реставрационный период» также не увенчался успехом. Проведенная в 1775 г. губернская реформа заложила основные принципы административно-территориального деления страны и коллегиальности системы местного управления, одновременно ликвидировав систему центральных административных органов. В силу этого основное внимание Александра I в довоенный период было сконцентрировано на создании системы центральных государственных учреждений: преимущественно этой проблематике была посвящена деятельность Негласного комитета и Сперанского. В итоге к 1812 г. была в полном объеме проведена министерская реформа. В результате со всей отчетливостью проявился дисбаланс между принципом единоначалия, положенным в основу системы центральных учреждений, и

коллегиальности, на котором строилось местное управление. Попытка устранить это противоречие вылилась в нереализованный генерал-губернаторский проект (опыты А.Д. Балашова)¹³, целью которого было построение вертикально-интегрированной системы, при которой каждое местное учреждение было бы подчинено прямой определенному министерству. Завершение процесса выстраивания государственных институтов пришлось на вторую четверть XIX века. Федералистская модель не нашла поддержки в Комитете 6 декабря. Окончательно дисбаланс между принципами единоначалия и коллегиальности был устранен административными реформами 1837 г. («Положение о губернском управлении») и 1845 г. («Учреждение губернских правлений»). В основу системы государственных институтов еще Сперанским был заложен принцип разделения властей, который в российских реалиях превратился в принцип разграничения функций в системе исполнительной власти.

Параллельно с процессом формирования государственных институтов шел целенаправленный процесс создания государством социального института чиновничества и армии. Инструментом для этого стала «Табель о рангах», трансформированная Сперанским в рамках политической модели «истинной монархии» в социальный инструмент¹⁴, что привело к появлению в первой четверти XIX в. ярко выраженной правительственной политики в сфере образования¹⁵. Во второй половине XIX в. система образования превратилась в социальный лифт, дававший, наряду с Табелью о рангах и армейской структурой, возможность изменить социальное положение.

Результатом всех административных реформ второй половины XVIII — первой половины XIX в. стало создание лишенных власти, но наделенных полномочиями реализовывать политику верховной власти, вертикально интегрированных управленческих институтов, своего рода административных и судебных департаментов самодержавия. Законодательное оформление структуры управленческих институтов, лишение их по закону реальной власти, сосредоточение власти исключительно в руках персонализированного института верховной власти обеспечивало самодержавию статус надгосударственного института, единственного института власти в стране.

Потребность в кодифицированном праве также остро ощущалась на всех этапах генезиса централизованного государства. В середине XVIII в. она превратилась в насущную потребность времени в связи с начавшимся процессом институционализации самодержавия. Попытки Елизаветы Петровны и Екатерины II кодифицировать право в рамках уложенных комиссий не увенчались успехом, что к началу XIX в. еще больше актуализировало проблему. Во-первых, усложнение системы административного управления империи, создание губерний и министерств потребовало незамедлительно предоставить в руки нарождавшейся бюрократии инструмент управления. Последний имевшийся в их распоряжении свод законов — Соборное Уложение 1649 г. — не отражал уже ни социальной структуры общества, ни административной модели, и не удовлетворял нуждам управления. Во-вторых, «деспотический унитаризм» Павла I, нарушавший сословные привилегии всех слоев общества (в том числе и крестьянства), поставил на повестку дня вопрос о необходимости кодификации имеющихся и разработке недостающих механизмов реализации сословиями своих прав, а самодержавием — своего надсословного статуса. Таким образом, потребовалось дополнить декларации екатерининского законодательства о сословиях действенными механизмами.

Таким образом, кодификация российского законодательства была предопределена внутренними факторами — поступательным развитием абсолютизма, являясь обязательным условием институционализации самодержавия.

Для кодификации был необходим инструмент. В рамках политики правительственного конституционализма первой четверти XIX в. была предпринята попытка адаптировать французскую конституционную модель. Неудавшимися проектами такого рода стали «План государственных преобразований» Сперанского и Государственная Уставная Грамота. Во второй четверти XIX в. реализовалась модель Свода Законов, по форме более напоминающая британские образцы, хотя и копирующая их в значительно меньшей степени, чем это свойственно правительственному конституционализму в отношении французских образцов.

Подводя итог вышесказанному можно предложить следующую периодизацию истории абсолютизма в России.

Середина XVI — конец XVII в. — период генезиса самодержавия. Основным содержанием данного периода стала борьба монарха с боярской аристократией, политическим механизмом которой явилось сословное представительство, а социально-экономическим — служилая форма феодального земельного держания, породившее закрепощение, но оказавшееся несостоятельным как экономическая модель. В результате складывается идеология «самодержавия Ф. Прокоповича» — неограниченное, но зависимое, и единая форма феодальной земельной собственности со служебным обременением.

XVIII — 1861 г. — период генезиса абсолютизма. Его основное содержание — формирование и реализация на практике доктрины «законной монархии», включающей институционализацию самодержавия, социальных отношений, аппарата управления.

1861—1905 гг. — кризис абсолютизма. Реформа 1861 г. стала одновременно актом завершения процесса генезиса абсолютизма и началом его кризиса, так как заложила основу возникновения буржуазных отношений. Александр II стал первым в истории России абсолютным монархом, способным навязать обществу свою волю. Кризис абсолютизма был вызван преимущественно экономическими причинами — объективным проигрышем России в конкурентной борьбе, что выразилось в хлебном кризисе 1880-х годов. Правление Александра III, ознаменовавшееся политикой «народного самодержавия», стало периодом, подготовившим гибель абсолютизма.

Примечания

1. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ В.Б. Писцовые книги России XVI в. Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М. 1991.♦
2. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М.-СПб. 1915—1916.
3. МИЛОВ Л.В., БУЛГАКОВ М.Б., ГАРСКОВА И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Источник, компьютер и методы исследования. М. 1986.
4. «Первенствующая роль прикрепления крестьян к земле, а не к ее владельцу в значительной мере связана с высоким удельным весом поместной системы в феодальном землевладении. ... в Уложении 1649 г. крестьянин выступает ... как органическая принадлежность поместья и вотчины независимо от личности владельца. Это очевидно прежде всего из запрета переводить крестьян из поместий в вотчины даже в пределах одного владения». МАНЬКОВ А.Г. «Уложение 1649 года кодекс феодального права России». Л. 1980, с. 98.
5. 25 октября 1730 г. о запрете боярским людям, монастырским слугам и крестьянам приобретать недвижимые имения как в городах, так и в уездах; 1737 г. — запрет крестьянам покупать земли без согласия помещиков; 1746 г. — запрет купцам и всем разночинцам иметь крестьян с землей и без земли; 1762 г. — запрет всем фабрикантам и заводчикам не из дворян покупать к своим фабрикам и заводам деревни и крестьян с землями и без земель. ЯБЛОЧКОВ М. История дворянского сословия в России. Смоленск. 2003.
6. 1731 г.: 22 статья регламента Камер коллегии запретила крестьянам вступать в подряды и откупа, 1731 г.: 6 статья регламента Камер коллегии возложила на помещика обязанность платить подушную подать за крестьян; 1734 г. — запрет крестьянам брать в казне откупа и заводить суконные фабрики; 1739 — запрет крестьянам «покупать людей в услужение; 1747 — право помещика продавать крестьян и дворовых для отдачи в рекруты, но с обязательством платить подушное за проданных; 1760 — право без суда одной помещицей властью ссылать в Сибирь на поселение; 1761 — запрет крестьянам давать векселя и обязываться поручительством; 1765 — право без суда одной помещицей властью ссылать в каторгу; 1766 — право помещика в любое время отдать крестьян и дворовых в рекруты; 1767 г. — запрет крестьянам жаловаться на помещика. ЯБЛОЧКОВ М. Ук. соч., с. 437—438.
7. ЧЕРНОВ С.Л. Эволюция монархической формы государства в России. От античности до современности. Сб. статей по отечественной и всеобщей истории, посвященный академику Российской академии наук, заслуженному профессору Московского университета Юрию Степановичу Кукушкину. М. 2012, с. 484—485.
8. ЧЕРНОВ С.Л. К вопросу о времени возникновения абсолютизма в России. Россия в XVIII—XX веках. М. 2000, с. 35—38.

9. Государственная Дума по проекту М.М. Сперанского (1809 г. «Введение к уложению государственных законов»). Общеперский и наместнические сеймы по проекту Н.Н. Новосильцева (1820 г. Государственная Уставная Грамота Российской Империи).
10. ЗАВИТНЕВИЧ В.З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев. 1907; КОРФ М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб. 1861; ПЫПИН А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб. 1900.
11. ОСИПОВ И.Д. Истинная монархия графа М.М. Сперанского. СПЕРАНСКИЙ М.М. Руководство к познанию законов. СПб. 2002, с. 21—22, 28.
12. МИЛОВ Л.В., КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Всероссийский аграрный рынок. М. 1974.
13. АРУТЮНЯН В.Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х годов. Вестник Московского университета. Серия 8. История, № 4, с. 68—82; ЕГО ЖЕ. Генерал-губернатор А.Д. Балашев и статистический очерк его округа. Румянцевские чтения. М. 2006, с. 13—18.
14. «Пусть Петр составил табель о рангах, только Сперанскому удалось положить табель о рангах в основу политической структуры России. XVIII век не знал бюрократии: плодил еще московских дьяков и подъячих, старое «крапивное семя» строчителей кляузных бумаг, побирушек и «ябедников», сообщающих провинциальному административному быту XVIII века столь архаический допетровский стиль... Сперанский ... действительно сумел всю Россию ... уложить в тончайшую сеть табели о рангах, дисциплинировал, заставил работать новый правящий класс. Служба уравнила дворянина с разночинцем». ФЕДОТОВ Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т.1. СПб. 1991, с. 137.
15. Предварительные правила народного просвещения 1803 года. Указы 1809 г. (о придворных званиях и экзаменах на чин). Университеты, лицеи, институты при Александре I. Цензурный и университетский уставы 1804 года. Меры правительства Александра I в области книгоиздательства (переводы А. Смита, Беккария, Бентама, Делольма).

Три встречи с Иммануилом Кантом

Н.В. Солнцев

Иммануил Кант, родоначальник немецкой классической философии и ученый, родился в Кёнигсберге в 1724 году. Он прожил долгую жизнь в родном городе, где и умер в 1804 году. В отличие от других философов, своих предшественников и современников, он никуда не выезжал, однако жил не в изоляции от мира и людей, живо интересовался происходящим, переписывался с единомышленниками, общался с коллегами по университету. Его дом навещали друзья, ученики и просто знакомые. Среди них были и наши соотечественники. Жизнь Канта до и после смерти была связана с Россией. О некоторых почти неизвестных страницах биографии философа, хотелось бы рассказать.

Первая встреча связана с мало известным эпизодом из жизни двух великих людей: Канта и Суворова. Встреча их произошла случайно и даже не привела к личному знакомству. Суворов, видимо, что-то знал о Канте по рассказам отца и отзывам его приятеля, поручика Андрея Болотова, который изучал философию в университете.

В 1756—1762 гг. шла «Семилетняя война» между Россией и Пруссией. В боевых действиях русской армии активное участие принимал подполковник Александр Васильевич Суворов. 22 января 1758 г. русские войска взяли Кёнигсберг. Спустя два года генерал-губернатором Восточной Пруссии был назначен главный полевой интендант заграничной русской армии генерал-поручик Василий Иванович Суворов, отец Александра Васильевича.

Генерал-губернатор отличался трудолюбием, порядочностью и ответственным отношением к делу. Того же он требовал от чиновников и офицеров гарнизона. В городе он поддерживал образцовый порядок. Зная отлично немецкий язык, сумел установить хорошие взаимоотношения с местным населением. Жители города относились к нему с уважением, нередко обращались со своими нуждами и всегда находили поддержку. Современники отмечали незаурядные способности Василия Ивановича к наукам. Екатерина II отзывалась о нем, как о человеке «весьма образованном, который говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых или живых языках»¹. Переводчик при губернаторской канцелярии, подпоручик А. Болотов вспоминал, что В.И. Суворов сведущ во многом и отменно любит науки. Губернатор слушал с особым вниманием речи о новой философии и просил перечислить наиболее важные ее начала.

Глубокое понимание значения научного знания губернатор убедительно показал на примере своего отношения к университету Кёнигсберга. В Пруссии еще шла война. В городе — русский гарнизон. Власть — в руках российских чиновников и

Солнцев Николай Васильевич — доктор философских наук, профессор.

военных. Несмотря на все это, университет нормально работал. Ни один профессор, студент или служащий не почувствовали ни малейшего притеснения.

Но одно распоряжение губернатора оживило умеренную, спокойную жизнь университета. Его давно беспокоили безделье, праздное, пустое времяпрепровождение (балы, танцы, гулянья) чиновников канцелярии и офицеров гарнизона. Можно было, конечно, пойти традиционным путем: ужесточить дисциплинарные меры. Василий Иванович нашел другой выход. Он распорядился создать в университете курсы для офицеров гарнизона.

Было решено читать два предмета: фортификацию и фейерверк. По понятным причинам в учебной программе Университета эти дисциплины отсутствовали. Однако преподаватель нашелся: лекционный курс пожелал прочитать Иммануил Кант. Для его коллег по работе такой шаг Канта был вполне уместным, так как в тот период он вплотную занимается проблемами естествознания. Согласившись вести курс по фейерверку, Кант опирался на свою работу «Рассуждение об огне» (1755 г.), в которой он размышлял не о способах изготовления и применения декоративных цветных огней, а о том, что составляет природу и сущность огня, каковы его энергетические возможности. В лекциях по фортификации Кант излагал русским слушателям важнейшие математические и физические основы инженерного строительства. Для него эти проблемы также не были новостью. Его вторая диссертация (1755 г.) называлась «Об использовании в философии метафизики в сочетании с физикой или физическая монадология». Из ее теоретических постулатов логически вытекали наиболее существенные основы и направления развития военно-инженерного дела.

Подполковник Суворов в 1760—1761 гг. участвовал в боевых операциях на территории Восточной Пруссии. В перерывах между боями он отлучался в Кёнигсберг, чтобы повидаться с отцом, пообщаться с сослуживцами. При этом он не упускал возможности посетить курсы в университете. Вместе с другими офицерами он побывал на одной или двух лекциях Канта.

Так состоялась встреча офицера русской армии и будущего Генералиссимуса подполковника Александра Васильевича Суворова с будущим гениальным философом Иммануилом Кантом в начале второй половины XVIII столетия.

Спустя три десятилетия после Семилетней войны состоялась встреча с Кантом двадцатитрехлетнего русского писателя (в последствии известного историка, автора «Истории государства Российского») Николая Михайловича Карамзина. В 1789—1790 гг. Карамзин посетил Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию и Англию. Путешествие он считал не развлечением, а познанием. Он задался целью открыть Запад широкому русскому читателю, а Запад познакомить с Россией. «Наши соотечественники давно путешествуют по другим странам, — писал он, — но до сих пор никто до них не делал этого с пером в руке»². Карамзин не просто наблюдал и фиксировал факты. Он размышлял, анализировал увиденное и услышанное, не восторгаясь, а критически сравнивая европейское с российским. Его путевые заметки постоянно дополнялись мыслями из произведений зарубежных писателей и ученых. Так «Письмо русского путешественника», над которым Карамзин работал на протяжении нескольких лет, стало одним из популярных произведений русской литературы конца XVIII века.

Не мало времени Карамзин провел в Германии. Он знакомился с политическим устройством, социальными условиями, государственными учреждениями страны, посещал лекции знаменитых профессоров Лейпцигского университета, знакомился с учеными, писателями, военными.

В июне 1789 г. Карамзин приехал в Кёнигсберг. Город произвел на него благоприятное впечатление, как один из больших городов Европы. Много хороших домов, писал он, но таких больших домов, как в Москве и Петербурге нет. Вообще, Кёнигсберг «выстроен едва ли не лучше Москвы». Много военных: «везде попадаются в глаза мундиры».

19 июня, после обеда, Карамзин появился в доме Канта. Дом у него, замечает писатель, маленький, и в нем приборов (то есть мебели) немного. Все просто, кроме его метафизики. Встреча была теплой, доброжелательной. Карамзин пишет: «Меня встретил маленький, худенький старичок, отменно белый и нежный»³. Рассуждали о

путешествиях, о Китае, об открытии новых земель. Карамзин был восхищен и удивлен историческими и географическими знаниями ученого.

Затем беседа перешла в философское русло. Как бы предупреждая гостя о сложности темы, Кант сказал: «Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости»⁴. По воспоминаниям Карамзина можно судить, что рассуждения Канта касались вопросов нравственности. Говоря о своей жизни, Кант заметил, что считает счастливыми те дни, когда он действовал сообразно с Законом нравственности.

Подчеркивая столь высокое значение нравственного закона в поведении человека, Кант, разумеется, постарался разъяснить Карамзину его смысл. Как известно, философ разработал основной Закон этики — «Категорический императив» в «Критике практического разума» (1788 г.). Там он имеет две формулировки. Первая гласит: «...поступай только согласно такой максимы, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим Законом»⁵. Вторая формулировка рекомендует: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»⁶.

По Канту, Категорический императив является не частным законом, а выступает всеобщим, обязательным принципом поведения для каждого. Им должны неуклонно руководствоваться все люди, независимо от их происхождения, социального положения и т.п. Нравственный закон требует предельно ограничить личный эгоизм и предписывает неприкосновенность другого человека: «Другой человек должен быть для тебя святым» — писал Кант. Надо руководствоваться самоограничением, оберегать свое достоинство, исключая все случаи нежелательного поведения, то есть такие поступки, которые противоречат принципам основного нравственного закона. Наш моральный долг не нарушать отношения взаимности. От этого зависит наше счастье.

Кант считал, что знание данного закона не представляет большой трудности. Знание его не зависит ни от образования, ни от воспитания человека. Закон знает каждый априори, независимо от опыта. И благородный, и подлец хорошо знают, является ли их поступок нравственно справедливым или нет.

Завершая свои записи, Карамзин признается, что слушать Канта ему приходилось «с напряжением всех нерв слуха», так как «Кант говорит скоро, весьма тихо и невразумительно»⁷.

После почти трехчасовой беседы, Карамзин попрощался с Кантом, но перед тем как расстаться, вспоминает Карамзин, «Кант записал мне титулы двух своих сочинений, которых я не читал: “*Kritik der praktischen Vernunft*” и “*Metaphysik der Sitten*”⁸, и сию записку буду хранить как священный памятник. Вписав в свою карманную книжку мое имя, пожелал он, чтобы решились все мои сомнения; потом мы с ним расстались»⁹.

Третья «встреча» Канта с русскими состоялась уже после его смерти, в ходе Великой Отечественной войны. В январе-апреле 1945 г. советские войска наступали в районе Восточной Пруссии. Успех операции в решающей степени зависел от овладения ее столицей Кёнигсбергом. Немецко-фашистское командование подготовило город к длительной обороне. Он был превращен в мощную крепость, опоясан тремя оборонительными позициями. В городе имелись подземные заводы, арсеналы, склады. Он был приспособлен к ведению боевых действий в полной изоляции. Кёнигсберг обороняли четыре пехотные дивизии, несколько отдельных полков и батальонов фолькштурма, всего до 130 тыс. человек¹⁰.

В начале апреля советское командование предложило гарнизону сложить оружие. Предложение было отвергнуто, и противник продолжал упорно сопротивляться. Бои шли в центре города. Почти каждый дом приходилось брать штурмом. Одним из очагов сопротивления фашистов был Главный кафедральный собор. За его мощными стенами и в глубоком подвале укрывалась большая группа немецких солдат и офицеров. Они отстреливались и время от времени бросались в атаку. Перед командованием 685-го стрелкового полка была поставлена задача — выбить немцев из Собора, овладеть им и продолжить наступление.

В составе этого полка воевал командир взвода связи Герой Советского Союза старший лейтенант А.А. Белый. В ночь на 7 апреля он дежурил в штабе полка. На рассвете, в пятом часу, вспоминает Белый, зазвонил полевой телефон. Звонили из штаба 193-ей стрелковой дивизии. Ему было приказано принять все меры, чтобы сохранить могилу Канта, находящуюся у стен Собора.

Белый ответил, что им сейчас не до могилы какого-то немца, все под обстрелом, и каждый день они хоронят своих.

Начальник Политотдела выдержал паузу и четко ответил: «Не “какой-то немец”, старший лейтенант, а большой друг Карла Маркса... Вы меня поняли? Выполняйте приказ!» И положил трубку.

Дежурный почувствовал свою вину за оплошность и тут же доложил командиру полка о содержании разговора с начальником политотдела. Тот, долго не думая, приказал найти могилу «друга Маркса» и после этого прекратить минометный огонь в сторону могилы.

Территория вокруг Собора была огромной, насквозь просматривалась и находилась под прицельным огнем с обеих сторон. Собор уже наполовину был разрушен, верхняя его часть снесена полностью, кирпичные стены испещрены попаданиями мин и осколков. Вокруг собора — сплошные воронки от снарядов.

7 апреля утром над Собором стоял густой туман. Белый решил воспользоваться погодой и приказал командиру первого отделения взять с собой одного бойца. Перебежками, ползком, соблюдая все меры предосторожности, облазить территорию вокруг Собора. Часа через два или три они вернулись. Сержант доложил, что могилу нашли. Она оказалась совсем недалеко от линии обороны, примерно, в 200—250 метрах.

Уже после окончания войны, вспоминая с сослуживцами о прошлом, Белый «разгадал» истинный смысл случившегося с ним. Начальник политотдела, конечно, понял, что он ничего не знает о немецком философе и прекрасно знал, что сражающимся у собора не было никакого дела до могилы «какого-то немца». Вот почему он тогда сказал неправду. Назвав Канта другом Маркса, он не сомневался, что могила будет спасена. Она и была спасена. В тот же день, 7 апреля командир полка приказал по правому крылу Собора, где находилась могила Канта, минометный огонь не вести.

В настоящее время склеп и могила Иммануила Канта, ограда вокруг них, решетки и надписи приведены в порядок. Вокруг цветы. Только жаль, что о судьбе праха великого философа, национальной гордости немецкой нации никто ничего не знает.

Что касается «дружбы» И.Канта и К.Маркса, то ответ на него содержится в их учениях. Маркс высоко ценил Канта, как выдающегося философа и ученого. В то же время, он отмечал противоречия в его учениях, двойственный характер его философии, подвергал критике ее субъективно-идеалистические и агностические тенденции.

Примечания

1. МИХАЙЛОВ О. Суворов. Исторический роман. М. 1980, с. 13—14.
2. КАРАМЗИН Н.М. Письма русского путешественника. М. 1988, с. 18.
3. Там же, с. 52.
4. Там же.
5. КАНТ И. Сочинения. Т.4. М. 1965, с. 260.
6. Там же, с. 270.
7. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 54.
8. «Критика практического разума» и «Метафизика нравов».
9. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 53.
10. Советская Военная Энциклопедия. Т.4. М. 1977, с. 139—140.

Монастыри и окружающий мир в конце XVI—XIX в.

Н.В. Башнин

В современной литературе исследование поминальной культуры является самостоятельным историографическим направлением¹, а представления о смерти — важной проблемой исторической антропологии². А.И. Алексеев отмечает, что к VI в. появились отличия между поминальными традициями восточного и западного христианства³. В частности, на Западе установился восходящий к античности обычай поминания усопшего в день смерти, на седьмой и тридцатый дни, а в Восточной церкви такими днями стали, помимо дня смерти, третий, девятый и сороковой. Система дифференцированных поминаний была разработана в Западной Европе в X—XI вв., а на Руси — в XV — начале XVI века. Но если на Западе система поминаний была определяющей в отношении между живыми и мертвыми до эпохи Реформации, то на Руси, по словам Л. Штайндорфа, появилась сложная система поминаний, не известная в других православных странах. При этом «структурные сходства с средневековыми монастырями в Западной Европе более заметны, чем генетические связи с формами поминания в Византии», однако «старые традиции поминания усопших как вид народной культуры и религиозной жизни гораздо лучше сохранились в России»⁴, чем в Западной Европе и сейчас возрождаются⁵.

Жизнь православных общин регламентируется Церковным Уставом, в рамках которого и осуществляется поминовение. Христианство пронизано идеей Воскресения. По словам апостола Павла, «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15:13-14). Согласно свт. Иоанну Златоусту, поминовение усопших на литургии было установлено еще апостолами: «Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершении страшных тайн поминать усопших: они знали, что от этого много им выгоды, много пользы»⁶. Никео-Цареградский Символ Веры (редакция 1654 г., принятая в Русской Православной Церкви) заканчивается следующими словами: «Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых. И жизни будущего века. Аминь».

Духовные и светские исследователи нашего времени также указывают на значимость идеи Воскресения. Так, в самом начале своего труда о поминовении усопших свт. Афанасий (Сахаров) пишет: «Следуя руководству Святой Церкви, мы исповедуем, что не только православные угодники Божии живут по смерти, но и все верующие не умирают, но живут вечно о Господе, что «из мертвых восстанием Христовым смерть уже не обладает умершими благочестно», что Господь лишь в жизнь другую

Башнин Никита Викторович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

переселяет рабов Своих, ибо по слову Христову, Бог несть мертвых, но живых, вси бо Тому живи суть (Лк. 20, 38). Поэтому умирающие о Господе православные христиане не перестают быть членами Святой Церкви, сохраняя с Нею и со всеми остальными Ее чадами самое действительное, реальное, живое общение»⁷. И.В. Дергачёва считает, что «поминование, или молитвенное упоминание, живых и умерших основано на вере в его действительность перед Богом, в возможность повлиять на земную либо посмертную судьбу человека. С богословской точки зрения, подобное поминование основано на христианской вере в силу любви, которая не прекращается даже после смерти и погребения одного из сопричастных этой любви. С другой стороны, по христианским представлениям, между живыми и мертвыми устанавливалась двусторонняя связь, поскольку они, мертвые и живые, могли влиять на судьбы друг друга»⁸. Так в православии обосновывается поминование, а имена усопших, как правило, записывались в особого рода источники, раскрывающие служение обителей миру, — синодики.

В русской историографии существует давняя традиция изучения монастырской жизни и хозяйства на материалах крупнейших духовных общин Средневековой Руси, во многом благодаря их обширным архивам. К концу XVII в. на Руси насчитывалось 708 обителей⁹, большинство из них были средними и малыми¹⁰, а их архивы часто разрознены и не столь значительны. Работ, посвященных их истории и месту в экономической и духовной жизни общества, пока немного¹¹, и еще недостаточно ярко показано духовное и культурное значение средних монастырей.

Значительный интерес представляют синодики небольших монастырей. Во-первых, они дают представление о связях обители, поскольку в соответствии с формуляром при записи рода отмечали, откуда пришел вкладчик; во-вторых, синодики таких монастырей часто играли роль вкладной книги; в-третьих, можно произвести подсчет количества имен и родов в этих памятниках, составить представление о социальном статусе поминаемых; в-четвертых, при нынешнем объеме опубликованных и введенных в научный оборот источников конца XVI—XVIII вв. возможно найти упоминания о роде или человеке из синодика в других памятниках. Тем самым раскрываются место и роль монастыря в русском обществе того времени.

В ходе исследования основное внимание было сосредоточено на синодиках двух небольших монастырей — Дионисиево-Глушицкого Вологодского и Никольского Староладожского. Отметим общие черты в их истории: обители основаны приблизительно в одно время — в XV в., они никогда не были крупными и не имели большой вотчины, развивались приблизительно в одних климатических условиях. Но существуют и различия: Глушицкий монастырь основан святым, в нем покоились мощи Дионисия Глушицкого, располагалась обитель в стороне от торговых путей в сельской местности и до XIX в. не имела каменных строений; Никольский Староладожский монастырь, видимо, городской, располагался на торговом пути (р. Волхов), вокруг каменного храма XII в., который неоднократно восстанавливался и перестраивался; в 1692 г. тихвинские мастера строят в нем каменную колокольню¹².

Были выявлены синодики обоих монастырей: глушицкие рукописи 1640-х гг. (Синодик 1) и рубежа XVII—XVIII в. (Синодик 2)¹³; никольские рукописи 1580—1650-х гг. (Синодик 3) и 1680—1850-х гг. (Синодик 4)¹⁴. Рукописи написаны полууставом с дополнениями скорописью, украшены; имеются синодичные предисловия. Отметим и разницу: глушицкий Синодик 1 состоит из 332 л., а Синодик 2 — из 41 л.; с рукописями Никольского Староладожского монастыря все наоборот — Синодик 3 состоит из 89 л., а Синодик 4 — из 126.

Нами были сделаны подсчеты, согласно которым, в глушицком Синодике 1 содержится 7805 имен в 850 родах, а в Синодике 2—1764 имени в 117 родах. В никольском Синодике 3 — более 1100 имен и 130 родов¹⁵, а в Синодике 4 — более 8 тыс. имен и 580 родов¹⁶. Такое неравномерное распределение количества имен и родов в синодиках разного времени объясняется тем, что глушицкие синодики перестали пополняться, очевидно, с середины XVIII в. (часть Синодика 2 к тому же утрачена), тогда как в XVIII—XIX вв. в никольский Синодик 4 записывались новые роды. Отчасти это объясняется различным географическим расположением обителей и историческими событиями. Никольский Староладожский монастырь был razoren во время

Смуты. Формуляр записи родов в помянниках этих монастырей похож. В соответствии с ним, как правило, указывалось полное именование человека, чей род записывался в поминовение, нередко его «чин» или церковная должность, часто давалась географическая привязка.

Согласно нашим подсчетам, в глушицком Синодике 1 из общей массы родов (850) названо только около 70 родов (8,3 % от всего количества) знатных людей (стольники, купцы, дети боярские и др.), церковных иерархов (архиепископы, архимандриты, игумены) и посадских людей из Москвы, Вологды и Тотьмы. Духовной и мирской элиты, однако, записано около 1600 имен (21,2 % от всего количества). В остальные роды (780) были записаны преимущественно крестьяне и монахи из вологодской округи. На их долю приходится более 6100 имен (78,8 %). Некоторых крестьян удалось идентифицировать благодаря привлеченным переписным книгам 1646 и 1678 годов. Например, в синодике значатся: «Род Великого Двора Илариона Мокиева: Иоакима, Каптелины схимницы»¹⁷, а в переписной книге 1648 г. в селе Великий Двор зафиксирован среди бобылей — «Ларка Мокеев с сыном с Мокейком»¹⁸; в синодике упомянут «Деревни Семенкова род Пахома Федорова»¹⁹, а в переписной книге 1678 г. — «Деревня Семенково, а в ней крестьян... двор Пахомко Федоров сын, у него два сына Евсейко, Максимко дватцати лет»²⁰.

Значительное количество вкладчиков Никольского Староладожского монастыря в XVII в. были новгородскими служилыми людьми и жителями ладожского посада, например: Арцыбашевы, Белеутовы, Бестужевы, Желтухины и др. Для их поиска была использована просопографическая база данных «Новгородское общество начала XVII века», составленная А.А. Селиным. В XVIII—XIX вв. никольскими вкладчиками преимущественно были купцы, помещики и Санкт-Петербургские мещане, но есть записи родов крестьян, солдат, рабочих. Отметим возможность расшифровки записи рода в никольский Синодик 4. В помяннике имеем следующую запись рода: «Род Тимофея Ожогина: Тимофея, Вавилы, Татианы, Константина, Ксении»²¹. Благодаря сведениям из переписи 1710 г.²² ее можно раскрыть следующим образом: отец семейства — Тимофей Константинович Ожогин, далее его сын — Вавила Тимофеевич, затем жена Тимофея Константиновича — Татьяна, мать Вавилы, далее отец Тимофея и дед Вавилы — Константин. О том, что Ксения — жена Константина и мать Тимофея можно только предполагать.

В глушицком Синодике 1 и никольском Синодике 4 в отдельную рубрику выделены имена вкладчиков²³. Заметим, что вкладных книг Глушицкого и Никольского Староладожского монастыря пока не обнаружено, сведений об их существовании также нет. Примечательно, что листы, откуда начинается перечисление вкладчиков, затерты намного сильнее, чем другие, что говорит о более частом чтении имен, выделенных в эту рубрику, на церковных службах. Отметим, что над именами в этих разделах кинovarью помечено, откуда был вкладчик. В некоторых случаях отсутствуют географические указания, но отмечена фамилия или есть другие пометы: «слуга», «служник», «трудник», «вкладчица». На других листах помянников также встречаются упоминания родов вкладчиков, названных в этой рубрике.

Важно отметить один общий момент. В XVII в. у монастырей имелись покровители, сыгравшие заметную роль в их истории. В 1640 г. купец Бахтеяр Булгаков со своими сыновьями Иваном и Василием устроили в Глушицком монастыре серебряную раку для мощей преподобных Дионисия и Амфилохия²⁴. В Синодике 1 названо его имя, полученное при крещении — Феодосий, и перечислен род — 133 имени. Только у этой записи есть помета о специальной поминальной службе: «Ектения сия глаголется заупокоей. Помилуй нас Боже по велицей милости твоей, молим Ти ся, Господи, услыши и помилуй. Еще молимся о оставлении согрешении, иже во блаженней памяти преставльшихся. Присно поминаемых раб твоих»²⁵. Род Бахтеяра Булгакова также был записан в другой глушицкий Синодик 2²⁶. Знаменательно, что при «бесчинстве и пустоте» игумена Иринарха в начале 1630-х гг. именно «вкладчик» Бахтеяр Булгаков выступил защитником насельников монастыря, вотчинных крестьян и бил челом Вологодскому архиепископу Варлааму о смене настоятеля²⁷.

В никольских синодиках перед перечислением игуменов в отдельную рубрику выделено поминовение «блаженных создателей святых обители сея». Сначала одним

почерком в Синодик 3 записаны имена «Стефана, Давыда, Димитрия и сродников их»; ниже «Григория и его сродников». А дальше уже другим почерком и другими чернилами дописано «Антипы и его сродников Гиблых». В Синодике 4 названы те же имена, но все они уже записаны одним почерком: «Блаженных создателей святых обители сея: Стефана, Давида, Димитрия, Григория, Антиппы», и к ним было добавлено другим почерком еще пять имен: «Романа, Ирины, Василия, Татяны, Марфы»²⁸. Далее речь будет идти об Антипе и его родственниках. В изданиях XIX в. «гиблыя» писали со строчной буквы, поскольку авторам был неизвестен житель Ладogi XVII в. Антипа Романов сын Гиблый и другие представители этой фамилии, речь шла лишь о воссоздании храма «неким Антипою» и указывались весьма широкие временные рамки этого события: 1614—1695 годы²⁹. Сейчас же с уверенностью можно сказать, что в никольских синодиках речь идет не об умерших или погибших родственниках («гиблых»), а о членах одной семьи. Антипа Романов сын Гиблой был одним из замечательных людей в Ладогe XVII веке. Он торговал со Швецией уже в 1639 г., подписал в 1649 г. Соборное уложение и даже был замешан в международном дипломатическом скандале. В Синодике 4 среди «блаженных создателей святых обители сея» было записано уже только его имя — «Антиппы»³⁰. «Сродники» Антипы теперь, очевидно, были записаны только отдельно — «род Петра да Семена Гиблых»³¹. Заметим, что в переписной книге г. Ладogi 1646 г. упомянут «двор Антипко Романов, у него братья Петрушко да Сенка Прокофьевы дети Гиблые»³².

В исторической справке Ленинградского филиала проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация», составленной М.И. Мильчиком, О.Г. Гусевой и М.А. Гурьевой в 1979 г., приводится выписка из описи монастыря 1764 года. Согласно этому документу, в соборном иконостасе, просуществовавшем до 1758 г., была надпись о строительстве церкви в 1668 г.: «строена та церковь лета 7176 при государе и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси и при святейшем господине Иоасафе патриархе Московском и при преосвященном Питириме митрополите Великого Новгорода и Великих Лук казною ладожского торгового человека Антипы Романова сына Гиблова; которую надпись бывшей строитель иеромонах Иларион Молчановский за невмещением и негодностью к ныне имеющемуся новому иконостасу, построенному в 1758-м году, уничтожил, и доски ея по ево приказу в другое строение употреблены»³³.

Таким образом, речь идет о вкладчике Никольского монастыря, пожертвовавшем большие средства на восстановление обители после Смуты. В 1871 г. отмечали, что имена «создателей» были записаны в синодик «даже выше настоятелей монастыря, как в воздаяние за весьма важные благодеяния монастырю, за воссоздание его»³⁴. Объяснением этому могут быть слова свт. Афанасия (Сахарова), который подчеркивает особое отношение на поминальных службах к ктиторами. На утреннем богослужении поминовений по именам нет, за исключением, во-первых, «ктиторов вообще Православной Церкви...», во-вторых, «вспоминаются иерархи, освящавшие и укреплявшие верующих благодатию святых таинств и молитвою; в-третьих — ктитория храма сего, давшие возможность и прежним поколениям, и в настоящее время собравшимся на богослужение укрепляться общей молитвою в храме»³⁵.

Важная общая черта — безусловная преемственность между синодиками. Поименное сравнение родов в помянниках Никольского монастыря показывает, что в более поздний источник попадают все записи родов и имен за некоторыми исключениями. Более того, роды, и после перенесения в другой синодик, продолжают пополняться новыми именами. Детального сопоставления записей в синодиках Глушицкого монастыря не производилось, но можно уверенно говорить о перенесении родов из одной рукописи в другую.

О духовных и социокультурных связях монастырей, о том, откуда были люди, поминаемые в обителях, можно судить по упоминаниям географических объектов в синодиках. В соответствии с формуляром при записи в синодик часто фиксировалось, откуда происходил род. Приведем примеры: «Род деревни Шеры старца Ионы», «Род Авдия Васильева Грибцевския волости деревни Деревенки», «Род с Вологды Павла Кудревагово»³⁶, «Род Духова монастыря игумена Леванида»³⁷, «Род ладожского казака Андрея Андреева сына», «Род деревни Князины Никифора Иванова»³⁸.

В глушицких синодиках упоминается пять уездов: Вологодский, Московский, Дмитриевский, Сольвычегодский, Холмогорский и Яренский. Среди городов по частоте упоминания лидирует Вологда, затем следуют Москва и Тотьма. Это объясняется тем, что Глушицкий монастырь располагался недалеко от Вологды и не был широко известной в стране духовной обителью, хотя Дионисий Глушицкий в 1547 г. стал общерусским святым. Среди монастырей и пустынь по частоте упоминания в Синодике 1 лидирует сам Глушицкий монастырь, так как в синодик записывали прежде всего роды лиц, постриженных в монахи в этой обители. Кроме этого часто упоминаются Спасо-Каменный, Спасо-Прилуцкий и Григорьево-Пельшемский Лопотов монастыри. Эти вологодские обители, во-первых, располагались недалеко от Глушицы и, во-вторых, были духовно связаны с монастырем Дионисия Глушицкого: Преподобный — постриженник Спасо-Каменного монастыря, а Григорий Лопотов — выходец из обители Дионисия; в-третьих, земельные владения монастырей граничили между собой.

Наибольшее количество топонимов отсылает нас к близлежащим к монастырю волостям Вологодского уезда, из которых происходили крестьянские роды. Согласно нашим подсчетам, это — 38 волостей и около 340 населенных пунктов (274 соотносены с волостями и у 65 нет обозначения волости). В синодик записаны преимущественно из деревень, хотя встречаются роды из починков и сел. Из сельских населенных пунктов, упомянутых в синодике, около 30 находились в вотчине Глушицкого монастыря, тогда как всего на глушицких землях в 1648 г. было 36 населенных пунктов, а в 1678 г. — 40 живущих поселений.

Исходя из этого, заключаем, что географический ареал, охваченный поминанием в Глушицком монастыре во второй половине XVII в., невелик. Монастырь был связан только с некоторыми знатными родами в Москве, с вологжанами и тотмичами, с несколькими вологодскими монастырями, но зато почти вся монастырская вотчина и ближайшие окрестности были охвачены поминанием в этой обители.

В никольском Синодике 4 на первых десяти листах содержится оглавление — «Главы и на полях числами писаны листы ради скорого обретения родов». Всего было выделено одиннадцать глав. В основу разделения на главы были положены два принципа: иерархический и географический. Во-первых, согласно «иерархии предстования», в Главу 1 были выделены имена правителей России (царей, великих князей, княгинь и т.д.), церковных иерархов, игуменов и монахов Никольского Староладожского монастыря, в Главу 4 — «княжия и дворянская» роды, в Главе 5 были записаны роды «игуменов святых обители сея», а в Главу 6 — роды «монахов святых обители сея». Во-вторых, виден географический принцип: в Главе 2 были роды «царствующаго града Москвы», в Главе 3 — роды из «Великаго Новагорода», в Главе 7 — роды «города Ладоги», в Главе 8 — роды из «города Олонца», в Главе 9 — роды из «Тихфина монастыря и Зеленыя пустыни», в Главе 10 — роды с «тихфинскаго посада» и, наконец, в Главе 11 записаны роды «из окрестных стран и весей». Однако эта первоначальная структура в XVIII—XIX вв. была нарушена. В оглавлении и в самом тексте синодика на чистых листах появились дополнения. Например, в оглавлении в конце Главы 1 оказался род «мологскаго купца Ильи Масленикова», а в Главе 7 — роды Санкт-петербургских купцов и мешан ³⁹.

В Никольском Староладожском монастыре в XVII в. поминались преимущественно жители г. Ладоги и близлежащей округи, а в XVIII—XIX вв. географические рамки стали шире. В монастыре поминали роды из Великого Новгорода, Вологды, Зарайска, Коломны, Копорья, Кронштадта, Любима, Москвы, Шлиссельбурга, но большинство вкладчиков происходили из ладожской округи (Ладога, Новая Ладога, Княшина, Кисельня) и Санкт-Петербурга. Упоминаются в никольских синодиках Александро-Невская лавра (к ней ладожский монастырь был приписан) и монастыри: Васильевский Староладожский, Деревяницкий Новгородский, Духов Новгородский, Зленецкий Троицкий, Иверский Валдайский, Саввино-Сторожевский, Успенский Староладожский, Успенский Тихвинский и др. Эти обители находились преимущественно на Новгородских землях, а потом в Санкт-Петербургской губернии.

В сравнении с Глушицким монастырем видно, что связи у Никольского монастыря были более обширны, это объясняется его расположением, а в XVIII—XIX вв. —

относительной близостью к столице. Однако в обоих случаях тенденция очевидна — поминание родов, прежде всего, из близлежащей округи.

Исследование синодиков Глушицкого и Никольского монастырей показало, что они, во-первых, были важными духовными центрами для окружающего населения⁴⁰. В обителях и в церквях в монастырской вотчине крестьян крестили, венчали, отпедали; чьи-то родственники становились там монахами, священниками; с настоятелем, кларем и братией у местных жителей возникали хозяйственные дела, в обители они брали в долг хлеб и деньги; кто-то из них лечился или доживал свой век в монастырской больнице. Во-вторых, игумены и братия на протяжении длительного времени поддерживали отношения с определенными вкладчиками (часто влиятельными и состоятельными) и тем самым формировали круг родов, связанных с монастырем. В-третьих, информационный потенциал синодиков для изучения взаимоотношений между средними монастырями и миром во многом недооценен, имеются широкие возможности сопоставления ономастических и географических данных из помянников с другими документами.

Примечания

Статья подготовлена в ходе выполнения работы «Монастыри Северо-Запада России: история и архивное наследие», реализуемой на базе и из средств Санкт-Петербургского государственного университета (Шифр — 5.38.680.2013).

1. Подробнее см.: OEXLE G. Memoria als Kultur. Göttingen. 1995; ЭКСЛЕ О.Г. Культурная память под воздействием историзма. М. 2001, с. 176—198; АРНАУТОВА Ю.Е. От memoria к «истории памяти». М. 2003, с. 170—198; РЕПИНА Л.П. Историческая память и современная историография. — Новая и новейшая история. 2004, № 5, с. 39—51; История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М. 2006; ЛЕВИЦКАЯ Н.В. Синодики-помянники в русской историографии XIX—XX вв. (источниковедческие аспекты). История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов. 1993, с. 112—118; АЛЕКСЕЕВ А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб. 2002; НИКОЛАЕВА С.В. Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад. 2009; ДЕРГАЧЁВА И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М. 2011.
2. ГУРЕВИЧ А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: О новом направлении в зарубежной историографии. М. 1989, с. 114—135. КРОМ М.М. Историческая антропология. СПб. 2004, с. 91.
3. АЛЕКСЕЕВ А.И. Об источниках для изучения поминальной практики в средневековой России (опыт размышления). В кн.: Русское средневековье: Сб. статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М. 2012, с. 149—151.
4. ШТАЙНДОРФ Л. Поминание усопших как общее наследие западного Средневековья и Древней Руси. «Сих же память пребывает во веки» (Мемориальный аспект в культуре русского православия). Материалы научной конференции, 29—30 ноября 1997 г. СПб. 1997, с. 39, 40, 44.
5. О русских похоронных обрядах в конце XIX — начале XX в. см.: КРЕМЛЕВА И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших. Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этнографических исследований. М. 2001, с. 72—87; БЕРНШТАМ Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб. 2005, с. 219—222; Отметим воссоздание на основе архивных документов монастырских синодиков в последние годы: Русский синодик. Помянник Московского Сретенского монастыря: Исторический справочник: К 600-летию Московского Сретенского монастыря. М. 1995; РЫБЧАК СЕРГИЙ, протоиер. Полевской исторический синодик. Православные приходы: священнослужители, события, факты. Екатеринбург. 2008; ДИОНИСИЙ (ПОРУБАЙ), еп., МИТРОШИНА М.А., ФАЗЛЕЕВА А.В. Опыт воссоздания монастырского синодика (по документам Иоанно-Богословского монастыря XVII—XX вв. — Рязанский богословский вестник. 2011, № 2 (5), с. 126—145.
6. ИОАНН ЗЛАТОУСТ, свят. Творения. Т. 11. СПб. 1905, с. 248.
7. АФАНАСИЙ (САХАРОВ), свят. О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. СПб. 2008, с. 55.
8. ДЕРГАЧЁВА И.В. Ук. соч., с. 5.
9. ВОДАРСКИЙ Я.Е., ИСТОМИНА Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). М. 2009, с. 535.

10. Существует несколько классификаций монастырей. Е.И. Колычева предложила следующие классификационные группы. К первой относятся монастыри, у которых были «десятки тысяч десятин, разбросанные во многих уездах». Вторая группа — средние и малые обители, размер их вотчин невелик и расположены они, как правило, в одном уезде. В третью группу входят малоземельные и безземельные монастыри. К четвертой группе относятся обители, существовавшие за счет промыслов (КОЛЫЧЕВА Е.И. Православные монастыри второй половины XV — XVI века. Монашество и монастыри в России XI—XX века. Исторические очерки. М. 2005, с. 100—101). В.С. Румянцева считает, что в середине XVII в. можно выделить четыре группы монастырей в зависимости от числа крестьянских дворов в вотчине: наиболее крупные (свыше 1000 дворов); крупные (от 100 до 1000); средние (от 10 до 100); мелкие (от 1 до 10 дворов). (РУМЯНЦЕВА В.С. Монастыри и монашество в XVII веке. Там же, с. 173). Классификация В.С. Румянцевой незначительно расходится с градацией, предложенной Я.Е. Водарским для второй половины XVII в.: крупнейшие монастыри (свыше 1250 дворов), крупные (от 126 до 1250), средние (от 26 до 125) и мелкие (от 1 до 25 дворов) (ВОДАРСКИЙ Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. Историческая география России: XII — начало XX в.: Сб. статей к 70-летию Л.Г. Бескровного. М. 1975, с. 76).
11. СОКОЛОВА Н.В. Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском крае в XVII — середине XVIII в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1990; МАНЬКОВА И.Л. Монастыри Восточного Урала в XV — первой четверти XVIII в.: социально-экономическое развитие. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург. 1993; ШАМИНА И.Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI—XVII вв.: землевладение и организация хозяйства. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 2003; БОЛДЫРЕВА О.Л. Толгский монастырь в XV — начале XX века: хозяйственная деятельность и братия. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ярославль. 2003; САЗОНОВА Т.В. Кирилло-Новозерский монастырь как социокультурное явление средневековой жизни Московского государства: 1540-е — 1660-е гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб. 2005; АДАМЕНКО О.Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV—XVII веках. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Архангельск. 2008;
12. О Никольском монастыре см.: АМВРОСИЙ (ОРНАТСКИЙ), архим. История российской иерархии. Ч. V. М. 1813, с. 3—4; Староладожский Николаевский монастырь. СПб. 1862; ИОАНН, иг. Историко-статистическое описание заштатного Староладожского Николаевского монастыря. СПб. 1865; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1871, с. 81—142; БРАНДЕНБУРГ Н.Е. Старая Ладога. СПб. 1896; РОМАН (ЛЕВШИН), посл. Староладожский Никольский мужской монастырь. СПб. 2007; Архив Староладожского музея-заповедника (Архив СЛМЗ), вх. № 495а, т. 1.
13. Сектор письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (СПИ ВГИАХМЗ), № 2139, 2014.
14. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 905, оп. 2, қ. № 199; оп. 1, ф. № 209. Недавно эти синодики были опубликованы. См.: Синодики Никольского Староладожского монастыря конца XVI—XIX в. М.—СПб. 2012.
15. Синодики Никольского Староладожского монастыря конца XVI—XIX в., с. 38.
16. Там же, с. 124—190.
17. СПИ ВГИАХМЗ, № 2139, л. 306об.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1209, кн. 14732, л. 1295об.
19. СПИ ВГИАХМЗ, № 2139, л. 266об.
20. РГАДА, ф. 1209, кн. 14733, л. 471об.—472.
21. Синодики Никольского Староладожского монастыря, с. 155.
22. Перепись 1710 года: Санкт-Петербургская губерния, Новгородский уезд, Водская пятина, Корельская половина. Сказки, поданные переписчику князю Михаилу Васильевичу Мещерскому. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 8580, № 77, л. 250—251об.
23. СПИ ВГИАХМЗ, № 2139, л. 204об.—207об.; Синодики Никольского Староладожского монастыря, с. 134—139.
24. СУВОРОВ Н.И. Глушицкий монастырь Вологодской епархии. Вологда. 1876, с. 39; ШАМИНА И.Н. Глушицкий Сосновецкий во имя Святого Иоанна Предтечи мужской монастырь. Православная энциклопедия. Т. XI. М. 2006, с. 615.
25. СПИ ВГИАХМЗ, № 2139, л. 134—139об.
26. Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН). Устюжское собр., ед. хр. № 87, л. 6—7об. Видимо, эти листы вырваны из Синодика 2 (СПИ ВГИАХМЗ, № 2014). Запись рода Бахтеяра Булгакова выявлена в синодике Николо-Коряжемского монастыря XVII в. (ОР РНБ, ф. 550, қ. IV, № 351, л. 81—82об.).

27. Государственный архив Вологодской области, ф. 1260, оп. 1, № 83, 186.
28. Синодики Никольского Староладожского монастыря, с. 85, 130.
29. ИОАНН, иг. Историко-статистическое описание..., с. 5—6; Историко-статистические сведения..., с. 91.
30. Синодики Никольского Староладожского монастыря, с. 130.
31. Там же, с. 113, 164.
32. БРАНДЕНБУРГ Н.Е. Ук. соч., с. 246.
- 33.. Архив СЛМЗ, вх. № 495а, т. 1, л. 17, выписка 26, л. 107.
34. Историко-статистические сведения..., с. 89.
35. АФАНАСИЙ (САХАРОВ), свт. О поминовении усопших, с. 84.
36. СПИ ВГИАХМЗ, № 2139, л. 182об.
37. Синодики Никольского Староладожского монастыря, с. 96.
38. Там же, с. 100, 177.
39. Там же, с. 106—120.
40. Это соотносится с наблюдениями Т.В. Сазоновой о том, что у средних монастырей были две основных группы вкладчиков: во-первых, московская (и не только) элита, для которых монастырь был одним из объектов благотворения; во-вторых, жители близлежащих населенных пунктов, для которых обитель была духовным центром (САЗОНОВА Т.В. Вклады и вкладчики Кирилло-Новоезерского монастыря (XVI—XVII вв.). Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб. 2006, с. 121).

Мусульманское духовенство в СССР в 1940—1980-х гг.

А.В. Кобзев

В советский период существовали две категории мусульманского духовенства — официально назначенные на должность служителя культа, для которых совершение богослужений являлось основным источником доходов, и исполнявшие религиозные обряды без разрешения духовного управления и без регистрации в совете. Отсутствие свидетельства уполномоченного и духовного управления на право исполнения религиозных обрядов и проведение богослужений, по существу, было основной разграничительной линией их положения в СССР. Первым было разрешено заниматься легальной богослужебной деятельностью, а вторым — запрещено, и к ним применялись различные меры административного воздействия. Надо сказать, что такое разграничение было искусственным, навязанным административными методами управления религиозными организациями в стране. По возрастным, образовательным критериям, имущественному положению и месту проживания эти две категории мало чем отличались друг от друга. Кроме того, и те и другие рассматривались государством как элемент социально чуждый социалистическому строительству и коммунизму¹.

Предлагаемая работа посвящена низовому звену официального мусульманского духовенства — имамам и муэдзинам в приходских мечетях Ульяновской области. Основным источником изучения их юридического статуса, экономического положения, характера отношений с верующими и государственными органами власти являются регистрационные дела мечетей, автобиографии имамов, квартальные и годовые финансовые отчеты религиозных общин. Помимо этого, привлекалась другая делопроизводственная документация фонда уполномоченного по делам религиозных культов в Ульяновской области.

Хронологически статья охватывает послевоенный период — с 1945 г. и вплоть до распада Советского Союза в 1990 году. В это время прослеживается выравнивание социально-экономического положения и правового статуса приходских служителей культа по сравнению с прочими категориями советских граждан. Эта тенденция сохранялась на протяжении всей второй половины XX в., и к концу 1980-х гг. служители культа стали практически равноправными гражданами страны.

Еще по «Уставу духовной организации мусульман» от 30 ноября 1923 г. к числу служителей культа в мусульманском приходе относились имам и муэдзин. Их положение неоднократно менялось в советском религиозном законодательстве. Первоначально в состав мутаваллиата общины они входили по факту своей религиозной должности и не избирались верующими на общем собрании прихожан². Несколько

Кобзев Александр Викторович — кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова.

позже, в постановлении от 8 апреля 1929 г. служители культа были отстранены от участия в деятельности управленческих структур и рассматривались государством как наемные служащие в общине. Это положение закона оставалось без изменений на протяжении всей советской эпохи. Правда, оно не отменяло сложившейся в мусульманских общинах практики: как правило, имамы были авторитетными людьми, знатоками шариата и Корана. Так же как в Российской империи они выбирались всеми верующими, а затем утверждались в должности Духовным управлением.

Заметный след в эволюции социально-экономического и правового положения духовенства в СССР оставили 1920—1930-е гг., когда власти не только продекларировали, но и предприняли все необходимые меры для вытеснения служителей культа на периферию общественной жизни. Секуляризация церковного имущества, провозглашенная в декретах «О земле» и «Об отделении церкви от государства», вытеснение из сферы образования и семейно-брачных отношений, из управленческих структур в религиозных приходах послужили основой к превращению служителей культа в одну из наиболее дискриминируемых социальных групп советского общества. Повышенные нормы налогообложения и оплаты за обучение детей, неравноправное наделение землей в сельской местности, лишение прав на получение социальной помощи и отнесение к категории «нетрудового», «эксплуататорского класса», поражение в гражданских правах, распространявшееся на членов семей, запрет на участие в профессиональной деятельности в органах государственной власти и общественных организациях максимально ограничили социальную мобильность духовенства, перекрыли все возможные социальные лифты³. Наконец, физическая расправа над служителями культа в ходе коллективизации и второй волны репрессий в середине 1930-х гг. привели к неизбежному разрыву преемственности поколений среди служителей культа в послевоенное время в мусульманских религиозных общинах. Мало кто из «кадровых» имамов вернулся к прежней профессиональной деятельности.

Мусульманские служители культа 1920—1930-х гг. и послевоенного времени — две разные социальные группы. Первые — профессионально образованные люди, нередко — потомственные имамы, получившие богословское образование в дореволюционное время и начавшие свою профессиональную деятельность до большевистского переворота, люди сравнительно молодого и среднего возраста. Вторые — в большинстве своем, пожилые люди с начальным религиозным образованием, самые обычные верующие, прихожане тех же общин, в которых стали служить имамами. Именно они после завершения второй мировой войны пришли на смену кадровому профессиональному мусульманскому духовенству, ставшему объектом жесткой антирелигиозной политики советского государства в 1930-е гг., по существу, превратившейся в расправу над главным идеологическим соперником за власть над умами и чувствами людей.

В Ульяновской области в середине 1940-х гг. было зарегистрировано 16 мусульманских приходов. В середине 1980-х гг. их было всего шесть. За этот период по архивным данным были выявлены имена и фамилии 38 имамов, служивших в мечетях области. По 34 муллам сохранились анкетные данные и автобиографии, позволяющие ответить на такие вопросы, как возраст имамов на момент их официального вступления в должность, дата назначения в мечеть, образование, профессиональные занятия, наличие или отсутствие судимости.

Анализ анкет и автобиографий татар-мусульман, ставших в это время служителями культа, показывает, что все они родились еще до большевистского переворота: 10 чел. — в 70-е гг. XIX в., 9 чел. — в 80-е гг., 8 татар-мусульман — в 1890-е гг. и 7 имамов — в первое десятилетие XX столетия. Аналогичная картина по времени рождения имамов прослеживается и по другим регионам РСФСР⁴. Из числа татар, родившихся в промежутке 1900—1910 гг., шестеро человек стали муллами в 70-х и один — в 80-х гг. XX века. На момент назначения на должность им было 66—75 лет. Сравнительно «молодые» татары-мусульмане в возрасте 56—59 лет стали муллами во второй половине 1940-х гг. и в дальнейшем имамов младше 60 лет в мусульманских приходах не встречалось. Всего их насчитывалось 7 человек. В целом, татары-мусульмане в возрасте старше 60 лет преобладали: среди них 14 человек были в возрасте 60—68 лет и 12 человек — в возрасте 70—75 лет.

Как рожденные в дореволюционное время, все они получили начальное религиозное образование и подготовку, проучившись в мектебе. По крайней мере, из 34 человек 27 обучались в начальной мусульманской школе. Точно установлено, что девять татар-мусульман в свое время окончили медресе и получили среднее и высшее духовное образование. Возможно, что их было несколько больше — 15 человек. Дело в том, что еще шестеро татар, которые по анкетам обозначены, как учившиеся в мусульманской школе, еще до 1940-х гг. были муллами. Всего их насчитывается 11 чел., причем семеро из них служили имамами в мечетях в дореволюционное время и видимо по социальному происхождению были из потомственных мулл. Один имам Ахват Гарифуллович Гарифуллов из села Енганаево Чердаклинского района так и представился в анкете⁵. Четверо татар стали служителями культа в 1918—1941 годах. Кроме них еще четыре человек в свое время служили муэдзинами. Начиная с конца 1920-х гг., под репрессивным давлением государства многие имамы вынуждены были оставить это занятие⁶. Как написал в автобиографии вновь избранный муллой Фатых Мардугалимов из села Елховый Куст, «в 1928 г. бросил работать муллой по приказанию государства»⁷. Не случайно, четверо вновь избранных мулл были осуждены в 1930-х гг. по 58, 60, 61, 169-ой статьям Уголовного кодекса⁸. До Великой отечественной войны известны две волны репрессий в отношении мусульманских служителей культа. Первая волна пришлась на 1928—1929 годы. Многие имамы были сосланы тогда в лагерь Урала и Сибири. После трех лет заключения они были освобождены, но затем вторично репрессированы в середине 1930-х годов⁹.

Прочие татары-мусульмане, ставшие муллами в 1940—1980-х гг., прежде духовно-религиозной деятельностью не занимались, не были ни имамами, ни муэдзинами. Их профессиональная деятельность во многом была связана с жизнью в деревне, нередко — с тяжелой, неквалифицированной физической работой. Некоторые из татар до конца 1920-х гг. занимались своим крестьянским хозяйством, затем стали колхозниками. За время до назначения имамами, татары были конюхами, пастухами, истопниками, кочегарами, малярами, штукатурами, сторожами, возчиками, рабочими на местных текстильных фабриках, работали на нефтепромыслах в Баку, чернорабочими и разнорабочими в колхозах и совхозах. Редко кто был связан в прошлом с административной работой и сферой услуг. Таких татар-мусульман насчитывается всего два человека. Хисамутдинов Мухамет-Шариф Хисамутдинович из с. Новые Тимеряны с 1933 по 1950 г. работал заведующим почтовым отделением¹⁰. Из того же села Фахрутдинов Жамалдин с 1918 по 1940-е гг. был секретарем и председателем сельсовета, зав. финотделом района, и зав. магазином¹¹. Все татары, ставшие имамами в 1960—1970-х гг., уже завершили свою трудовую деятельность и были пенсионерами.

В 1946—1947 гг. во вновь зарегистрированных приходах служителями культа стали 19 человек. В 1952 г. численность мусульманского духовенства несколько уменьшилась. На первое января этого года в Ульяновской области было зарегистрировано 15 служителей культа. При этом произошли и некоторые изменения в образовательной и возрастной структуре имамов. В сравнении с 1946—1947 гг. в 1952 г. муллы заметно постарели, девятерым было по 60—69 лет и шестерым 70—79. Снизилась численность мулл, имевших среднее и высшее религиозное образование, в 1952 г. таковых осталось всего 6 чел., и 9 татар имели только низшее мусульманское образование. Наконец, заметно сократилась численность мулл, начавших свою деятельность еще до революции. Если в 1946 г. таких служителей культа было 7 чел., то в 1952 г. только двое¹².

Старение служителей культа и снижение их образовательного уровня особенно в послевоенное время стали общесоюзным явлением, отражавшим состояние исламской конфессии в стране¹³. Эти тенденции, наметившиеся в 1930-х гг., отчетливо проявившиеся в деятельности вновь созданных мусульманских приходов в 1940-х гг., стали доминирующими в последующие десятилетия. Так, согласно отчетам уполномоченного по Ульяновской области за 1977—1978 гг. всем муллам в мусульманских общинах было за 70 лет. У них был 2—8-летний стаж службы в мечети. Как правило, муллами были бывшие прихожане, имевшие 3—4-летнее начальное, приходское образование¹⁴. Такая ситуация не изменилась и в 1980-х годах. В отчетах за 1983 и 1986 гг. уполномоченный писал, что шестерым из семи мусульманских служителей культа было за 60 лет. Из них только один самый молодой имам имел высшее духовное

образование — мулла мечети г. Ульяновска Аюп Дебердеев. Все остальные имели только начальное образование, правда, в документах не уточняется какое — светское или религиозное¹⁵. Не лучше обстояло дело и в соседних мусульманских регионах, таких как Башкирская АССР. Там в 1969 г. 14 имамов были в возрасте старше 60 лет, из них только один имел высшее образование¹⁶.

В конце 1980-х гг. в Ульяновской области по возрасту и уровню образования служителей культа ситуация в исламе выглядела менее благоприятной, чем в православной церкви, где, согласно тем же официальным данным, наблюдалось омоложение состава служителей культа. Священников в возрасте не старше 40 лет было 29 %, в то время как в исламе ни одного. В 1989 г. их уже насчитывалось 26 чел., и они составляли 42 % от общей численности православных священнослужителей области. Другая тенденция — это повышение уровня образования: треть всех священников имели среднее общее и один — высшее медицинское образование¹⁷.

Некоторое омоложение и повышение образовательного уровня мусульманских служителей культа становится заметным только с конца 1980-х годов. В 1989 г. в области насчитывалось 11 имамов, среди них семерым было за 60 лет, соответственно четверо были моложе этого возрастного рубежа. Из трех муэдзинов только один был в возрасте старше 60 лет. Правда, с высшим духовным образованием был всего один имам, уже упоминавшийся Аюп Дебердеев¹⁸. Незначительное число муэдзинов по сравнению с муллами объясняется тем, что обязанности первых часто исполняли обычные верующие и их «работа» никак не оплачивалась, кроме того не требовалось специального свидетельства от уполномоченного и процедуры утверждения в должности в Духовном Управлении.

Согласно 16 статье инструкции НКЮ и НКВД от 27 апреля 1923 г. служители культа назначались верующими, составлявшими религиозное общество. Имамы были обязаны действовать строго в соответствии со всеми декретами и дополнениями к ним об отделении церкви от государства и школы от церкви. Другими словами, они должны были быть лояльными советской власти¹⁹. К слову сказать, в этом не было ничего нового. Собственно и до революции ситуация обстояла таким же образом. Лояльность верующих существующей власти была одним из необходимых критериев при назначении имамов на должность служителя культа в мусульманских приходах императорской России. Особенно актуально это было в начале XX в. в условиях общественно-политической активизации российской уммы. Факт получения образования за границей, например в Османской империи, или в российском джадидистском учебном заведении рассматривался как одно из оснований для отказа в назначении имама на должность.

В послевоенное время процедура избрания и назначения в должности имамов выглядела следующим образом. Муллы обычно выбирались на заседаниях двадцаток. Об этом позволяют говорить данные протоколов собраний в 13 мусульманских общинах, состоявшихся в 1946—1990 годах. Всего за это время документально было зафиксировано 24 случая официального избрания муллы. Понятно, что подобных случаев реально было больше, чем указано в источниках. Не все они зафиксированы, хотя справки о регистрации имамов в делах присутствуют. Из выявленных случаев избрания мулл, в большинстве — в 15 случаях из 24 — имамы были избраны на заседаниях двадцаток и мутаваллиата. На это прямо указывает название собрания в протоколе и сведения о численности участников собрания, которая не превышает 25 человек. Как следует из некоторых протоколов, на выборах присутствовали представители местных органов власти: уполномоченный СРК, депутат, зампред горисполкома, секретарь райисполкома, зампред комиссии содействия.

Так же как и в дореволюционное время, мусульмане, выбранные в имамы, ездили в Уфу для сдачи экзаменов на знание основ веры. В протоколе собрания двадцатки мечети р.п. Старое Тимошкино от 10 июля 1970 г. говорилось: постановили рекомендовать Сеюкова в Уфу для «получения указа»²⁰. Другими словами, верующие воспринимали и описывали этот шаг в привычных, традиционных для себя терминах и понятиях, восходящих к дореволюционному времени.

В связи с тем, что к концу 1940-х гг. профессиональное мусульманское духовенство заметно ослабло, численно уменьшилось, особой конкуренции и борьбы за место

имама в мусульманских приходах, как в это было в царской России, в советское время не наблюдалось. Скорее проблема была не в том, что кандидатов было много, наоборот, их катастрофически не хватало. Болезнь, смерть имама представляли для приходов заметно больше трудностей, чем раньше. Если община не могла в скорейшем времени найти ему замену, то под угрозой оказывалось само ее существование. В 1940—1960-х гг. это обстоятельство было достаточным поводом для снятия религиозного общества с регистрации. Подобная опасность для мусульманских общин сохранялась и в более спокойных с точки зрения атеистической политики советского государства 1970-х годах. Подтверждением этому служит уведомление Карсунского райисполкома от 21 мая 1974 г. к исполнительному органу мечети с. Уразовка, в котором говорилось, что ранее райисполком неоднократно предупреждал исполнительный орган о необходимости подбора и регистрации муллы, однако в течение трех лет община действует без служителя культа. В связи с этим местные органы власти предупреждали, что если до 1 июня 1974 г. не будет избран и зарегистрирован мулла, то община будет снята с регистрации ²¹.

Очевидный дефицит профессиональных служителей мусульманского культа, имевших среднее, тем более высшее духовное образование, несколько сдвигал акценты в представлениях верующих о будущем имаме в сторону оценки его, прежде всего, личностных качеств и жизненного опыта. Конечно же, учитывалось и знание основ веры, но не менее важными становились иные параметры, напрямую не связанные с религиозной деятельностью. Например, в с. Татарское Урайкино 16 мая 1979 г. вместо умершего имама был избран новый мулла Загидулла Сигнатулло. В протоколе собрания он характеризовался следующим образом: «... был всегда трудолюбивым, относился добросовестно» к возложенным на него обязанностям, «дисциплинированный, имеет авторитет среди населения, бывший труженик колхоза» ²².

В приведенном фрагменте нельзя исключать и такого момента, как нацеленность характеристики (труженик, колхозник, общественник и т.п.) на конкретного адресата — властные структуры. В письме председателя мечети г. Димитровграда С.И. Баязитова к уполномоченному М.В. Иванову от 8 октября 1986 г. о И.К. Костюкове говорилось, что хотя у него и нет специальной религиозной подготовки, но муфтий его экзаменовал и заверил, что «знание соответствует для ведения религиозных обрядов». Да и большинство верующих воспринимают и одобряют его как старательного человека ²³. Бирюков Ярулла Хайруллович, избранный муллою в с. Большой Чирклей 20 октября 1989 г., в протоколе учредительного собрания религиозного общества характеризовался как человек пользующийся уважением и авторитетом среди жителей села ²⁴. В то же время нельзя не отметить и другую, оборотную сторону дефицита кадров профессионального духовенства, — назначение на должности имамов случайных людей, дискредитировавших своими поступками духовное управление и веру ²⁵.

Имущественное положение мусульманских служителей культа определялось размерами получаемых ими доходов, которые можно подразделить на три основные части: 1) официальная заработная плата, назначаемая мутавалиатом, 2) пенсия, 3) денежные средства, которые мулла получал за совершение религиозных обрядов и оставлял у себя, не сдавая в кассу мечети, как это полагалось делать.

В структуре общих расходов мусульманских общин Ульяновской области расходы на заработную плату муллам и обслуживающему персоналу медленно росли. Так, в 1977 г. они составили 4,2 тыс. рублей. К 1986 г. увеличились почти в 2 раза, составив 8,1 тыс. рублей. По отношению к другим расходам общины, доля расходов на заработную плату в 1977—1985 гг. в своих минимальных и максимальных пределах составляла 9—31 %, а в среднем колебалась в пределах 10—20 %. Судя по отрывочным сведениям, в 1950-х гг. мулла получал 150—200 руб. в месяц. Например, такие заработные платы были начислены мулле в 1952 и 1958 гг. общиной с. Новые Зимницы ²⁶. В 1962—1972 гг. заработная плата имамов в городских и сельских мусульманских общинах Ульяновской области заметно различалась. В Ульяновске она медленно выросла в 1,8 раза с 520 руб. в год до 960 рублей. В среднем в месяц мулла Ульяновской мечети получал в 1964 г. 43 рубля, в 1966—1970 гг. — 60 руб., в 1971—1972 гг. — 80. В сельских общинах зарплата муллы была ниже, чем в Ульяновске, в 2—4 раза. Так, в р.п. Старое Тимошкино в 1963—1969 гг. она не менялась, равняясь 360 руб., а в

1970 г. даже снизилась до 240 рублей. В среднем в месяц мулла этого поселка получал всего 30 рублей. Несколько больше зарабатывал мулла с. Абдреево — 480 руб. в год или 40 руб. в месяц.

Безусловно, имущественная дифференциация среди мусульманских служителей культа имела место и в дореволюционный период. Правда, в советское время она приобрела еще более выраженный характер. Официальные доходы муллы, как видно на примере заработных плат, зависели от того, в каком приходе он служил — сельском или городском. Материальным символом благополучия и обеспеченности городских мулл может служить наличие автомобиля «Жигули» у имама мечети г. Ульяновска А. Дебердеева²⁷. Иллюстрацией незавидного материального положения сельских служителей культа является жалоба имама р.п. Старое Тимошкино на имя уполномоченного П.Ф. Симонова. В ней в 1948 г. он жаловался на то, что общество обещало обеспечить его, по крайней мере, минимальным прожиточным минимумом, но назначенные для этого прихожане в составе трех человек ничего не делают. Имам просил определить ему твердый оклад или перевести в другое татарское село²⁸.

Официальная часть доходов муллы в виде заработной платы в ряде мусульманских общин области заранее оговаривалась в договоре, который заключался между служителем культа и религиозным объединением²⁹. В 1966 г. подобный договор был заключен между мутаваллиатом мечети с. Абдреево и муллой Исмаилом Биляловым³⁰. По договору имаму были назначены твердый оклад в размере 40 руб. в месяц. В 1970 и 1973 гг. аналогичные договоры и на ту же сумму были заключены с новыми муллами с. Абдреево. Имамы обязывались все доходы, поступающие во время религиозных праздников, от «Мавлюд-байрам», от исполнения треб за поминки, в конце месяца сдавать в кассу мутаваллиата³¹.

Помимо официальной заработной платы община оказывала имаму посильную материальную помощь. По договору, заключенному между имамом и общиной с. Татарское Урайкино, мулле помимо оплаты в размере 40 руб. в месяц, были куплены дрова на 90 руб. и уплачен налог на доходы в 80 рублей³². В общине г. Дмитровграда с муллой были оговорены выплаты так называемых отпускных и лечебных средств³³.

Доходы служителей культа любой конфессии в форме заработной платы, начисляемой исполнительным органом общины, в СССР идеологически рассматривались как «нетрудовые», не связанные с «полезной» для общества производственной деятельностью. В 1950—1960-х гг. муллы нередко жаловались на необоснованное обложение налогом их доходов местным органом власти и просили разобраться. Правда, власти никогда не шли им навстречу. В это время, также как и в 1930-е гг., в рамках антирелигиозных кампаний использовались экономические рычаги давления на служителей культа. В 1958 г. мулла с. Новые Зимницы Хисаметдинов в заявлении на имя уполномоченного Симонова писал: «Вдруг меня облагают по доходности налога» на сумму 2526 руб., что «меня и заставляет бросать работать, откуда я мог получить такой сумма, человека без зарплаты, живи на государственном пособии»³⁴.

В 1961 г. районный финансовый отдел назначил налог на доходы имама с. Татарский Калмаюр Бахитова в размере 518,12 рублей. Сумма налога была определена, исходя из годового дохода муллы в 1708,1 руб., и составила 26 %. Бахитов пытался обжаловать данное решение, но безрезультатно³⁵.

Заслуживают внимания мотивы местных органов власти, положенные в основу налогообложения доходов имама Бахитова. Согласно данным проверки, проведенной районным финансовым отделом, мулла сдавал не все деньги, «а только в пределах установленной ему зарплаты, а в большинстве случаев и меньше, говоря, что он не собрал и 300 рублей». В этом случае ему доплачивали до суммы в 300 руб. из кассы мечети³⁶. Другими словами, некоторую часть денежных средств имам оставлял себе, не сдавая в кассу мечети. В этих случаях следовали соответствующие санкции государства, заключающиеся в удержании зарплаты или пенсии. Подобные факты, как правило, раскрывались в ходе проверки финансовой документации общины. Например, в 1978 г. финансовый инспектор В.В. Рытов установил, что мулла А.Х. Сулейманов одновременно получал зарплату из мечети в размере 40 руб. и государственную пенсию — 20 рублей. В итоге с него удержали пенсию в 300 рублей³⁷.

Иногда принимались и более серьезные меры административного характера вплоть до снятия муллы с регистрации и отстранения от обязанностей служителя культа. Такие решения были реакцией на уже свершившийся факт нарушения законодательства о религиозных культах. По имеющимся источникам установлен случай, когда уполномоченный по области Симонов в апреле 1970 г. поставил перед Советом по делам религиозных культов вопрос о снятии с регистрации муллы с Татарское Урайкино за неоднократное нарушение законодательства, связанное с исполнением обрядов без ведома мутаваллиата и без оформления квитанций. Ранее, в октябре 1969 г., он предупреждался о недопустимости подобных действий³⁸. В марте 1970 г. председатель сельсовета в предписании религиозному обществу с Татарское Урайкино указывал на необходимость устранить все «беззаконности и вольности в своей религиозной деятельности» и служителя культа. В этом же предписании отмечалось, что ревизионная комиссия и исполнительный орган мечети «вместо контроля за деятельностью служителя культа... наоборот встали на путь потворства беззакония, далеко не всегда стали учитывать совершение им религиозных обрядов в домах верующих, что, безусловно, повлекло его вольностям и злоупотреблениям в этом деле»³⁹. В июле 1970 г. на заседании двадцатки вместо Халиуллы Калимуллова был избран новый имам Салахов Сахабутдин⁴⁰.

С целью контроля за деятельностью мусульманского духовенства уполномоченный ежегодно приглашал имамов к себе на прием, на котором «разъяснял конституционные положения законодательства о религиозных культах» и требовал их неукоснительного соблюдения. Однако главной формой контроля оставалась проверка финансовых приходно-расходных документов мусульманской общины. Мутаваллиаты обязывались следить за письменным оформлением в виде квитанций обрядов, исполненных муллой и полученных за это от верующих денег, строго запрещалось исполнение треб без соответствующего оформления по квитанциям. В 1968 г. уполномоченный по Ульяновской области предписывал верующим общины р.п. Старое Тимошкино вести письменный учет поступления средств от поминок, не допускать, чтобы мулла лично брал деньги от верующих, и чтобы члены исполнительного органа и ревизионной комиссии сопровождали муллу при посещении домов верующих⁴¹. На собраниях верующие регламентировали доходы муллы, устанавливая фиксированную заработную плату, выдаваемую из кассы мечети. Кроме того, прихожане общим решением на собраниях запрещали муллам «брать деньги» с верующих. Например, такое решение 13 января 1959 г. приняли мусульмане с. Новые Тимерсяны⁴².

Понятно, что на практике все эти требования не всегда соблюдались. Мутаваллиат физически не мог проконтролировать все действия муллы. Поэтому естественно, что какая-то часть средств оседала в карманах служителей культа, не попадая в кассу общины. В источниках неоднократно указывалось, что муллы нередко совершают обряды у верующих на дому, не оформляя квитанций и не сдавая деньги в кассу мечети. Вот, некоторые из этих свидетельств. В апреле 1969 г. казначей мечети с. Уразовка жаловался уполномоченному по делам религий, что «мулла продолжает ходить по квартирам на совершение обрядов похорон, свадьбы, имянаречения, а также поминок без представителя исполнительного органа или ревизионной комиссии. Получает деньги от верующих сам и видимо какую-то часть только отдает в исполнительный орган, а другую часть присваивает себе»⁴³.

Муллы мечети в с. Татарское Урайкино Х.К. Калимуллин с 1969 г. с момента регистрации в большинстве случаев совершал обряды наречения имени без оформления квитанций, не ставя исполнительный орган мечети в известность о совершении религиозных обрядов на дому у верующих⁴⁴. В отчете за 1983 г. М.В. Иванов отмечал по этому поводу, что в подобных условиях контроль за денежными поступлениями весьма затруднен, «чем пользуются недобросовестные казначеи и муллы», и «на этой почве не прекращаются споры и распри»⁴⁵.

Иллюстрацией подобных «споров и распри» стали события в общинах с. Татарское Урайкино и г. Димитровграда. Причем, помимо происшествий, связанных с «нелегальными» доходами имамов, в их адрес верующие выдвигали претензии и иного характера. В первом из названных селений недовольство верующих вызвали такие поступки имама как «грубое», неуважительное обращение с людьми, предпочтение

личных интересов общественным, и наконец, «стяжательство». В протоколе заседания двадцатки и мутаваллиата от 17 июля 1970 г. в качестве одного из мотивов отстранения Калимуллина от должности говорилось, что он необоснованно требовал повышения себе официальной заработной платы. Сначала он согласился на сумму 40 руб. в месяц, потом потребовал ее увеличить до 100 руб., предоставить 3 машины дров и уплатить все налоги. Максимум на что согласился мутаваллиат, так это на вклад в 80 рублей. В ответ же имам, как говорится в протоколе, «бросил верующие и вышел из мечети»⁴⁶. Такие явления как пьянство служителей культа, присвоение общинных средств, завышение цен на предметы культа, дополнительные поборы с верующих, небрежное отношение к своим обязанностям стали в 1970-е гг. вопиющими фактами, свидетельствующими о моральной деградации части мусульманского духовенства⁴⁷.

Не заостряя внимания на этических аспектах и в тоже время не оправдывая подобные действия имамов, следует взглянуть на них в сравнительном контексте отношений верующих и мулл в царской России. Система управления религиозной общиной, навязанная советской властью, противопоставляла, с одной стороны, верующих и управленческий аппарат, с другой стороны, — управленческий аппарат и мулл, и наконец, — верующих и служителей культа. Применительно к мусульманам она ломала веками устоявшиеся принципы функционирования мечетей и деятельности мулл, которые прежде ни перед кем не отчитывались о выполненных обрядах и тем более о своих доходах. В связи с этим, в какой-то степени факт присвоения части денежных средств за исполненные обряды, можно расценивать как своеобразное следование дореволюционной практике. Во-вторых, это был способ выживания служителей культа в социально-политических условиях атеистического государства, когда власть не просто пыталась полностью поставить под контроль деятельность имамов, но и фактически лишила их всяческих гражданских прав в 1920—1930-е годы. Вполне возможно, что частичное присвоение доходов имело место и в 1940—1960-е гг., однако внимание государства привлекло лишь в 1970-е, когда меркантильные устремления мулл стали не столько способом выживания, сколько фактами игнорирования интересов общины и верующих, проявившись одним из признаков кризиса мусульманской уммы в СССР.

Величину «нелегальных» доходов мулл сложно определить в связи с отсутствием в источниках каких-либо достоверных сведений на этот счет. В нашем распоряжении есть лишь отдельные показания. Как, например, письмо верующих г. Димитровграда, жаловавшихся на действия имама Г. Ахметшина, и прејскурант цен за религиозные обряды, приложенный к данному письму. В них обозначены следующие суммы: похороны — 40—90 руб., фидия — 50 руб., 40 руб. за 40 дней. В прејскуранте, со слов верующих, мулла взял в июле 1985 г. за никах — 10—25 руб., наречение имени — 5 руб., «от наричения Ясын на новоселье» — 35 руб., за 40 дней — 40 руб., «от наричания Коран» — 25 руб., поминки — 3 дня (35 руб.), 7 дней (35 руб.), 40 дней (40 руб.), год (25 руб.) и т.д., всего — 285 рублей⁴⁸. Сумма весьма внушительная, если сравнить ее со средней заработной платой по стране. Понятно, что это не единовременная выплата имаму, а сумма денежных средств, поступавшая в течение определенного времени. Ее окончательный размер за год определялся количеством исполненных имамом религиозных обрядов.

Кроме того, трудно сказать, сколько в действительности мулла исполнял обрядов на домах у верующих. По всей видимости, намного больше, чем это указывается в официальных отчетах уполномоченного. Об этом свидетельствуют несколько обстоятельств. Во-первых, данные исследований по истории ислама в соседних республиках и областях Среднего Поволжья и Приуралья. Во-вторых, косвенные сведения, приводимые уполномоченным, в которых неоднократно отмечалась повсеместная религиозная обрядность, соблюдаемая татарами Ульяновской области в быту.

При всех возможных нелегальных доходах, в общей своей массе, мусульманские служители культа мало чем отличались от обычных верующих по уровню своего материального благосостояния. Это были пожилые люди, в большинстве своем пенсионеры, имевшие за плечами непростую, порой тяжелую жизнь, сопряженную с работой на селе. Несмотря на отсутствие профессионального богословского образования, имея лишь начальную религиозную подготовку, они обладали громадным

жизненным опытом, хорошо знали деревенскую жизнь, были понятны своим прихожанам, а в глазах более молодых татар выступали как старожилы, хранители религиозных традиций и знаний.

Первые документально зафиксированные попытки татар-мусульман получить профессиональное религиозное образование относятся в основном к 1980-м годам. В период с 1982 по 1989 гг. такое желание высказали 6 человек. Четверо из них подавали заявления о направлении на учебу в религиозное заведение от своего имени, за двоих верующих ходатайства направлял мутаваллиат г. Ульяновска. Обучение планировалось пройти в медресе Мир-Араби и на двухгодичных курсах при ДУМЕС. По возрасту практически все желающие были молодыми людьми 17—32 лет, лишь одному верующему было 50 лет на момент подачи заявления. Все они окончили общеобразовательную школу, а некоторые, как например, М.З. Зайдуллоев, имел среднее специальное техническое образование ⁴⁹.

Позиция властей в вопросе получения татарами-мусульманами профессионального религиозного образования четко соответствовала изменению общего курса внутренней политики советского государства. Своеобразным рубежом выступает 1986 г., когда уполномоченный Иванов по поводу желания Санатуллоева получить религиозное образование в медресе Мир-Араби сказал, что не имеет возражений ⁵⁰. Прежде, в 1982 г., местные власти четко давали понять, что подобное не представляется возможным. При рассмотрении кандидатур на поступление в духовное учебное заведение учитывались отзывы верующих и административного аппарата мечети. Например, в 1989 г. зачисление В.Н. Муртазова на двухгодичные курсы при ДУМЕС Иванов счел нецелесообразным по нескольким причинам: собирал по деревням литературу по исламу, имел «связь с одним ваххабитом из ТАССР», был обвинен мутаваллиатом общины г. Ульяновска в воровстве «Тафсир Корана» ⁵¹.

Мусульманское духовенство в СССР прошло сравнительно длительный путь эволюции в своем социально-экономическом и правовом положении. В качестве одного из институтов религиозной общины служители культа в 1920—1930-е гг. подвергались жесткому притеснению во всех сферах общественной жизни. Максимальное ограничение социальной мобильности, физическое устранение целой возрастной когорты имамов привели к неизбежному разрыву в преемственности и восполнении служителей культа. Пришедшие на смену кадровому профессионально подготовленному духовенству новые имамы послевоенного времени отличались по возрастным и образовательным характеристикам — они были людьми преклонного возраста, подчас имели только начальное религиозное образование. Многие из них по личным убеждениям, будучи верующими людьми, поддерживали посильный минимум обрядности в стенах мечети, необходимый для частичного воспроизводства религиозных традиций. Острый дефицит в профессионально подготовленных имамах в еще большей степени делал актуальными морально-нравственные характеристики кандидатов в муллы, однако, некая инертность общей массы верующих, зависимость религиозных объединений от государства, отчужденность управленческого аппарата общины от прихожан несколько нивелировали их. Как следствие, этого меркантильность устремлений и игнорирование интересов прихожан были чертами, характеризовавшими поведение части приходского духовенства, что, по мнению исследователей, являлось проявлением общего кризисного состояния исламской конфессии в 1970-х годах.

Несмотря на репрессивные меры государства, предпринятые в 1920—1930-е гг., в послевоенное время сохранились некоторые элементы и принципы функционирования мусульманских приходов — оказание посильной социальной и материальной помощи по уплате налогов, выделение средств на лечение и отпуск, обустройство быта. В большинстве своем мало, чем отличаясь от обычных верующих, приходские служители культа достаточно долго оставались дискриминируемой социальной группой. Выравнивание их правового положения, наметившееся в послевоенное время, достигло своего завершения только к концу 1980-х годов. Во второй половине этого десятилетия в связи с некоторой либерализацией конфессиональной политики СССР у мусульман появилась возможность получить профессиональное высшее богословское образование. Распад советского государства открыл для них новые социально-политические реалии и породил иные проблемы.

Статья прошла апробацию на II Казанском международном научном форуме «Ислам в мультикультурном мире» 29—31 октября 2012 года.

1. СУЛАЕВ И.Х. Официальное духовенство в советском Дагестане. — Вопросы истории. 2006, № 12, с. 155.
2. МУХАМЕТЗЯНОВ А.А., МИННУЛЛИН И.Р. Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920—1930-е гг.). Нижний Новгород. 2008, с. 54.
3. Там же, с. 97.
4. ЮНУСОВА А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа. 1999, с. 236.
5. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 3705, оп. 1, ед. хр. 23, л. 19, 23а.
6. Там же, оп. 1, ед. хр. 4, л. 35—35об.; ед. хр. 8, л. 25—25об., 45; ед. хр. 13, л. 10, 14; ед. хр. 14, л. 14, 20—21, 25—26; ед. хр. 15, л. 9; ед. хр. 16, л. 9; ед. хр. 17, л. 13—14; ед. хр. 18, л. 10, 14; ед. хр. 19, л. 16; ед. хр. 22; ед. хр. 23, л. 19, 23а; ед. хр. 24, л. 17; ед. хр. 25, л. 12.
7. Там же, оп. 1, ед. хр. 17, л. 13—14.
8. Там же, ед. хр. 19, л. 11—11об.; ед. хр. 22; ед. хр. 23, л. 23а; оп. 4, ед. хр. 33—34об., 38.
9. ЮНУСОВА А.Б. Ук. соч., с. 172.
10. ГАУО, ф. 3705, оп. 1, ед. хр. 14, л. 26.
11. Там же, л. 25.
12. Там же, ед. хр. 28, л. 1об.—17об.
13. СУЛАЕВ И.Х. Ук. соч., с. 153.
14. ГАУО, ф. 3705, оп. 1, ед. хр. 126а, л. 10, 37; ед. хр. 132а, л. 13.
15. Там же, оп. 1, ед. хр. 151, л. 5, 7; ед. хр. 158, л. 139—140.
16. ЮНУСОВА А.Б. Ук. соч., с. 262.
17. ГАУО, ф. 3705, оп. 1, ед. хр. 151, л. 5, 7; ед. хр. 170, л. 131.
18. Там же, оп. 1, ед. хр. 170, л. 135.
19. МУХАМЕТЗЯНОВ А.А., МИННУЛЛИН И.Р. Ук. соч., с. 54.
20. ГАУО, ф. 3705, оп. 4, ед. хр. 16, л. 66—66об.
21. Там же, оп. 4, ед. хр. 17, л. 35.
22. Там же, оп. 1, ед. хр. 19, л. 75.
23. Там же, оп. 4, ед. хр. 21, л. 49.
24. Там же, оп. 4, ед. хр. 43, л. 10.
25. ЮНУСОВА А.Б. Ук. соч., с. 266.
26. ГАУО, ф. 3705, оп. 1, ед. хр. 4, л. 33—33об., 41; ед. хр. 45, л. 7—8.
27. Там же, оп. 1, ед. хр. 170, л. 60.
28. Там же, оп. 4, ед. хр. 16, л. 10—10об.
29. Там же, оп. 1, ед. хр. 19, л. 39.
30. Там же, оп. 4, ед. хр. 18, л. 37.
31. Там же, л. 44.
32. Там же, оп. 1, ед. хр. 19, л. 39.
33. Там же, ед. хр. 161, л. 82, 112—112об., 124.
34. Там же, ед. хр. 34, л. 20—20об. Сохранена орфография оригинала.
35. Там же, ед. хр. 45, л. 7—8.
36. Там же, л. 7—8.
37. Там же, ед. хр. 134, л. 74.
38. Там же, ед. хр. 102, л. 29—30.
39. Там же, оп. 4, ед. хр. 19, л. 58.
40. Там же, л. 60—62об., 64.
41. Там же, ед. хр. 82, л. 21.
42. Там же, ед. хр. 14, л. 29—30.
43. Там же, ед. хр. 93, л. 1об.
44. Там же, ед. хр. 102, л. 29—30.
45. Там же, оп. 1, ед. хр. 144, л. 15.
46. Там же, оп. 4, ед. хр. 19, л. 60—62об.
47. ЮНУСОВА А.Б. Ук. соч., с. 265—266.
48. ГАУО, ф. 3705, оп. 1, ед. хр. 153, л. 62—66, 68.
49. Там же, ед. хр. 159, л. 13—14; ед. хр. 171, л. 5; ед. хр. 143, л. 48; ед. хр. 164, л. 39.
50. Там же, ед. хр. 159, л. 13—14.
51. Там же, ед. хр. 171, л. 4—5.

Две парадигмы в современной отечественной историографии

С.Б. Крих, О.В. Метель

Не будет преувеличением сказать, что историография как история исторического знания занимает уникальное положение в структуре отечественных гуманитарных знаний. В российском дискурсе история исторической науки приобрела статус самостоятельного исследовательского пространства, стремящегося к постоянному расширению своих границ и включению все новых сюжетов в поле своего исследования.

Корни названного феномена стоит искать в особенностях советской научной традиции, заложенных изначально и не терявших актуальности на всем протяжении ее существования: во-первых, советские исследователи всегда мыслили себя в категориях противостояния Западу, настаивая на том, что наука капиталистических стран не способна к глубоким обобщениям; во-вторых, основываясь на постулатах марксизма, они стремились проследить закономерности в развитии собственных научных дисциплин. В результате, уже форма и стиль постановки вопроса подталкивали советскую традицию к самоанализу и самоописанию, превращая историографию из вспомогательной науки в естественное основание для любой солидной исторической работы. И хотя последствия этих особых установок нельзя трактовать однозначно, следует учитывать тот факт, что именно привычка к историографической рефлексии способствовала взлету исследований названного жанра в современной России¹. Еще одним немаловажным фактором, способствовавшим актуализации историографических поисков, стал слом устоявшейся системы «наука-государство-общество» в 1990-е гг., когда история исторической науки выступила в роли инструмента самоидентификации научного сообщества, вынужденного вновь восстанавливать разорванные временные связи с историками прошлого и искать ответы на «проклятый» вопрос: кому нужна история сегодня?

Прогресс историографической тематики в 1990–2000-е гг. поставил на повестку дня задачу формирования сравнительно новой исследовательской области — историографии второго порядка, то есть дисциплины, связанной с осмыслением путей изучения всего круга историографических вопросов. Нельзя сказать, что подобные исследования не проводились ранее (достаточно вспомнить традиционные разделы диссертаций, связанные с определением степени изученности темы), однако имеющиеся на сегодняшний день труды по данной тематике отличаются значительной фрагментарностью, скорее намечая линии анализа названного исследовательского пространства, чем представляя готовые результаты и выводы². Предлагаемый анализ концептуальных основ современной отечественной историографической тради-

Крих Сергей Борисович — кандидат исторических наук, доцент; *Метель Ольга Вадимовна* — преподаватель. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

ции претендует на ряд обобщений, которые до этого мало занимали внимание исследователей. Он может показаться спорным, и даже должен быть таковым, но это как раз тот случай, когда несогласие с заявленными ниже положениями тоже окажется в той или иной степени полезным для более глубокой проработки темы.

По нашему мнению, развитие российской историографии в постсоветский период связано с формированием двух конкурирующих парадигм: антропологической и концептуалистской, существенно отличающихся друг от друга в трактовке объекта и предмета исследования. Хронологически первой является антропологическая парадигма, возникшая в 1990-е гг. как реакция на вызывающий деперсонализм советской исторической науки и на продолжавшуюся общую антропологизацию гуманитарного знания.

С одной стороны, советская историографическая традиция уделяла недопустимо мало внимания личности историка, стремясь изучать закономерности развития науки. Именно так задачу историографов сформулировала М.В. Нечкина, которая, хотя и настаивала на необходимости включения в историографические труды «антропологической» проблематики («проникновение в творческую лабораторию ученого»), делала акцент на анализе изменения проблематики исторических исследований во времени. «Ясно, что собрав материал, — писала М.В. Нечкина, — он [историограф] должен построить хронологический ряд, чтобы проследить за особенностями процесса в целом. Он должен тонко и проникновенно определять проблематику работ, сменяющих друг друга в этом хронологическом ряду, определить линии передачи этой “эстафеты” исследования, о котором выше шла речь. Определив проблематику, он придет к уяснению концепций исследователей, их повторяемости и развития»³.

Вместе с тем, основная тенденция развития науковедческих исследований во второй половине XX в. заключалась в переносе акцента с изучения конкретных форм готового знания на анализ процесса его получения, породив целый ряд работ, авторы которых отстаивали конвенциональную природу науки, понимаемую, в первую очередь, как *деятельность* ученых. Первопроходцем здесь стал Т. Кун, показавший роль научного сообщества в процессе производства и развития научных идей⁴. Обратив внимание на специфику эволюции научного знания в области физики, американский науковед предложил концепцию развития научных дисциплин, основанную на признании факта непрерывных научных революций, сопровождавшихся сменой *парадигм*. Парадигма — ключевой термин концепции Куна — представляла собой, по мысли автора, «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»⁵. Принимая ключевые положения той или иной парадигмы, чаще всего усваиваемые в период обучения, исследователи получают возможность стать признанными научным сообществом и, как следствие, заниматься научной деятельностью. Иными словами, научным становится то, что признается таковым учеными, а раз так, то гораздо важнее понять, как и кем было сделано то или иное открытие, чем постичь его смысл или определить место в общей эволюции научной мысли.

Таким образом, в науковедении отчетливо заявляет о себе тенденция к растворению объекта научной деятельности в субъекте. Одним из ее проявлений стала публикация книги «Жизнь лаборатории: социальная конструкция научных фактов» Б. Латура и С. Вулгара, стремившихся антропологически рассмотреть научную деятельность на микроуровне — показать процесс конструирования научных идей на примере изучения деятельности отдельной лаборатории⁶. Преодолевая разрыв между «социальным» и «интеллектуальным», авторы акцентируют внимание на мелочах повседневной лабораторной жизни, обычно не принимаемых в расчет историками науки. Между тем, именно эти мелочи, казалось бы, напрямую не относящиеся к практике научных исследований, могут оказывать на нее определяющее воздействие как при получении конкретных научных результатов, так и в их интерпретации⁷. Не менее показательным следствием «смерти объекта» в науковедении стал проект «эпистемологического анархизма» П. Фейерабендта, отказавшего научной деятельности в объективных основаниях и наличии специфических методов работы⁸. Критерии научной рациональности, методологические предписания — все это для американского науковеда не более чем абстракции, не имеющие прямого воздействия на реальную практику научных исследований, движимых прямым нарушением принятых предписаний. «Такие события и достижения, как изобретение атомизма в античности,

коперниканская революция, развитие современного атомизма (кинетическая теория, теория дисперсии, стереохимия, квантовая теория), постепенное построение волновой теории света, оказались важными лишь потому, что некоторые мыслители, либо сознательно *решили* разорвать пути «очевидных» методологических правил, либо *непроизвольно* нарушали их»⁹.

При переносе в пространство историографии, антропологические принципы анализа материала сохранили свои самые общие очертания, в первую очередь, требуя сфокусировать внимание исследователей на самом историке — вначале всего как личности¹⁰, а уже исходя из этого — как ученом или, если быть точнее, представителе определенной научной корпорации. Его труды, круг близких к нему людей, его общественные связи, повседневная жизнь в контексте исторических событий, свидетелем которых ему довелось быть, — все это становится примерно равноправными разделами исследования, а иногда изучение историографом собственно научной деятельности своего героя даже отступает перед рассказом о его жизни как таковой¹¹. Так может оказаться, что из повествования о средневековом историке, жившем в первой трети прошлого столетия, мы узнаем много интересного о жизни в России и Европе сто лет назад, но почти ничего не узнаем о жизни средневекового общества¹². Структура повествования при подобном подходе приобретает следующую форму, изменяемую в зависимости от состояния источниковой базы: изучение детства и юности историка, анализ периода его обучения, связанный с выявлением каналов интеллектуального влияния, подробное рассмотрение основных вех научной карьеры, в той или иной мере сопряженное с изучением исторической концепции, иногда дополняемое исследованием памяти об ученом в последующих поколениях. Объединяемые в рамках обобщающих монографий, названные разделы могут также существовать самостоятельно в виде отдельных статей.

Значимость свершившегося в отечественной историографии «антропологического поворота» трудно переоценить: позволяя преодолеть ряд упрощенных подходов, присущих советскому периоду, антропологическая модель ввела отечественную науку в проблематику мировой науковедческой мысли, обогатив ее новыми идеями и методологическими практиками. Одновременно антропологическая парадигма в силу своего компромиссного характера выступила в роли элемента, конституирующего научное сообщество: исследуя жизнь ученых, можно не спорить о терминах, разделяя только общие, весьма размытые установки, и при том широко использовать достижения смежных дисциплин.

Однако при сравнительно долговременном существовании достоинства антропологической парадигмы начинают оборачиваться ее недостатками. Самый очевидный из них заключается именно в предельной размытости даже не методологии, а методики работы с историографическим материалом. Компромиссный характер легко может спровоцировать обвинения в беспринципности. И главная беда тут даже не в том, что антропологическая парадигма допускает использование разнообразных и не всегда согласованных исследовательских методов, основным критерием выбора которых является продуктивность в рамках интересующей предметной области, а в том, что она вообще не заставляет анализировать собственную методологию, позволяя ограничиться декларативным постулированием отдельных исследовательских принципов, а далее — работать с позиций «здорового смысла».

В результате, в настоящее время под флагом антропологических исследований выходит немало вполне традиционных научных биографий и даже публикуются пласты минимальным образом обработанного архивного материала, публикация которого стала одним из проявлений научной «моды» последних десятилетий. Скажем, для антропологической парадигмы работа с такого рода источниками, как переписка историков, очень важна — где, как не здесь можно увидеть переплетение научных и личных пристрастий, неофициально высказанных мнений и впервые в невнятной форме выраженных грядущих исследовательских прозрений. Понятное дело, что публикация переписки требует и тщательного отбора наиболее репрезентативных писем, и детального комментария непонятных стороннему читателю нюансов, и подробного анализа ценности этой переписки в общем изучении вопроса. Но может быть и наоборот: публикация писем будет сопровождена вполне бесцветным комментарием с перечислением дат жизни и занимаемых постов всех корреспондентов (заодно и случайно упомянутых исторических персонажей — неважно, будут ли это Наполеон I или Цезарь), а сам

анализ сведется к утверждению о том, что нам важно знать как можно больше именно об этом историке.

Конечно, малопродуктивные исследования «подражательного» толка неизбежны в любой научной традиции, вопрос в том, существуют ли внутри парадигмы механизмы самокритики, отсева некачественных работ. Если они отсутствуют, то наступает методологическая стагнация, которая вначале может проходить под знаком внешнего оживления — когда приемы исследования общедоступны, а боязнь написать бессмыслицу минимальна, темой начинают заниматься все подряд; но уже через несколько лет это может спровоцировать такой же массовый отход исследователей от исчерпанной тематики.

Другой, куда более существенный, на наш взгляд, недостаток антропологической парадигмы заключается в том, что она до сих пор не спрашивала себя всерьез, что же именно она исследует. Если мы говорим, по уже ставшему популярным выражению, что историография в рамках этого подхода понимается как «история людей», то базовый вопрос для этой парадигмы — что есть человек? Или, если этот вопрос скорректировать сообразно нуждам теории, — что есть ученый-историк?

Надо полагать, большинство согласится с тем, что в данном контексте речь идет не столько об историке как человеке, сколько об историке как личности. Но и в этом случае, перефразируя классика, скажем: слишком уж широка и многообразна личность в своих проявлениях. Тем самым, возникает реальная методологическая опасность заблудиться в этом многообразии — обратившись к выяснению мелких подробностей личной жизни историка, потерять саму цель их изучения. Более того, до сих пор никто из представителей антропологической парадигмы не сформулировал ответ на вопрос: исходя из каких признаков должен осуществляться отбор фактов личной жизни ученого и определение степени их важности для исследователя? Например, если ценностный мир дореволюционных историков или представителей русской эмиграции становится объектом исследовательского интереса, то чем хуже, допустим, изучение различных скандалов в среде ученых эпохи «застоя»?

Поставленные вопросы выводят нас на еще более сложные сюжеты, а именно: насколько далеко вправе зайти исследователь при изучении чужой жизни и продолжают ли действовать в данном случае морально-этические императивы? Эти вопросы только внешне выглядят надуманными и утрированными: ведь если нет никаких принципов тематической иерархии, значит, перед нами первое указание на то, что у изучения нет иных целей, кроме самого изучения. Но исследование для исследования — это не современная историография, это собирание историографического антиквариата. И новизна применяемой терминологии положения дел тут не изменит.

Пример отсутствия глубокой рефлексии относительно названных сюжетов наглядно демонстрируют «эмпирические» доклады, сделанные на научных конференциях, посвященных современным историографическим практикам или отдельным крупным историкам. Уделяя преимущественное внимание «историографическим казусам», далеко не каждый автор стремится ввести слушателя или читателя в общую проблематику работы, теоретически обосновав избранный сюжет и значимость его изучения для исторической науки.

Представляет значительный интерес для науковеда и сама тематическая структура современных историографических конференций. В качестве примера мы провели анализ тематики одного из крупнейших историографических форумов последних лет — международной конференции «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — начала XXI вв.», состоявшейся в ноябре 2011 г. в г. Челябинске¹³.

Несмотря на призыв к теоретизированию (термин используется нами без всяких негативных коннотаций), закрепляемый на уровне дискурса, исследователи стремятся к изучению конкретных узких историографических сюжетов. Наиболее красноречиво об этом свидетельствуют, во-первых, секция, посвященная обсуждению личности историков, в рамках которой не было представлено теоретических докладов; а во-вторых, собственно теоретическая секция, наполовину состоявшая из докладов «эмпирического» характера. В результате, сам собой напрашивается вывод о том, что микро- и макроподходы, теоретические конструкции и конкретные исследования внешне смешаны, а на деле вольно или невольно сегрегированы в рамках антрополо-

гической парадигмы. То есть, теории могут быть представлены, а могут отсутствовать, при этом совершенно не имеет значения то, к каким выводам придет автор теоретического доклада — они могут оказать в лучшем случае внешнее влияние на работу всех остальных, ведь они сами воспринимаются как один из вариантов «эмпирической» работы. Объяснение названной особенности, на наш взгляд, стоит искать в кажущейся простоте изучения отдельных исторических персонажей, которая открывает значительные перспективы экстенсивного развития научного знания и гарантирует молодым исследователям наличие собственной «исследовательской ниши». Теоретическое же пространство «подстраивается» под эту особенность антропологической парадигмы: оно служит не объединению разных исследований, а само приобретает черты отдельной «ниши»; теория, которая не в состоянии никого убедить и никого обидеть — это достаточно удобный вариант, если помнить о не так давно завершённой эпохе главенства одной макротории.

Исходя из сказанного выше, мы полагаем, что главный просчет антропологической парадигмы состоит в ее склонности упускать из поля зрения важнейший фактор: характер профессии. Почему вообще мы изучаем личность данного ученого? Нельзя забывать, что именно делает ученого таковым — его научные труды, результат его деятельности. Вполне логично предположить, что сам объект для анализа антропологической парадигмы — ученый-историк — появляется только потому, что когда-то сделал выбор в пользу своей профессии, стал проводить исследования и публиковать их результаты в виде тезисов, статей, монографий. Он пришел в науку не для того, чтобы общаться с коллегами, жить в определенном времени и пространстве, а для того, чтобы иметь возможность заниматься научной работой, излагать свои выводы и, как бы пафосно это не прозвучало, искать *истину*. Не претендуя на роль судьи, оценивающего вклад историка в развитие своей дисциплины, исследователь не может упускать из виду особенность историографического знания, связанную с неизбежной оценкой вклада изучаемого им автора в развитие исторической науки в целом, что, в свою очередь, диктует потребности в изучении конкретных персоналий и ракурсы рассмотрения связанных с ними сюжетов. Однако это остается на сегодняшний день попросту неинтересно большинству авторов.

Любопытно, что отмеченное нами невнимание к методологическим проблемам нашло специфическое преломление в работах «основателей» антропологической парадигмы в науковедении. Так, в качестве наиболее яркого примера стоит вновь вспомнить классическую работу Куна, открывшую «ящик Пандоры» и сделавшую первый шаг к провозглашению «смерти объекта» в науковедении. Поставив во главу угла научное сообщество, члены которого работают в рамках одной парадигмы, американский исследователь допустил серьезную терминологическую путаницу в определении последней, обозначая термином «парадигма» гораздо более широкий класс явлений, чем это заявлялось во введении¹⁴. Названную особенность признавал и сам автор, вынужденный в своих более поздних работах говорить не о парадигмах, но о дисциплинарных матрицах¹⁵. Этот последний термин оказался более удачным. Он действительно отражает то многообразие смысла, которое было вложено в него автором. Однако он не получил широкого распространения, тогда как понятие «парадигма», как признал сам Кун, обрело самостоятельную жизнь¹⁶.

Преследуя цель представить характеристику современной концептуалистской парадигмы, нельзя не принимать в расчет тот факт, что она, в отличие от антропологической, находится в стадии становления и осознания своих возможностей. Звучных «методологических манифестов», определяющих ее исследовательские принципы и инструментарий, пока не создано; узок круг ее последователей, определяемых (скорее методом «от противного»). Страшно далеки они от большинства историографов. Все это не может не накладывать отпечаток на характер материала, представленного авторами в рамках настоящей статьи, которая, повествуя о становящемся объекте, неизбежно рискует роковым образом исказить его черты.

Концептуалистская парадигма современной историографии, нередко именуемая «историей идей», по сути, является *первоначальным* вариантом историографического анализа, возникшего с сугубо инструменталистской целью — продемонстрировать уровень развития научного знания в тот или иной период времени. Подобная исследовательская модель была широко

распространена в мировой науке, включая и отечественную — как в дореволюционный, так и в советский период. Почему в таком случае можно говорить о концептуалистской парадигме как о новой? Новизна ее в современной российской науке связана, во-первых, с противостоянием доминирующему антропологическому подходу, а, во-вторых, — с методологическими новациями исследователей, стремящихся отказаться от «классических» образцов инструменталистского историографического анализа. Тоску по возвращению концептуальной истории хорошо выразили две книги Н.Е. Копосова, который одновременно постарался глубинно осмыслить эволюцию исторической науки в XX в. и наметить собственный путь выхода из тех тупиков, в которых она оказалась¹⁷.

Стремясь показать пути конструирования и эволюции исторических концепций во времени, современная «история идей» переносит акцент с личности творца на продукт его научного творчества, подразумевая некоторую самостоятельность и автономность «мира идей» по отношению к «миру» историка-исследователя. Если попытаться смоделировать методологические позиции авторов, работающих в рамках концептуалистской парадигмы, то неизбежно возникает уверенность в признании (возможно, с некоторыми оговорками) ими следующих постулатов: объективное существование мира идей и его способность оказывать воздействие на историка-исследователя. Наука — это не просто продукт деятельности ученых, это сложная система, обладающая элементами саморегуляции, не только испытывающая воздействие со стороны ее членов, но и неизбежно оказывающая на них обратное влияние.

Более того, следует всегда помнить о том, что основная функция науки заключается в постижении истины. Признавая наличие некоторой объективной реальности, на постижение которой направлены научные исследования, невозможно рассматривать научную деятельность лишь в категориях некоей конвенции, заключенной между исследователями. Как мы говорили ранее, в противном случае теряется всякая специфика научной деятельности и, в конечном итоге, право на существование науки, которая, вместо того, чтобы выполнять свою основную функцию — познание окружающего мира и человека, начинает более всего заботиться манипуляциями с массовым сознанием.

В отличие от антропологической, концептуалистскую парадигму интересуют прежде всего научные идеи, точнее — тексты как их материальное воплощение. Исследователи, работающие в названной парадигме, стремятся понять, как научный текст был создан, каким образом выразил идеи автора (или неуловимо их трансформировал), какие мысли, заложенные в нем, оказались актуальными, а какие — нет, и почему и как появляются исторические труды, которые оказывают наибольшее воздействие на ученый мир (и за его пределами).

Представители этой парадигмы (или примыкающие к ней авторы) с особым увлечением работают с текстами. Приведем в качестве примера книгу А.Л. Юрганова: с одной стороны, автор помнит о том, что над текстами работают конкретные люди, с другой стороны, он хорошо видит и то, что тексты имеют свою эволюцию, свою логику развития, и этот фактор иногда приобретает не меньшее влияние, чем действия самих авторов¹⁸. Именно так, сравнивая стенограммы выступлений участников совещания историков 1943 г., Юрганов приходит к выводу о невозможности признать безусловной «победу» А.Н. Панкратовой, которая, судя по сохранившимся автографам, сама сконструировала образ «победителя», внося в первоначальные тексты докладов новые фрагменты и даже меняя хронологию событий. В результате, анализ текстов выступлений требует существенно скорректировать выводы анализа источников личного происхождения (столь часто используемых представителями антропологической парадигмы) и, как следствие, общую картину совещания историков.

Несложно заметить, что, несмотря на тесную соотнесенность с постмодернистской проблематикой деконструкции текста, концептуалистская парадигма («новая история идей») не ставит целью развенчать метанарративы, ей важнее понять их, а в некотором смысле она готова построить собственный метанарратив — целостное видение историографического процесса с точки зрения противоборства и эволюции текстов как носителей определенных идей.

Приведенная выше схема акцентирует внимание на том, что концептуалистская парадигма проводит достаточно строгий отбор материала, который может быть использован для реализации ее научных задач. Полезно лишь то, что может дать представление об особенностях появ-

ления, создания, восприятия того или иного научного труда или той или иной концепции. С этой точки зрения становится понятным, что фактор, который в одном случае мог играть определяющую роль, в другом может оказаться на периферии — сообразно этому ему и должно быть уделено исследовательского внимания. Важное значение имеет и стремление к исключению субъективного элемента (насколько это возможно) из анализа историографического процесса: если антропологическая парадигма нередко становится «заложником» тех картин прошлого, которые были смоделированы самими историками (приведенный выше пример с Панкратовой — яркое тому подтверждение), то концептуалистская парадигма, напротив, обладает внушительным арсеналом инструментов для проверки информации, поступившей из различных источников.

Конечно, главная опасность «новой истории идей» будет примерно та же, что и у старой — идеи помогают строить исследовательскую модель, но при этом сами не любят подвергаться исследованию. Так, например, когда А.В. Гордон в своей книге об исследовании Французской революции советскими историками ставит в центр анализа концепт партийности¹⁹, уместно задать вопрос, что из чего родилось: идея (о том, что партийность является определяющей характеристикой советской исторической мысли) выстроила материал или материал подсказал идею? Если в данном случае мы имеем дело с талантливой книгой одного из лучших специалистов, то легко можно представить, насколько упростится «история идей», если станет научной модой. Парадокс современной ситуации заключается в том, что бегство от нерелексированной антропологической парадигмы может оказаться бегством к нерелексированной концептуальной парадигме — снова принятой на веру, как уже было в истории отечественной гуманитаристики.

Но пока существуют механизмы противодействия этому. Они заключаются в том, что, по сравнению с антропологической, концептуалистская парадигма выглядит аскетично, более того, в ней (пока в скрытом виде) содержится призыв к тому самому обсуждению терминов, отказ от которого до поры до времени гасил потенциальные конфликты в отечественной науке, предопределенные противостоянием в ней разных поколений и разных мировоззрений одновременно. Но в настоящее время страшен уже не конфликт внутри науки, а отсутствие целостного коммуникативного пространства. Заговорив на разных языках, отечественные историки исторической науки перестали ссориться, но они постепенно перестают и общаться — если под общением понимать нечто большее, чем дружеские беседы в кулуарах конференций и симпозиумов.

Представив развитие отечественной историографии двух последних десятилетий в виде противостояния двух парадигм, мы, однако, не склонны его абсолютизировать. Более того, мы ни в коем случае не считаем желательным такой исход, при котором один подход одержит безоговорочную победу, а другой будет повержен. Обе парадигмы могут не только сосуществовать, но и обеспечить друг другу развитие. Не случайно, что обе они наиболее ярким образом проявили себя при анализе отечественной историографической традиции приблизительно последних ста лет — иными словами, они в той или иной форме вносят свой вклад в решение важной задачи для нашей исторической науки: ей необходимо осознать свои просчеты и достижения (причем, желательно, не перепутать одни с другими), чтобы найти собственный путь и вновь обрести значение в общественной жизни страны, которое в последние годы неостановимо уменьшалось. Однако достичь подобных результатов можно лишь отказавшись от «методологической индифферентности», возможно — проведя широкую теоретическую дискуссию о способах осмысления исторической наукой себя самой.

Примечания

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-3461.2012.6.

1. Дополнительным импульсом послужило появление мемуаров историков — явления, до второй половины XX в. неизвестного отечественной мысли. Мемуары сами стали историографическим источником для других исследователей.
2. См., напр.: КАМЫНИН В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX—XXI столетий. — Известия Уральского государственного университета. 2010, № 3(78), с. 54—66; МОГИЛЬНИЦКИЙ Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М.

- 2004, с. 5—22; ЗВЕРЕВА Г.И. Новая российская историософия: риторические стратегии и прагматика. Феномен прошлого: сб. статей. М. 2005, с. 292—315; ХУТ Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX—XXI вв. М. 2010; УВАРОВ П.Ю. Историографическая революция: контуры необходимого и возможного. История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — начала XX вв.: материалы международной конференции. М. 2011, с. 187—188.
3. НЕЧКИНА М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки). История и историки. Историография истории СССР: сб. статей. М. 1965, с. 12.
 4. КУН Т. Структура научных революций. М. 1975.
 5. Там же, с. 17.
 6. LATOUR B., WOOLGAR S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. London. 1979; LATOUR B., WOOLGAR S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton. 1986.
 7. Подробнее о работе Б. Латура и С. Вулгара см.: МОРКИНА Ю.С. Конструктивизм Б. Латура и С. Вулгара — на пересечении научных дисциплин. — Эпистемология & Философия науки. Т. XXIV. 2010, № 2, с. 130—147.
 8. ФЕЙЕРАБЕНДТ П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М. 2007.
 9. Там же, с. 42.
 10. Это вовсе не подразумевает наличие особенного пиетета к личности исследуемого объекта или, тем более, восторженное сосредоточение на уникальных качествах этой личности; исследователя может интересовать и неяркий жизненный путь, и слабый дар лектора; антропологизм вообще скорее предполагает нахождение общих моментов в судьбах индивидов.
 11. Учитывая значительное количество работ, посвященных тому или иному историку, мы приведем лишь обобщающие издания и некоторые работы, посвященные наиболее известным историкам, специализирующимся в области всеобщей истории: Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1—2. М. 2000; Т. 3—5. М. 2004—2010; КИРСАНОВА Е.С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск. 2003; ФИЛИМОНОВ В.А. Н.И. Кареев как историк античности: автореф. дис. к.и.н. Казань. 2000.
 12. В сфере историографии античной истории классическая работа такого рода вышла также за рубежом: WES M.A. Michael Rostovtzeff. Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart. 1990. Успех работы М.А. Веса был повторен в России уникальным коллективным исследованием жизни М.И. Ростовцева, создавшим практически объемный портрет главного героя на фоне эпохи: Скифский роман. М. 1997. При этом второй книге о Ростовцеве и подобному же сборнику, посвященному И.М. Гревсу, успех повторить не удалось: Парфянский выстрел. М. 2003.
 13. История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII—XXI веков. М. 2011.
 14. Критика термина «парадигма» была представлена уже современниками Т. Куна. См., напр.: SHAPER D. The Structure of Scientific Revolutions. — The Philosophical Review. 1964, vol. 73, № 3, p. 393; MASTERMAN M. The nature of a knowledge. Criticism and the Growth of knowledge. Cambridge. 1970, p. 59—90.
 15. КУН Т. Дополнение 1969 г. КУН Т. Структура научных революций. М. 1977, с. 227—273.
 16. ЕГО ЖЕ. Структура..., с. 240.
 17. КОПОСОВ Н.Е. Как думают историки. М. 2001; ЕГО ЖЕ. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М. 2005.
 18. ЮРГАНОВ А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. 2011.
 19. ГОРДОН А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М. 2009.

А.Ю. ПЕТРОВ. *Наталья Шелихова у истоков Русской Америки.*
М. Весь мир. 2012. 304 с.

Новая монография А.Ю. Петрова затрагивает неисследованную ранее тему — начало женского предпринимательства. Автор обращает внимание как на исторические, так и на психологические стороны данного явления. Подробно разбирается его экономическая составляющая, проанализирована деятельность Российско-американской компании (РАК), начиная со дня ее основания.

Наталья Алексеевна Шелихова — личность неординарная и, безусловно, заслуживающая пристального внимания историков. Новые архивные материалы, обнаруженные автором,

помогли более полно воссоздать облик основательницы Русской Америки.

Свой труд Петров начинает с обозначения исторических реалий, в которых жили и творили первые русские предприниматели Русской Америки. XVIII век — время развития капитализма в России, чему способствовали многие факторы: реформы Петра Первого, направленные на то, чтобы сделать Россию Европейской державой, активное участие России во всемирных торговых отношениях, открытие и освоение новых земель, богатых ценными ресурсами. В XVIII в. состоялись беспрецеден-

тные экспедиции для описания российской территории. Неожиданно выглядит среди покорителей неосвоенных земель женская фигура Наталии Шелиховой. Она смело следовала за мужем, принимала участие во многих рискованных путешествиях, а, находясь в Иркутске, не только содержала в порядке дом и воспитывала детей, но активно помогала мужу в предпринимательской деятельности. Не владея грамотой, она налаживала торговые связи компании мужа. И после его смерти именно она стала главой клана Шелиховых и успешно вела деловые переговоры на разных уровнях.

Открывает книгу интервью с Д.Ю. Шелиховым — возможно, потомком знаменитой четы. Дмитрий Юрьевич указывает на то, что именно они были сторонниками прокладки дорог между Иркутском и Охотском, строительства нового порта. Заканчивает Шелихов пожеланием популяризации знаний о Григории Ивановиче и Наталии Алексеевне, с чем невозможно не согласиться.

Несомненной заслугой Петрова является нахождение и публикация ценных документов, касающихся деятельности семьи Шелиховых. Так, в приведенном в книге «Объяснении Г.И. Шелихова в Рьельский городской магистрат» 1781 г. Григорий Иванович пишет о целях своих предприятий: «для поисков неизвестных островов и земель и сыскания необитаемых диких народов, которых собственными трудами и капиталом из усердия к Отечеству стараюсь сыскать и подводить под высокосамодержавною Российскаго ИМПЕРАТОРСКАГО престола власть, а затем и для собственной своей пользы через посредство промысла на тех островах и землях дорогих зверей», а для того отправлял он суда «на известные по Курильской гряде острова, а другие на ближние и дальние Алеутские острова в том же Северо-восточном Тихом океане, а при чем сыскания неизвестных островов и разведывания Северной Америки».

Разумеется, наибольший интерес представляет публикация неизвестной ранее семейной переписки Шелиховых. На основе данных писем можно реконструировать жизненный уклад семей предпринимателей, осваивавших Америку. Семья Шелиховых сочетала элементы патриархальности и новаторства. Письма Наталии Алексеевны характерны для конца XVIII столетия: обращение к супругу на «вы», упот-

ребление традиционных обращений — «любезный друг мой», «милостивый государь», жена докладывает мужу обо всех домашних делах и новшествах, В то же время, выступая полноправным партнером мужа в предпринимательстве, она дает ему советы, следит за деятельностью компаньонов мужа, налаживает торговые связи. Петров предполагает, что успех Григория Ивановича в организации экспедиции 1775 г. был связан с его браком с Наталией Шелиховой, за которую он взял значительное приданое, и тем самым упрочил свое финансовое положение. Но главное «приобретение», конечно, было не в деньгах, а в личных качествах молодой жены, причем невесте в то время было, скорее всего, только 14 лет, а жениху — 26.

Практически ничего не известно о жизни героини до замужества, мы не знаем ее девичьей фамилии, а следовательно можем лишь строить предположения о ее происхождении. Автор, анализируя письма Шелиховых, отмечает, что П. Сибирякова в своем письме от 11 апреля 1793 г. упоминает брата и сестер Наталии Шелиховой. Возможно также, что Екатерина Алексеевна Голенищева могла быть сестрой Наталии. Автор также ставит под сомнение версию о том, что Наталия Алексеевна — дочь Алексея Кожевина, штурмана из Охотска. Действительно, сопоставляя факты, можно предположить, что невесту Шелихов нашел в доме состоятельного купца, к тому же фигурирующая в письмах Фекла Яковлевна Кожевина может приходиться дальней родственницей Наталии, но также может быть и ее няней, что является более вероятным.

Говоря о судьбе ПАК, невозможно не рассказать об Иване Ларионовиче Голикове и его двоюродном брате Михаиле Сергеевиче. Детально сотрудничество Шелиховых и Голиковых разобрано Петровым в монографии «Образование Российско-американской компании», однако столь важный аспект сотрудничества был проанализирован и в данной книге. Причем более подробно разобраны интриги и личные отношения партнеров.

В книге речь идет также о начальных этапах сотрудничества предприятий Шелихова с якутским купцом Павлом Сергеевичем Лебедевым-Ласточкиным. Интересным является тот факт, что письма последнего во время пребывания супругов Шелиховых в столице были

адресованы одновременно мужу и жене, но носили деловой характер, что указывает на особенное положение Наталии Алексеевны в делах компании.

Отдельная тема в монографии — взаимоотношения Шелиховых с туземцами, аборигенами Аляски. Благодаря найденным в архивах сведениям, удалось узнать, что Шелихова содействовала распространению грамотности среди коренного населения, особенно среди мальчиков, которые обучались и проживали в ее доме в Иркутске. Более того, она стала крестной матерью одной из женщин-туземок — Екатерины Шаевой. Русские довольно часто становились крестными восприемниками местных жителей. Г.И. Шелихов открыл школу на Кадьяке, в которой детей обучали русскому языку и некоторым другим наукам. Противоречат такой благостной картине донесения капитана И.И. Биллингса Екатерине Второй. Руководитель государственной «Астрономической» (исследовательской) экспедиции северной части Тихого океана редко доброжелательно отзывался о Шелиховых. Но его рапорты не смогли перечеркнуть их заслуг и не повредили их предприятням.

С темой аборигенов связана и миссионерская деятельность Православной Церкви. Как известно, несколько монахов были направлены в столь отдаленные пределы России для просвещения туземцев. Перед автором данной монографии не стояла задача подробно освящать вопросы духовной миссии на Аляске, однако приведенные сведения являются оригинальными изысканиями в этой области и должны быть учтены последующими исследователями деятельности монахов в Русской Америке.

Непростыми были отношения и с предпринимателями из США, сложность конкуренции с которыми объяснялась еще и тем, что власти Соединенных Штатов полностью поддерживали любые действия своих подданных, в том числе и практику продажи туземцам оружия, которое они использовали против русских.

Эти и многие другие вопросы супруги обсуждали в переписке, которая к счастью для исследователей, во многом уцелела. Но в 1795 г. умер Григорий Иванович, оставив Наталию Алексеевну во главе семьи и во главе компании, которой долгие годы они

руководили вместе. Нелегко пришлось вдове — на момент смерти мужа она ожидала появления ребенка, к тому же компания переживала кризис. Но эта замечательная женщина с честью выдержала испытания и добилась процветания не только экономического, но и социального. В ноябре 1797 г. ей было даровано дворянство.

В 1797 г. после решения Шелиховой о слиянии капиталов ее компании с компанией купцов Мыльниковых появилась новая организация, которую новый император Павел Первый посчитал полезной. Затем появилась Соединенная американская компания и, наконец, знаменитая Российско-американская компания.

Шелиховы выдали своих дочерей за достойных людей (М.М. Булдаков и Н.П. Резанов), которые радели о благе компании. Петров подробно анализирует отношения тещи с зятьями, опираясь на архивные источники личного происхождения (письма, прежде всего).

Но затем наступает период размолвок в семье и трагедий, описанных не менее драматично. Смерть мужа, а в 1798 г. — внука в возрасте одного месяца, а затем дочери Анны Резановой подорвали здоровье Шелиховой. К тому же начало XIX в. ознаменовалось для РАК серьезными финансовыми проблемами. Однако компания выстояла, прежде всего, благодаря усилиям клана Шелиховых.

В предпоследней главе пишется об обстоятельствах смерти Наталии Алексеевны марта 1810 г. в Москве. Петров много времени посвятил поиску ее захоронения, но безуспешно. Мы можем лишь предполагать, что могила ее находится на кладбище Донского монастыря.

Последняя глава рассказывает о судьбе клана Шелиховых и деятельности РАК после смерти Наталии Алексеевны, что неслучайно, поскольку всю свою жизнь она посвятила семье и предпринимательству. Развивалось и освоение Америки, в 1812 г. был основан Форт Росс (самая южная крепость Русской Америки).

Несомненными открытиями являются обнаруженные автором в РГИА перечни держателей ценных бумаг РАК, а именно списки, датированные началом XIX в., концом 1823 г., июнем 1825 г. и, наконец, список, составленный не позднее 1835 г., что проливает свет на ранее неизвестные страницы истории, как РАК, так и русского предпринимательства, в целом.

Наталья Алексеевна заботилась о судьбе Русской Америки как региона России. Немало ее предложений получило высочайшее одобрение, поэтому, соглашаясь с аргументами Петрова, можно констатировать, что во многом развитие России на Тихоокеанском Севере — заслуга героини Аляски.

Подводя итог, следует признать большое значение монографии Петрова для исследователей как гендерной истории, так и русско-го предпринимательства, а также историчес-

кого краеведения и истории повседневности России. Книга рассчитана на широкую аудиторию, так как, несмотря на безусловно высокий уровень проработанности тематики, использование значительного архивного материала, она написана увлекательно и доступно, что способствует популяризации истории Русской Америки и просвещению в целом.

А.С. ЧИЖИКОВА

Л.И. ИВОНИНА. *Спутники Марса: принц Конде и маршал Тюренн.* СПб. Нестор-история. 2013. 224 с.

Новая монография профессора Л.И.Ивониной посвящена знаменитым французским полководцам XVII в. — маршалу виконту Анри де Тюренну и герцогу Энгийенскому, принцу Луи Конде. Этой книгой автор продолжает серию исторических портретов военачальников эпохи войн Вестфальской системы, начавшуюся с биографий маршала Виллара и герцога Мальборо. При описании Конде и Тюренна автор использует художественные образы, сравнивая их со спутниками Марса — Фобосом и Деймосом. Под Марсом, в данном случае Богом войны, подразумевается Король-Солнце Людовик XIV.

Автор показывает, сколь различны по характеру были эти два выдающихся французских полководца. Принц Луи Конде — эмоционален, горяч и высокомерен, его коллега, наоборот, — хладнокровен и скромнен. Маршал Тюренн сторонился двора, а принц, любил находиться при дворе, дышать воздухом его интриг (с. 137, 143). Ивонина отмечает различия и в «полководческом почерке» Тюренна и Конде. Тюренн большое внимание уделял вопросам организации войск, воинской дисциплине и обучению. Современники отмечали его доброту и мягкость в обращении с подчиненными. Наряду с этим он мог проявить и необходимую твердость. А Конде не жалел солдат и шел к успеху, невзирая ни на какие потери.

Ивонина отмечает, что по-разному пролегал и путь этих выдающихся полководцев к вершинам военной иерархии. Тюренн прошел его в прямом смысле слова от рядового до маршала, то есть от простого солдата до Главного маршала Франции. Он начал службу рядовым армии Республики Соединенных про-

винций под началом принца Оранского. Это государство считалось тогда союзником Франции. У принца Оранского, как писал Тюренн в своих мемуарах, он научился «выбору местности, осадному искусству и особенно искусству составлять предначертания, долго обдумывать их и не изменять в них ничего до самой последней минуты исполнения». Дослужившись до полковника, виконт продолжил службу во французской армии, где находился в подчинении именитых военачальников. С 1635 г. Тюренн участвовал в Тридцатилетней войне. В первом же походе при отступлении французов к Мецу он проявил энергию и хладнокровие. В 1643 г. за успешные действия в Северной Италии против испанских войск виконт получил звание маршала (в 32 года). Анри Тюренн был настоящим практиком военного дела.

Совсем по-другому поднимался к вершинам военной иерархии принц Конде. Он получил хорошее военное образование, окончив Королевскую военную академию. Герцог Энгийенский известен своими обширными военно-теоретическими знаниями, которые успешно применял на практике. Его современники отмечали, что Конде не расставался с книгами и во время походов. Начав военную службу в 1640 г., принц проявил себя в трех кампаниях Тридцатилетней войны. Тем не менее, на решение о назначении 22-летнего герцога Энгийенского главнокомандующим армией на северной границе безусловно повлияла его принадлежность к «принцам крови». К молодому полководцу приставили «дядьку» — старого опытного маршала Л'Опиталья в должно-

сти заместителя главнокомандующего. В сражении при Рокруа 18—19 мая 1643 г. проявились исключительные полководческие качества герцога Энгиенского, сыгравшего решающую роль в бою и не растерявшего в трудную минуту. Захватив инициативу, силами конницы своего правого крыла, смелыми и решительными действиями герцог добился полного разгрома противника. Блестящая победа над испанской армией прославила молодого военачальника в Европе, повысила его авторитет внутри Франции и еще больше обострила его непомерное чувство собственного превосходства. Ивонина приходит к выводу, что эти качества впоследствии привели «принца крови» в ряды фрондеров, а затем и на путь измены королю. Разгром испанцев под Рокруа, как оказалось, не определил перелома в ходе войны. Спустя 5 лет в сражении при Лансе Конде вновь одерживает крупную победу над испанской армией. Однако война с Испанией продолжалась еще 11 лет.

Очень интересны разделы книги, посвященные Тюренну, чей полководческий талант наиболее ярко проявился в кампании 1648 года. Его армия снабжалась, главным образом, из местных ресурсов, то есть существовала за счет населения театра военных действий, территория которого подвергалась опустошению. Организуя ограбление и разорение населения, маршал достигал большей подвижности своих войск и меньшей зависимости от снабжения. Бой, по существу, имел целью не уничтожить противника, а овладеть территорией, что способствовало, по утверждению Тюренна, увеличению своих сил и ослаблению противника (с. 83—86).

Впервые оба полководца встретились и приняли участие в кампании 1644 года. В самом длительном сражении при Фрейбурге Конде и Тюренн командовали французскими войсками и вынудили имперско-баварскую армию отступить. Анализируя полководческий стиль обоих французских военачальников, который проявился в этом сражении, Ивонина отмечает, что если для Конде были свойственны молниеносные, но не всегда обдуманные решения, то Тюренн тщательно продумывал ход любой операции. В письме к герцогу Энгиенскому кардинал Мазарини советовал ему теснее сотрудничать с Тюренном, который, как полагал первый министр, уравновешивает его горячие порывы. Именно с кампании 1644 г.

началось сотрудничество этих двух самых выдающихся полководцев короля Людовика XIV.

Во время Фронды герои книги в итоге оказались по разные стороны баррикад. Интересы семьи и увлечение сестрой принца Конде, известной авантюристки герцогиней Лонгвиль, привели Тюренна в лагерь оппозиции. Мазарини, королева и принц Конде пытались образумить его. В 1650 г. Конде, его брат принц Конт и герцог Лонгвиль по приказу Мазарини были заключены в Венсеннский замок. Виконт пошел на сговор с испанцами, чтобы принудить Мазарини к миру. На испанские деньги маршал собрал армию, но потерпел поражение и едва не попал в плен. В 1651 г. он, воспользовавшись всеобщей амнистией, возвратился в Париж, а Мазарини бежал в Германию. Принц Конде выступал против кардинала, но привлечь на свою сторону старого соратника Тюренна ему не удалось. По мнению автора книги, причиной этому было то, что виконт уже разочаровался в оппозиции. Теперь он участвовал в военных действиях в качестве командующего королевской армией. Старые соратники встретились на поле боя. В сражении у Сент-Антуанских ворот Парижа принц чуть не попал в плен к маршалу. В октябре 1652 г. Конде выехал в Испанские Нидерланды, а в феврале 1653 г. в Париж возвратился Мазарини. Теперь принц встал под испанские знамена: из хранителя устоев трона, которому он служил, Конде превратился во врага короля. Ему заочно был вынесен смертный приговор.

Война на стороне бывшего врага, с которым принц так успешно сражался, оказалась для него неудачной. У Испании были свои военачальники, которые не жаловали пришельца. Летом 1654 г. Конде и испанский военачальник дон Фернандо Салис осаждали Аррас. Но Тюренн, командовавший французской армией, снял осаду и одержал верх над Конде. Принц смог отыгаться, заставив виконта снять осаду Валансьенна в 1656 году. Но в «битве в дюнах» у Дюнкерка Конде потерпел поражение от Тюренна в основном из-за своих испанских соратников. Однако испанцы не бросили своего военачальника и во время переговоров о заключении мира просили за него французскую сторону. Стороны договорились, что принц напишет покаянное письмо Людовику XIV с обещанием не сотрудничать с другими державами и распустит своих солдат.

Только после этого король простил своего подданного. Причиной этому, как правильно указывает автор, было то, что французский монарх хотел использовать в будущем военный опыт Конде (с. 126).

После окончания Фронды оба военных оказались востребованными на политическом поприще. Конде ввязался в борьбу за польский престол, а Тюренн стал государственным министром, ответственным за определенные направления внешней и военной политики. Он получил высшее воинское звание, равное званию генералиссимуса, — Главный маршал Франции. Однако, коннетаблем (верховным главнокомандующим) Тюренн так и не стал, несмотря на переход в католичество после смерти жены. Виконт участвует в составлении договоров с другими странами, способствует реставрации Карла II и ведет переговоры о продаже Франции Дюнкерка. Во время войны 1667—1668 гг. маршал Тюренн командовал корпусом в Испанских Нидерландах. Его войска стремительно захватывали крепости. Принц Конде также успешно действовал во Франш-Конте, которая была занята всего за 14 дней (с. 146—150).

В книге подробно отражена милитаризация власти во Франции (Ивонина часто использует этот термин), проявившаяся в ходе и результатах военной реформы маркиза де Лувау начала 1670-х гг., когда самостоятельность французских военачальников была ограничена. Реформа позволяла министру, будучи гражданским лицом, вмешиваться в руководство военными операциями. Оба полководца выступали против новой системы, но Лувау пользовался поддержкой короля. Автор справедливо указывает, что некомпетентное вторжение гражданского министра в ход военных операций влекло за собой неудачи французской армии.

В начавшейся Голландской войне (1672—1678 гг.) в наибольшей мере проявился талант обоих французских полководцев. Они уже находились в более чем зрелом возрасте (Конде был 51 год, а Тюренну — 61). Это была их последняя война.

В книге показываются новаторские приемы, примененные маршалом в этой войне. Тюренн смело порвал с традициями борьбы за обладание крепостями и укрепленными пунктами. Маневрирование войск под его командованием не было самоцелью, оно не исклю-

чало боя. Однако бой уже не имел решающего значения. Маневром Тюренн старался воздействовать на коммуникации противника и истощить его силы. Когда противник оказывался на коммуникациях французской армии, то Тюренн атаковал его и этим восстанавливал свои сообщения. У маршала был лишь один достойный противник — имперский фельдмаршал Монтекукколи. Тюренна называли родоначальником маневренной стратегии. У него бой являлся одним из средств маневра. В июле 1675 г. маршалу удалось обойти имперскую армию Монтекукколи и вынудить ее принять сражение, но еще до боя он был убит случайным выстрелом из пушки.

В Голландской войне принц Конде командовал армией, которая действовала в Испанских Нидерландах. Он одержал ряд побед. Совместно с армией Тюренна принцу удалось овладеть крепостью Маастрихт и другими голландскими крепостями Нижнего Рейна. В 1674 г. его войска сорвали план статхаудера Республики Соединенных провинций Вильгельма III Оранского вторгнуться в Северную Францию.

В конце 1675 г. Конде подал в отставку и проживал в своем владении Шантийи. Он был довольно богатым человеком. В доме у него собирались полководцы, министры, предприниматели, творческие личности. Умер принц Луи де Конде в возрасте 65 лет.

Представленный краткий анализ не охватывает все сюжеты книги. Работа содержит большой фактический материал, ранее малоизвестный отечественному читателю. Несмотря на научно-популярный характер, книга опирается на солидную базу источников и литературы: мемуары Тюренна, переписку политических и военных деятелей Франции, сочинения военных теоретиков и историков.

Вместе с тем, в книге имеются отдельные неточности. Наприме, в ней говорится, что опытный ветеран маршал Л'Опиталь стал генерал-лейтенантом в армии Конде (с. 49). Получается, что его понизили в звании. На самом деле, французский термин *Général-lieutenant* мог означать в то время и заместителя командующего. Слово «лейтенант» происходит от французского *lieu tenant* — заместитель. Таким образом, маршал Л'Опиталь просто получил назначение на новую должность. Упомянув о пострадавших от оккупации

французскими войсками, автор пишет о территории Треве (с. 167). По-французски Trèves означает город Трир. Поэтому речь идет, скорее всего, об оккупации французскими войсками Трира.

Впрочем, такие частности никак не умаляют научных и художественных достоинств книги, в которой на большом историческом материале затронуты проблемы, являющиеся ак-

туальными и для современной армии, и для современной политической жизни. Яркие запоминающиеся характеристики Конде и Тюренна, несомненно, будут интересны широкому читателю. Книга написана хорошим литературным языком, что также является ее несомненным достоинством.

М.П. БЕЛЯЕВ

Т.В. КУЩ. *На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии.* Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 2013. 456 с.

Знаменательным событием в жизни российского византиноведения стало появление новой монографии Т.В. Кущ, едва ли не самого продуктивного представителя среднего поколения Уральской византиноведческой школы. Актуальность данного исследования трудно переоценить — она определяется значимостью самого феномена интеллектуализма во всемирной истории. Действительно, роль интеллектуалов не сводится к влиянию в какой-нибудь одной области знаний, к прорывам лишь в одной области познания мира, хотя и этого было бы достаточно для нескольких книг.

Влияние интеллектуалов много шире. Они не только создают модели воспитания и образования, соответствующие высшим ценностным ориентирам, но и определяют новое качество жизни общества, основанного на принципах свободы, ценности отдельной личности, высокой оценке креативных способностей человека, на признании превосходства культуры над природой, духовности над прагматикой и стихией потребления. Актуальность монографии Кущ усиливается остротой поднятых проблем, главным образом, — особым социокультурным статусом носителей интеллектуализма в поздней Византии, в обстановке небывалого культурного подъема, далеко не бесспорно порой обозначаемого византинистами как «Палеологовское Возрождение», и одновременно в условиях жесточайшего кризиса самих устоев Византийской империи. Здесь со всей остротой встает вопрос — способна ли была интеллектуальная элита Византии осознать всю тяжесть турецкой угрозы и предло-

жить оптимальную стратегию выживания? Лежит ли на интеллектуальной элите Византии ответственность за трагическую участь Константинополя и империи? И надо сразу отдать должное автору — ее труд соответствует высоте заявленных притязаний.

Успешность и результативность исследовательского дискурса задается полнотой источниковой базы. Автором критически изучены разнообразные письменные источники — нарративные тексты, среди которых выделяются риторические сочинения византийских авторов последней трети XIV — первой половины XV в., исторические повествования Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина, Дуки, Лаоника Халкокондила, Георгия Сфрандзи и др., богатая византийская эпистолография, где одному лишь Димитрию Кидонису принадлежит более 450 писем.

Надежной гарантией продвижения вперед в освоении заявленной темы выступают широта и глубина историографического экскурса. Несмотря на относительную молодость проблематики интеллектуальной истории Византии, определенные предпосылки к ее постановке были заложены уже в работах первых византинистов по истории культуры, литературного творчества, образования и воспитания, богословской и натурфилософской рефлексии палеологовской эпохи. Признавая приоритет американского византиниста И. Шевченко в изучении интеллектуальной жизни поздней Византии (стоит лишь вспомнить его монографию 1981 г.), автор справедливо отмечает появление в последние десятилетия новых направлений в понима-

нии интеллектуального наследия поздней Византии: здесь и повышенный интерес к конструированию образа «другого» в поздневизантийских текстах — будь то «латинянин», «франк», или «турок»; здесь и пристальное внимание к формам интеллектуальной коммуникации, и микроструктурный анализ интеллектуальных сообществ столицы и провинциальных центров, и изучение деятельности отдельных персон.

Куц продуктивно использует методы интеллектуальной истории, в основе которых лежат классические труды Томаса Куна, Мишеля Фуко, Гастона Башляра и Луи Альтюссера с их идеями смены парадигм, приемы микроисторического анализа, разработанные Карло Гинзбургом и его последователями, методы новой социальной истории, убедительно продемонстрированные Робертом Дарнтонем. Но, пожалуй, решающая роль в монографии отводится просопографическому методу, обоснованному Майклом Арнхеймом, Анри Шастаньоном и Тимоти Барнсом. В соответствии с его канонами автором составлено досье на каждого из 152 византийских интеллектуалов 1371—1453 гг., в которых отражены происхождение, семья, родственные и дружественные связи, образование, карьера, круг общения и перечень авторских сочинений. Учет сменяемости поколений по линии наставническо-ученических связей (учитель — ученик — ученики учеников) позволяет автору подойти к пониманию смысла интеллектуальной трансформации в Византии, произошедшей к середине XV века.

Убедительна и структура монографического исследования. К интересным новым наблюдениям приводит социокультурный анализ поздневизантийской интеллектуальной среды, проделанный автором. При своей очевидной устойчивости и постоянстве эта среда не была единой: выделялась элита, определявшая духовный климат в византийском обществе; ей противостояла интеллектуальная периферия; различались сторонники исихазма, паламизма и их противники, латинофилы, туркофилы и ортодоксы. Менее 10 % интеллектуалов принадлежали к аристократическим кланам, включая представителей правящей династии. Подавляющая же масса происходила из средних слоев, из самой гущи народа, демонстрируя открытость византийского общества, редкие для средневековья возможности вертикаль-

ной социальной динамики в Византии, благодаря образованию и интеллектуальным талантам. Это — служители церкви, учителя, врачи, юристы, военные. Треть интеллектуалов смогла достичь положения знати, конвертируя индивидуальный высокий уровень образованности и личные способности в социальный капитал.

Как справедливо отмечает Куц, столица отнюдь не доминировала в интенсивной интеллектуальной жизни империи; больше половины интеллектуалов, выделявшихся высокой духовной креативностью, были связаны с провинцией, что позволяет сделать вывод о провинциализации интеллектуальной сферы в последнее столетие существования Византийской империи. Еще более впечатляющи наблюдения демографического порядка.

Заслуживает поддержки и другое значимое заключение Куц — о социальных стратегиях византийских интеллектуалов, пределом мечтаний которых было получение высокой государственной должности при дворе, поскольку социальное благополучие в Византии гарантировала не земельная собственность, а служба императору, которая воспринималась как наилучшая возможность служения общему благу.

Весьма важны рассуждения исследователя о формах интеллектуальной коммуникации в Византии. Это и возрождение античного образца дружбы ученых, участие в судьбе учеников, обмен учениками, публичные диспуты, дискуссии, обмен сочинениями для критики или перевода и деятельность особых объединений византийских интеллектуалов, так называемых «театров», предшественников получивших на Западе распространение в эпоху Ренессанса академий, и изощренные эпистолярные практики, и обмен дарами. Особое значение приобрели именно «театры», где проводилось публичное испытание мыслительных способностей, искусства риторики, ведения полемики тех, кто закончил постижение наук и мог рассчитывать на вхождение в круг избранных.

Богат многими новыми идеями анализ гуманистических тенденций в интеллектуальной жизни поздней Византии. Византийские интеллектуалы были озабочены судьбой Константинополя и империи. Наиболее глубокие умы предвидели трагическую участь Визан-

тии, однако одновременно им была присуща твердая убежденность в извечности имперской идеи и столицы христианской ойкумены, которая передаст свою харизму достойному преемнику.

Новые ориентиры задают и размышления историка о реакции интеллектуалов на реальные испытания, которые выпали на долю Византии в XIV—XV веках. Это и конфронтация в обществе, и обострение внутрдинастической борьбы, и эпидемия чумы, и османская экспансия. Но пессимизм интеллектуалов порождался не столько этими бедами, сколько упадком нравов, патриотизма, образования в Византии. В качестве действенного средства изменения ситуации были предложены разные доктрины, в частности «византийский национализм» Мануила Хрисолоры, который говорил о необходимости возрождения школ, наук, языка как условия не только свободы, но и сохранения империи.

Исключительно ценны результаты исследования диалога Византии с Западом, проведенного автором. Латинофильство автор справедливо рассматривает как форму инакомыслия по отношению к позиции ортодоксии. Однако подобное инакомыслие не подавлялось государством, а напротив порой даже культивировалось, поскольку сама власть выступала инициатором обновления Византийской империи на пути унии с Западом. Латинофильство стало решающим фактором интеллектуальной эмиграции из Византии в страны Западной Европы, в первую очередь, в Италию.

Монография вносит существенный вклад в изучение сложного и неоднозначного историко-культурного феномена — интеллектуальной среды Византии в решающей стадии существования империи.

Как всякое исследование, осуществляющее прорыв в научном познании, рецензируемая книга неизбежно порождает вопросы и тем самым стимулирует дискуссию.

Прежде всего, насколько приемлема категория «интеллектуал» в отношении византийской духовности палеологовской эпохи? Известно, какую критику в свое время вызвала монография Жака Ле Гоффа «Интеллектуалы в Средние века». Отмечалось, что так называемые «интеллектуалы» не занимались светскими областями познания, не были ориентированы на постижение науч-

ной истины, которая может быть обоснована средствами разума, подтверждена экспериментом, не обладали свободой мысли, а главное — научным знанием, которое сообщает знающему особую внутреннюю силу, способность пожертвовать собственной жизнью ради истины. Предлагалось пользоваться более надежным и утвердившимся термином «книжники». Это говорилось относительно средневекового Запада, где были университеты, факультеты не только богословия, но и права, медицины. В Византии поле проявления интеллектуальной индивидуальности было и того уже. Те византийцы, что блистали умом и красноречием, состояли на государственной службе империи и, стало быть, в еще большей степени были несвободны; они отличались не упорством в постижении и отстаивании истины, а показной лояльностью императору и ортодоксальной церкви; никто из них не был способен жертвовать не только жизнью, но и хотя бы частью своего благополучия ради великой цели приближения к истине. Конечно, они были необыкновенно образованны, обладали широкой эрудицией, знанием классических авторов, в совершенстве владели искусством слова, писанного и устного. Но это были, скорее, риторы, литераторы, кого на Западе в ту же эпоху называли «litterates».

Далее, хотелось бы остановиться на вопросе корпоративной институализации интеллектуальной среды поздней Византии, тем более, что он приобрел особую остроту в силу акорпоративности византийского общества в целом. Да, здесь сложились свои неписанные нормы, модели, механизмы профессиональной коммуникации, представления об авторитете, школе, преемственности знаний от учителя к ученику. И все же этого мало для определения сообщества византийских интеллектуалов как корпорации. Здесь недостает легитимации отношений в ученой среде, какая была на Западе с XII в. даже в тех областях византийского культурного круга, где доминировали принципы унии. Скажем, в среде армянской диаспоры в Кафе, которая была беспросветной периферией по сравнению с Константинополем, сложилась корпорация профессоров бывшего Татевского университета, и там проводились защиты диссертаций, присваивались ученые степени бакалавров и

магистров. Образованное сообщество было более похоже на воображаемую «литературную республику», своеобразное экспертное сообщество, которое диагностировало состояние империи, высказывало обоснованные прогнозы на дальнейшее развитие событий, но не знало ученой иерархии, строгих правил адаптации в свою среду, совершения особых процедур посвящения, ритуалов инвеституры с клятвами и присягами. Здесь, быть может, более уместно рассматривать коммуникацию в образованной среде Византии в контексте модных сегодня на Западе концепций «социальных сетей».

Невозможно обойти молчанием еще один момент. В монографии достаточно широко используется понятие «наука». Однако в какой мере можно говорить о науке применительно к Византии конца XIV — первой поло-

вины XV века? Наука сопряжена со светской системой образования, опирается на личностную самоидентификацию ученого, на развитие свободной мысли, созидательные способности исследователя. Знанию «высоколобых» в ту эпоху достаточно сильную оппозицию составляло «народное знание», культивируемое учениками, путешественниками, купцами, ремесленниками. Все великие открытия того времени были совершены как раз представителями этого сниженного знания, что отражает донаучный статус мировоззрения, как Византии, так и современной ей Западной Европы.

В целом, высказанные в порядке полемики суждения делают монографию Т.В. Куц еще более насыщенной и привлекательной.

А.Г. ЕМАНОВ

**Учредители: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук**

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.Л. Сорокин, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 1, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25. 12. 2013. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 2000. Заказ 170. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**